PG 3317
.M8 02
1815
Copy 1

Антикварная Книжная Торговля
П. В. ШИБАНОВА
москва.

№ 4124.
выпус. 2.
1 рубль

Class PGR 1777
Book D

YUDIN COLLECTION

ОБИТАТЕЛЬ ПРЕДМѢСТІЯ

И

ЭМИЛІЕВЫ ПИСЬМА.

ВЪ С^Тъ ПЕТЕРБУРГѢ 1815.

C4R

РЧВ Muravev, Mikhail Nikitich

ОБИТАТЕЛЬ ПРЕДМѢСТІЯ

и

ЭМИЛІЕВЫ ПИСЬМА.

Сочиненіе

М. Н. Муравьева.

Мать дочери велитъ труды его читать.

Дмитріевъ.

Въ Санктпетербургѣ,

печатано при Императорской Академіи Наукъ

1815.

PG3317
.M8O2
1815

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ. Ноября 28 дня 1814 года.

Цензоръ, Ст. Сов. и Кав. Ив. Тимковскій.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Разбирая бумаги покойнаго *М. Н. Муравьева*, мы нашли сочиненіе подъ названіемъ: *Эмиліевы письма*, которое можетъ служить продолженіемъ *Обитателя предмѣстія* (отрывка, напечатаннаго въ собраніи его сочиненій: *Опыты Исторіи, Словесности и Нравоученія, Москва, 1810*). Теперь *Обитатель предмѣстія* и *Письма Эмиліевы*, составятъ цѣлую особенную книгу, которую наставники могутъ съ пользою вручить дѣтямъ. Зная недостатокъ въ книгахъ, воспитанію посвященныхъ, мы съ удовольствіемъ взяли на себя трудъ издателей и щастливыми себя почитать будемъ, если заслужимъ одобреніе нѣжныхъ матерей и наставниковъ. Переводы иностранныхъ книгъ, часто слабые и дурные, не удовлетворяютъ ихъ желанію; лучшія произведенія въ прозѣ на-

3 тн 76

шихъ писателей не могутъ находиться вполнѣ въ рукахъ юношества, по возвышенности слога и по содержанію. Чѣмъ замѣнить ихъ? Иностранными книгами, гдѣ ни слова нѣтъ о Россіи, гдѣ все переноситъ юное воображеніе въ землю неизвѣстную, къ предметамъ, для него во все чуждымъ, и такимъ образомъ даетъ ему обо всемъ ложныя понятія. *Обитатель предмѣстія и Эмиліевы письма,* замѣнятъ отчасти, такъ кажется намъ, сей недостатокъ въ книгахъ для воспитанія. Здѣсь авторъ часто говоритъ о Россіи, о древней и новой Словесности, какъ пламенный любитель всего прекраснаго. Каждое письмо можетъ служить урокомъ Словесности и Нравственности. Вообще къ нашему писателю можно примѣнить стихи Г. Дмитріева:

Я лучшей не могу хвалы ему сказать:
Мать дочери велитъ труды его читать.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. *Обитатель предмѣстія* - - - 3

II. *Эмиліевы письма* - - - - 57

III. *Тетрадь для сочиненій* - - - 131

Избраніе Геркулеса - - - - - 136

Несогласіе вождей пагуба народовъ - 137

Благоразуміе, соединенное съ мужествомъ, превозмогаетъ рано или поздно величайшія препятствія - 138

Общежительность - - - - - 140

Анхисъ и Еней - - - - - - 141

Вольность - - - - - - - 143

Плѣнники - - - - - - - - 145

Общество добрыхъ людей - - - 148

Общее благоволеніе къ человѣческому роду - - - - - - - - 150

Домашнее благополучіе - - - - 153

Дружество великаго человѣка - - 156

Примѣръ Государя - - - - - 158

Нравственное чувство - - - - 161

Соболѣзнованіе къ страждущимъ - 164

Установленіе гражданскаго общества въ Греціи - - - - - - - 166

Стран.
Путешествіе Анахарсиса - - - 167
Опыты, касающіеся Военной Исторіи 169
Польза законовъ и мира - - - - 173
Предложеніе - - - - - - - - 176
О слогѣ - - - - - - - - - 179
Владычество Нравоученія - - - 182
Внутреннее сознаніе, второй источникъ понятій - - - - - - - 185
Пользы и затрудненія государственнаго знанія - - - - - - - - 188
IV. *Письмо о сочиненіяхъ Г. Муравьева.*

ПИСЬМО

о сочиненіяхъ

Г. МУРАВЬЕВА,

изданныхъ по его кончинѣ,

Москва, 1810.

Письмо къ И. М. М. А.

о сочиненіяхъ

Г. МУРАВЬЕВА.

Перечитывая снова рукописи и сочиненія *М. Н. Муравьева*, (изданныя по его кончинѣ, Москва 1810) я осмѣлился сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Двѣ причины побудили меня къ тому. Вамъ будетъ пріятно, М. Г., бесѣдовать со мною о незабвенномъ мужѣ, котораго утрата была столь горестна для сердца вашего. Все тѣснѣе и тѣснѣе связывало васъ съ покойнымъ вашимъ родственникомъ. Самая дружба питалась, возвеличивалась взаимною любовію къ Музамъ, единственнымъ утѣшительницамъ сей бурной жизни. Она украсила дни цвѣтущей молодости вашей, и къ позднимъ лѣтамъ приготовила сладостныя воспоминанія. Конечно каждый стихъ, каждое слово Виргилія напоминаетъ вамъ о незабвенномъ другѣ вашемъ; ибо съ нимъ вы читали древнихъ, съ нимъ наслаждались прекрасными вымыслами чувствительнаго поэта Мантуи, глубокимъ смысломъ и гармоніей Горація, величественными

*

картинами Тасса, Мильтона и неизъяснимой прелестью стенаній Петрарка; однимъ словомъ, всѣми сокровищами древней и новѣйшей словесности.

Вторую причину, побудившую меня говорить о сочиненіяхъ Г. *Муравьева*, могу смѣло отнести на щетъ пользы общественной. Въ 1810 году, Г. *Карамзинъ* взялъ на себя пріятный трудъ быть издателемъ оныхъ, не смотря на важныя свои занятія по части Исторіи; ибо онъ любилъ въ покойномъ Авторѣ не однѣ дарованія, не одно искусство писать, соединенное съ обширною ученостію, но душу, прекрасную его душу. Говоря о писателѣ въ краткомъ предисловіи, онъ заключаетъ слѣдующими словами: „страсть его къ ученію равнялась въ немъ только съ страстію къ добродѣтели.“ Прекрасныя слова, и совершенно справедливыя! Кто зналъ сего мужа въ гражданской и семейственной его жизни, тотъ могъ легко угадывать самыя тайныя помышленія его души. Онѣ клонились къ пользѣ общественной, къ любви изящнаго во всѣхъ родахъ, и особенно къ успѣхамъ отечественной словесности. Онъ любилъ отечество и славу его, какъ Цицеронъ любилъ Римъ, онъ любилъ добродѣтель, какъ пламенный ея любовникъ, и всегда, во всѣхъ случаяхъ жизни, остался вѣренъ своей благородной страсти.

Послѣ долгаго отсутствія, возвращаясь въ отчизну, и съ новымъ удовольствіемъ принимаясь за Рускія книги, я искалъ во всѣхъ журналахъ выгоднаго или строгаго приговора сочиненіямъ Г. *Муравьева*. Четыре года прошло со времени ихъ изданія въ свѣтъ, и никто, ни одинъ изъ журналистовъ не упоминаетъ объ нихъ (*). Чему приписать сіе молчаніе? Лѣни Гг. редакторовъ и холодности читателей къ книгамъ полезнымъ, которыхъ появленіе столь рѣдко на горизонтѣ нашей словесности. Гг. журналисты поставляютъ себѣ долгомъ говорить только о томъ, что подѣйствовало на *чернь* нашей публики. Они захвалятъ по одному предубѣжденію юный, возникающій талантъ, или въ одномъ словѣ напишутъ ему страшный и несправедливый приговоръ. Ихъ лѣность сбираетъ плоды съ одного невѣжества. Къ нещастію, они во многомъ похожи на нашихъ актеровъ, которые, играя для партера, забываютъ, что въ ложахъ присутствуютъ строгіе судьи искусства.

(*) Въ прошломъ году Г. *Гнѣдичъ* упомянулъ о сочиненіяхъ Г. *Муравьева*, говоря о лучшихъ нашихъ прозаическихъ писателяхъ *въ разсужденіи о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей Словесности*. Мы съ удовольствіемъ услышали, что Е. П. Г. Попечитель С. П. бургскаго учебнаго округа предписалъ чтеніе сочиненій Г. *Муравьева* въ училищахъ сего округа.

Я пропущу другую причину хладнокровія и малаго любопытства нашей публики къ отечественнымъ книгамъ. Онѣ происходятъ отъ исключительной любви къ Французской словесности — и эта любовь неизлѣчима. Она выдержала всѣ возможныя испытанія и времени и политическихъ обстоятельствъ. Все было сказано на сей щетъ; всѣ укоризны, всѣ насмѣшки Таліи и людей просвѣщенныхъ . . . остались безъ пользы, безъ вниманія (*). Но я твердо

(*) Любовь къ Отечеству, страсть благородная, не ослѣпляетъ насъ на щетъ Французской Словесности. Просвѣщенный Россіянинъ будетъ всегда уважать писателей Лудовикова вѣка. Не Сѣверъ родина Омаровъ. Наши воины, спасители Европы отъ новаго Аттилы, потушили пламенникъ брани въ отечествѣ Расина и Мольера, и на другой день по вступленіи въ Парижъ, къ общему удивленію его жителей, рукоплескали величественнымъ стихамъ Французской Мельпомены на собственномъ ея театрѣ. Но исключительная страсть къ какой либо Словесности можетъ быть вредна успѣхамъ просвѣщенія. Истина неоспоримая, которую Г. *Уваровъ*, въ письмѣ къ Г. *Калнисту*, изложилъ столь блестящимъ образомъ. „Безъ основательныхъ познаній и долговременныхъ трудовъ въ древней Словесности, говоритъ почтенный защитникъ Омера и гекзаметровъ, никакая новѣйшая существовать не можетъ; безъ тѣснаго знакомства съ другими новѣйшими, мы не въ состояніи обнять все поле человѣческаго ума, обширное и блистательное поле, на которомъ всѣ предубѣжденія должны бы умирать и всѣ ненависти гаснуть.„

увѣренъ, что есть благоразумные читатели, которые, желая находить въ чтеніи пріятность, соединенную съ пользою, и будучи не довольны нашею Литтературою, столь бѣдною въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, часто съ горестію прибѣгаютъ къ иностранной. Такого рода люди — ихъ число ограничено — радуются появленію хорошей книги, и перечитываютъ ее съ удовольствіемъ. Для нихъ я спѣшу сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на сочиненія Г. *Муравьева* вообще, и напомянуть имъ о собственномъ ихъ богатствѣ.

Собраніе сихъ сочиненій (изданныхъ въ Москвѣ 1810) составлено изъ отдѣльныхъ піэсъ, которыя, какъ говоритъ Г. *Карамзинъ*, были написаны авторомъ для чтенія Великихъ Князей. Онъ имѣлъ щастіе преподавать Имъ наставленіе въ Россійскомъ языкѣ, въ нравственности и Словесности (*).

Желая начертать въ юной памяти историческія лица знаменитыхъ мужей, а особливо Великихъ Князей и Царей Рускихъ, авторъ, подобно *Фонтенелю*, заставляетъ разговаривать ихъ тѣни въ царствѣ мертвыхъ. Но Французскій

(*) Нынѣ благополучно царствующему Государю Императору и Цесаревичу Великому Князю Константину Павловичу.

писатель гонялся единственно за остроумiемъ: дѣйствующiя лица въ его разговорахъ разрѣшаютъ какую нибудь истину блестящими словами; онѣ, кажется намъ, любуются сами тѣмъ, что сказали. Подъ перомъ Фонтенеля нерѣдко древнiе Герои преображаются въ придворныхъ Людовикова времени, и напоминаютъ намъ живо учтивыхъ пастуховъ того же автора, которымъ не достаетъ парика, манжетъ и красныхъ каблуковъ, чтобы шаркать въ Королевской передней, какъ замѣчаетъ *Вольтеръ* — не помню, въ которомъ мѣстѣ. Здѣсь совершенно тому противное: всякое лицо говоритъ приличнымъ ему языкомъ, и авторъ знакомитъ насъ, какъ будто невольно, съ *Рюрикомъ*, съ *Карломъ Великимъ*, съ *Кантемиромъ*, съ *Горацiемъ* и пр. Онъ, какъ *Фонтенель*, разрѣшаетъ въ маленькой драмѣ своей какую нибудь истину, или политическую или нравственную; но жертвуетъ ей ничтожными выгодами остроумiя, и если смѣю сказать, скрывается за дѣйствующее лицо. Напримѣръ, желая сказать, что истинное богопочитанiе неразлучно съ человѣколюбiемъ, онъ заставляетъ разговаривать *Игоря* и *Ольгу*, которая была жестокою по добродѣтели и дѣйствовала по ложнымъ понятiямъ воспитанiя и на-

родныхъ нравовъ. Въ другомъ разговорѣ онъ выводитъ на сцену *Карла Великаго* и *Владиміра*, имѣя въ виду слѣдующее предложеніе: ,,слава добрыхъ Государей никогда не погибаетъ, и безпристрастный гласъ Исторіи, отдѣляя отъ нихъ нѣкоторыя легкія несовершенства человѣчества, представляетъ добродѣтели ихъ для подражанія потомству.“ И такъ далѣе.

Сіи разговоры и *Письма обитателя предмѣстія* могутъ замѣнить въ рукахъ наставниковъ лучшія произведенія иностранныхъ писателей. Въ нихъ моральныя истины изложены съ такою ясностію, съ такимъ добродушіемъ, облечены въ столь пріятныя формы слога, что самая разборчивая критика увѣнчаетъ ихъ похвалами. Насъ лучше удостовѣрятъ примѣры. Возьмемъ ихъ наудачу изъ писемъ. Сочинитель, удаленный отъ городскаго шума, въ пріятномъ сельскомъ убѣжищѣ ,,на берегахъ свѣтлаго ручья, по которымъ разбросано нѣсколько кустовъ орѣшника“ пишетъ къ своему пріятелю о различныхъ предметахъ, его окружающихъ; веселится сельскими картинами, мирнымъ щастіемъ полей и человѣкомъ, обитающимъ посреди чудесъ первобытной природы. Часто облако задумчивости осѣняетъ его душу; часто углуб-

ляется онъ въ самаго себя, и извлекаетъ истины, всегда утѣшительныя, изъ собственнаго своего сердца. Тихая, простая, но веселая Философія, неразлучная подруга прекрасной, образованной души, исполненной любви и доброжеланія ко всему человѣчеству, съ неизъяснимой прелестью дышетъ въ сихъ письмахъ. „Никакое непріятное воспоминаніе не отравляетъ моего уединенія; — (здѣсь видна вся душа Автора) чувствую сердце мое способнымъ къ добродѣтели; оно бьется съ сладостною чувствительностію при единомъ помышленіи о какомъ нибудь дѣлѣ благотворительности и великодушія. Имѣю благородную надежду, что, будучи поставленъ между добродѣтели и нещастія, изберу лучше смерть, нежели злодѣйство. И кто въ свѣтѣ щастливѣе смертнаго, который справедливымъ образомъ можетъ чтить самаго себя?“ Прекрасныя, золотыя строки! Кто, кто не желалъ бы написать ихъ въ изліяніи сердечномъ?—Потомъ, описавъ сладостныя занятія любителя Музъ въ тихомъ кабинетѣ, нашъ Авторъ прибавляетъ: „И послѣ того есть еще люди, которые ищутъ благополучія въ разсѣяніи, въ многолюдствѣ, далеко отъ домашнихъ боговъ своихъ!“ — „Какое щастіе отереть слезы невинностраждущаго, ока-

вать услугу маломощному, облегчить зависимость подчиненныхъ! Но что я скажу о дружбѣ? Чувствовать себя въ другомъ, разумѣть другъ друга столь искренно, столь скоро, при единомъ словѣ, при единомъ взорѣ? — Кто называетъ *дружбу*, называетъ *добродѣтель*." — Сіи строки, и многія другія, напоминаютъ намъ Монтаня, тамъ, гдѣ онъ, предаваясь щастливому изліянію своего сердца, говорилъ о незабвенномъ своемъ Лабоесѣ (*). Тонъ иныхъ писемъ важнѣе — но нравственная цѣль всегда одинакова. Признаюсь вамъ, М. Г., я не могу удержаться отъ удовольствія выписывать; притомъ это единственный и лучшій способъ показать красоты сочиненія и дать ясное понятіе объ Авторѣ. „Тихій вечеръ оканчивалъ знойный день. Солнце, величественнѣе и медлѣннѣе на концѣ пути своего, покоилося за мгновеніе предъ закатомъ на крайнихъ горахъ горизонта, а я прогуливался на крутомъ берегѣ Волги съ добродѣтельнымъ другомъ юности моей, съ кроткимъ моимъ наставникомъ. Власы главы его

(*) Si on me presse de dire pourquoi je l'aimois, je sens que cela ne se peut exprimer qu'en répondant: parceque c'étoit lui, parceque c'étoit moi.

Монтань.

бѣлѣли уже отъ хлада старости; весна жизни моей не разцвѣтала еще совершенно. Мы касалися оба противуположныхъ крайностей вѣка. Но дружба его и опытность сокращали разстояніе, которое раздѣляло насъ, и часто позабываяся, мнилъ я видѣть въ немъ старшаго и благоразумнаго товарища. Будучи важнѣе обыкновеннаго въ тотъ вечеръ, онъ говорилъ мнѣ: Сынъ мой!— симъ именемъ любви я одолженъ былъ нѣжности сердца его . . . озирая холмы сіи, одѣваемые небесною лазурью, поля, жатвы, и напояющія ихъ струи, не чувствуешь ли въ сердцѣ твоемъ благополучія? — Чудеса природы не довольны ли для щастія человѣка? Но одно худое дѣло, котораго сознаніе оскорбляетъ сердце, можетъ разрушить прелесть наслажденія. Великолѣпіе и вся красота природы, вкушается только невиннымъ сердцемъ. Одно щастіе —добродѣтель; одно нещастіе—порокъ. И всѣ вечера твои будутъ такъ тихи, ясны, какъ нынѣшній! Спокойная совѣсть творитъ и природу спокойною. —Слова его проникли въ душу мою, и я съ умиленіемъ повергся въ объятія старца.“ —

Другіе отрывки принадлежатъ къ вышнему роду словесности. Между ими повѣсть *Оскольдъ*, въ которой Авторъ

изображаетъ походъ Сѣверныхъ народовъ на Царь-градъ, блистаетъ красотами. Здѣсь мы видимъ толпы дикихъ воиновъ, которыхъ какъ будто невидимая сила влечетъ къ роскошной столицѣ Восточной Имперіи. Мы переносимся во времена глубокой древности; въ степи и дремучіе лѣса полуобитаемой Россіи; то на бурныя волны Варяжскаго моря, покрытыя судами отважныхъ плавателей; то въ непроходимыя снѣжныя пустыни Біарміи, освѣщенныя холоднымъ солнцемъ; то въ роскошное Царство Михаила, ,,гдѣ игры, удивительныя ристалища занимаютъ ежедневно праздность народа. — Щастливъ, кто видѣлъ все сіе единожды въ жизни! Сладостное воспоминаніе распространится на остальное теченіе дней его, и облегчитъ ему бремя ненавистной старости.“ — Авторъ, съ обыкновеннымъ искусствомъ говоритъ о *Труворѣ* и *Синеусѣ*, сохраняя всю приличность историческую; выводитъ честолюбиваго *Вадима* — ,,котораго взоры изображаютъ столько же упрековъ Новгородцамъ, сколько строгости воинской“ — и возбуждаетъ въ памяти нашей цѣпь великихъ отечественныхъ воспоминаній. Сила изобрѣтенія блистаетъ въ исчисленіи Оскольдовыхъ ратниковъ. Они отличены рѣзкими чертами одинъ отъ другаго; они жи-

вутъ, дѣйствуютъ передъ вами. ,,Но кто можетъ назвать имена безчисленнаго воинства? Таковы тучи пернатыхъ, наполняющихъ воздухъ крикомъ, когда, почувствовавъ приходъ зимы, оставляютъ крутые берега Рускаго моря, не памятуя любви и прекрасныхъ дней, коими тамъ наслаждались лѣтомъ; удивленный путешественникъ позабываетъ дорогу свою, на нихъ взирая, и унываетъ въ сердцѣ, видя себя оставляемаго свирѣпости мразовъ и бурныхъ вѣтровъ.''—Вы видите предъ полками сонмъ вдохновенныхъ Скальдовъ, съ златыми арфами. ,,Нетерпѣливый, добрый между ими, юный Славянинъ, который на влажныхъ берегахъ моря и на краю земли безплодной почувствовалъ вдохновеніе Скальда, оставилъ сѣти и парусы, способы скуднаго пропитанія, и воспѣлъ соотчичамъ неслыханныя пѣсни о браняхъ и Герояхъ.'' Этотъ юный Скальдъ напоминаетъ намъ Ломоносова. Конечно его имѣлъ въ виду нашъ Авторъ, и здѣсь, сохраня всю приличность разсказа, представилъ намъ въ блистательномъ видѣ отца Рускаго стихотворства, сего чудеснаго мужа, котораго не только дарованія поэтическія, неимовѣрные успѣхи и труды въ искусствахъ и наукахъ, но самая жизнь, исполненная поэзіи—если

смѣю употребить сіе выраженіе — заслуживаетъ вниманіе позднѣйшаго потомства (*).

Искусство, неразлучное съ глубокимъ познаніемъ Исторіи, болѣе всего блистаетъ въ описаніи нравовъ сѣверныхъ племенъ. Авторъ Оскольда краткими словами умѣетъ возбудить вниманіе читателя и перенести его на сцену тогдашняго міра, который знакомъ ему, какъ Омеру древняя Троада. Замѣтимъ еще, что эпоха, избранная имъ для поэтическаго повѣствованія, соединяетъ всѣ возможныя выгоды, и доказываетъ его вѣрный вкусъ и обширныя свѣденія. Дѣйствіе происходитъ въ Россіи во времена отдаленныя, которыя поэту столь удобно украшать вымыслами и цвѣтами творческаго воображенія. Оскольдъ, товарищъ Рюриковъ, поклоняется Одену, сему кровавому божеству Скандинавовъ, которыхъ и жизнь и суевѣрія ознаменованы были мрачною поэзіею. Спутники Оскольдовы имѣютъ, или могутъ имѣть свои преданія, какъ Славяне, имѣютъ свою вѣру, и отъ сего раждается пріятное

(*) Мы приглашаемъ прочитать въ опытахъ Исторіи, Словесности и нравоученія Г. Муравьева прекрасную статью *о заслугахъ Ломоносова въ наукахъ.*

разнообразіе, истинная принадлежность эпопеи! Въ нѣкоторомъ отдаленіи мы видимъ Царь-градъ, жилище роскоши и нѣги, колыбель Христіанской религіи, куда кочующіе народы Сѣвера вторгались съ мечемъ и пламенемъ для похищенія земныхъ сокровищъ, и нерѣдко возвращались съ святымъ знаменіемъ вѣры въ свои непостоянныя становища. Туда устремлены воины Оскольда и любопытство читателя. . . Къ сожалѣнію, сія повѣсть не кончена: она есть начало большаго творенія, которое безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду нашъ Авторъ; но Государственныя занятія отклонили его отъ Словесности. При концѣ жизни своей, онъ рѣдко бесѣдовалъ съ Музами, удѣляя нѣсколько свободныхъ минутъ на чтеніе древнихъ въ подлинникѣ, и особенно Греческихъ Историковъ, ему отъ дѣтства любезныхъ.

Историческіе отрывки Г. *Муравьева* заслуживаютъ особенное вниманіе, и мы смѣло увѣрить можемъ — опираясь на мнѣніе ученѣйшихъ мужей по этой части — что на Рускомъ языкѣ едва ли находится что нибудь подобное *Краткому Начертанію Россійской Исторіи*, напечатанному въ первый разъ въ 1810 году и статьямъ, подъ названіемъ: *Разсѣянныя черты изъ Земле-*

описанія Россійскаго, и Соединеніе удѣльныхъ Княженій въ единое Государство. Онѣ начертаны перомъ *Ученаго, Политика* и *Философа.* Вотъ рѣдкое явленіе въ нашей Словесности! Ибо наши писатели не всегда соединяли въ себѣ качества, потребныя Историку: Философію и Критику. Мы надѣемся, что ученые люди, занимающіеся отечественною Исторіею, сообщатъ свои замѣчанія читающей публикѣ о сихъ безцѣнныхъ отрывкахъ, а наставники включатъ ихъ въ малое число книгъ, посвященныхъ чтенію юношества. Исторія наша, Исторія народа, совершенно отличнаго отъ другихъ по гражданскому положенію, по нравамъ и обычаямъ; Исторія народа, сильнаго и воинственнаго отъ самой его колыбели, и нынѣ удивившаго неимовѣрными подвигами всю Европу — должна быть любимымъ нашимъ чтеніемъ отъ самаго дѣтства. „Мы ходимъ, говоритъ краснорѣчивый Авторъ Землеописанія Рускаго — мы ходимъ по землѣ, обагренной кровію предковъ нашихъ, и прославленной отважными предпріятіями и подвигами Князей и Полководцевъ, которые только для того осѣнены глубокою нощію забвенія, что не имѣли достойныхъ провозвѣстниковъ славы своей. Да настанетъ нѣкогда время пристрастія

къ отечественнымъ происшествіямъ, къ своимъ Государямъ, ко нравамъ и добродѣтелямъ, которыя суть природныя произрастенія нашего отечества.“ (*)

Мы должны упомянуть о философическихъ и нравственныхъ произведеніяхъ нашего Автора. Здѣсь болѣе нежели гдѣ нибудь видна его душа и горячія впечатлѣнія его сердца. Къ нему можно примѣнить то, что *Шиллеръ* сказалъ о *Маттисонѣ*: „тѣсное обращеніе съ природою и съ классическими образцами напитало его духъ, очистило его вкусъ и сохранило его *нравственную грацію*; пламенная и чистѣйшая любовь къ человѣчеству одушевляетъ его произведенія, и всѣ явленія природы отражаются въ душѣ его со всѣми оттѣнками, какъ въ тихомъ зеркалѣ воды.“ —

Здѣсь находимъ мы самого Автора, и вступаемъ съ нимъ въ тѣсное зна-

---

(*) Любители Исторіи и Словесности ожидаютъ съ нетерпѣніемъ полной Исторіи Руской того писателя, который показалъ намъ истинные образцы Руской прозы, и въ трудолюбивомъ молчаніи болѣе десяти лѣтъ приготовляетъ своему Отечеству новое удовольствіе, новую славу. Его твореніе будетъ имѣть непосредственное вліяніе на умы и болѣе всего на Словесность.

комство. Искусство человѣческое можетъ всему подражать, кромѣ движеній добраго сердца. Вотъ истинная оригинальность нашего Автора! Онъ часто, какъ будто противъ воли своей, обнажаетъ прекрасную душу и рѣдкую чувствительность; и болѣе всего въ отрывкѣ подъ названіемъ: *Просвѣщеніе и роскошь*, гдѣ, описывая странный характеръ Руссо, онъ готовъ съ нимъ предаться сладостной мечтательности; — въ статьѣ о *блаженствѣ*, гдѣ онъ, опредѣляя щастіе, увлекается своимъ воображеніемъ, и отдыхаетъ въ тишинѣ сельской, на лонѣ природы, ему всегда любезной. Вы можете читать его во всякое время, и въ шумѣ дѣятельной жизни, и въ тишинѣ уединенія; его слова подобны словамъ стараго друга, который, въ откровенности сердечной говоря о себѣ, напоминаетъ вамъ собственную вашу жизнь, ваши страсти, печали, надежды и наслажденія. Онъ сообщаетъ вамъ тишину и ясность своей души и оставляетъ въ памяти продолжительное воспоминаніе своей бесѣды. Однимъ словомъ, самое бремя печалей и заботъ — я занимаю его выраженіе — отпадаетъ по его утѣшительному гласу.

Въ *забавахъ воображенія*, говоря о томъ Государственномъ человѣкѣ, ко-

торый первый въ Россіи ознаменовалъ дни свои покровительствомъ отечественныхъ Музъ, котораго имя должно быть драгоцѣнно позднему потомству: ибо перейдетъ къ нему съ именами Ломоносова и Державина, — говоря о *Шуваловѣ*, сочинитель продолжаетъ: „Пріятно воспоминать Государственнаго человѣка, который былъ чувствителенъ къ прелестямъ письменъ, Поэзіи и Художествъ, и посреди сіянія знатности и попеченій правленія, удостоивалъ взорами своими просвѣщеніе, какъ любимецъ Августовъ, или Кольбертъ, давалъ покровительство наукамъ, или призывалъ дарованія изъ чужихъ земель.“ — Конечно иныя черты можно примѣнить къ нашему Автору, котораго память столь любезна и художникамъ и ученымъ. Онъ посѣщалъ ихъ кабинеты, ихъ мастерскія; они искали въ немъ покровителя, и часто находили попечительнаго друга. Имя его и до сихъ поръ почтенные члены Московскаго Университета произносятъ съ слезами живѣйшей благодарности. Незабвенное имя для сердецъ благородныхъ! Оно напоминаетъ Отечеству всѣ гражданскія добродѣтели.

„Все то, что способствуетъ къ доставленію вкусу болѣе тонкости и разборчивости, — прибавляетъ сочи-

нитель въ статьѣ о *забавахъ воображенія*, изъ которой я выписываю сіи строки — „все то, что приводитъ въ совершенство чувствованіе красоты въ искусствахъ и письменахъ, отводитъ насъ въ тоже самое время отъ грубыхъ излишествъ страстей, отъ неистовыхъ воспаленій гнѣва, жестокости, корыстолюбія и прочихъ подлыхъ наслажденій. Кто восхищается красотами поэмы или расположеніемъ картины, не въ состояніи полагать благополучія въ нещастіи другихъ, въ шумныхъ сборищахъ безпутства или въ исканіи подлой корысти. Нѣжное сердце и просвѣщенный разумъ услаждаются возвышенными чувствованіями дружбы, великодушія и благотворительности.“ Давно сказано было, что слогъ есть зеркало души, и относительно къ нашему Автору, это совершенно справедливо. Слогъ его можно уподобить слогу Фенелона. Таже чистота и точность выраженій, стройность мыслей; тоже сердечное, убѣдительное краснорѣчіе. Образованный въ училищѣ древнихъ, его слогъ сохранилъ на себѣ ихъ печать неизгладимую: простоту, важность и приличіе.

Я не сдѣлаю ни одного замѣчанія на погрѣшности. Пускай другіе ищутъ ошибокъ грамматическихъ, галлициз-

мовъ и пр. Мы предоставимъ себѣ сладостное удовольствіе хвалить то, что достойно похвалъ и самой разборчивой критики, которая въ Словесности нашей болѣе приноситъ пользы, указывая на красоты, нежели порицая недостатки ядовитымъ перомъ своимъ — и часто несправедливымъ.

Вамъ извѣстно, М. Г., что я многимъ обязанъ покойному Автору, но благодарность меня не ослѣпляетъ. Я опирался на судъ людей просвѣщенныхъ, знатоковъ въ нашей Словесности, отдавая должную справедливость тому, что заслуживаетъ похвалы, и назову себя совершенно щастливымъ, если могъ быть, хотя слабымъ, но вѣрнымъ отголоскомъ ихъ мыслей и сужденій о томъ человѣкѣ, котораго память будетъ мнѣ драгоцѣнна до позднихъ дней жизни, и украситъ ихъ горестнымъ и вмѣстѣ сладкимъ воспоминаніемъ протекшаго! —

Долгомъ поставляю упомянуть здѣсь о стихотворныхъ его произведеніяхъ. Многія изъ нихъ напечатаны были безъ имени сочинителя въ разныхъ журналахъ, и въ послѣдній разъ въ *Собраніи Рускихъ Стихотвореній*, изданныхъ Г. *Жуковскимъ*, который взялъ на себя трудъ, пересмотрѣвъ нѣсколько рукописей Автора, приготовить ихъ для

печати, особенно то, что не входил въ планъ книги, изданной въ Москвѣ въ 1810 году. Конечно любители Словесности ожидаютъ съ нетерпѣніемъ третьей части сочиненій Г. Муравьева, которая будетъ состоять изъ его стихотвореній. Желательно, М. Г., чтобы вы сдѣлали нѣсколько замѣчаній на жизнь Автора: она любопытна не только для любителя Словесности, но для каждаго друга добродѣтели. Истинному патріоту пріятно узнать нѣкоторыя обстоятельства жизни гражданина, принесшаго пользу Отечеству безпрерывными трудами и перомъ своимъ. Мы будемъ помнить сыновъ Россіи, прославившихъ Отечество на полѣ брани; Исторія вписываетъ уже имена ихъ въ свои скрижали; но должны ли мы забывать и тѣхъ согражданъ, которые, употребя всю жизнь свою для пользы нашей, отличились гражданскими добродѣтелями и рѣдкими талантами? — Древніе, чувствительные ко всему прекрасному, ко всему полезному, имѣли два вѣнца: одинъ для воина, другой для гражданина. Плутархъ, описывая жизнь великихъ Полководцевъ, Царей и Законодателей, помѣстилъ между ими Гезіода и Пиндара. — Мы желаемъ отъ всей души, чтобъ вы исполнили надежду нашу. Замѣчанія ваши на жизнь Г. Муравьева

могутъ служить предисловіемъ къ третьей части *полнаго* собранія его сочиненій.

Стихотворенія Г. Муравьева безъ сомнѣнія будутъ стоять на ряду съ лучшими его произведеніями въ прозѣ. Въ нихъ тоже достоинство: философія, которой источникъ чувствительное и доброе сердце; выборъ мыслей, образованныхъ прилѣжнымъ чтеніемъ древнихъ; стройность и чистота слога. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ посланія къ покойному *И. П. Тургеневу*, достойному пріятелю Автора, котораго онъ любилъ и уважалъ отъ самой юности. Наклонности и страсти друзей были одинаковы: добродѣтель и пламенная любовь къ Музамъ. Онѣ запечатлѣли ихъ священный союзъ, который могла разрушить единая смерть. Посмотримъ, какъ Авторъ, описывая въ своемъ посланіи дѣятельнаго мудреца, добраго отца семейства, истиннаго патріота, любителя порядка и щастія ближнихъ, описываетъ себя и друга своего.

Любовью истины, любовью красоты
Исполненъ духъ его, украшены мечты.
Искусства! васъ къ себѣ онъ въ помощь призываетъ;
Отъ зависти себя онъ въ вашу сѣнь скрываетъ;

Безъ гордости великъ, и важенъ безъ чиновъ,
На пользу общую всегда, вездѣ готовъ;
Онъ свято чтитъ родства священные союзы,
И чтобъ свободнымъ быть, пріемлетъ легки узы.
Внимательный супругъ и щастливый отецъ,
Онъ властью облеченъ по выбору сердецъ. —
Щастливъ, кто можетъ быть семейства благодѣтель!
Что нужды, домъ тому иль цѣлый міръ свидѣтель!
Таковъ Эмилій былъ, равно достоинъ хвалъ,
Какъ жилъ въ семьѣ своей, иль какъ при Каннахъ палъ.

Прекрасное начертаніе добродѣтельнаго и дѣятельнаго мудреца! Пре расный и щастливый примѣръ! Далѣе продолжаетъ поэтъ:

Служить Отечеству верховный душъ обѣтъ.
Нашъ долгъ — туда спѣшить, куда оно зоветъ.
Но если въ множествѣ ревнителей ко славѣ
Мнѣ должно уступить; уже ли буду въ правѣ
Пренебреженною заслугой досаждать?
Мнѣ только что — служить; отчизнѣ — награждать.
Изъ трехъ сотъ праздныхъ мѣстъ Спартанскаго Совѣта
Народъ ни на одно не избралъ Педарета.
Хвала богамъ, сказалъ, народа не виня,
Есть триста человѣкъ достойнѣе меня.

Здѣсь каждая мысль можетъ служить правиломъ честному гражданину.

И какая утѣшительная мудрость! Какое сладостное изліяніе чистой и праведной души! Скажемъ болѣе, съ однимъ изъ лучшихъ нашихъ писателей: щастливъ тотъ, кто могъ жить, какъ писалъ, и писать, какъ жилъ!

Полезнымъ можно быть, не бывши знаменитымъ.
Срѣтаютъ щастіе и по тропинкамъ скрытымъ.
Сей старецъ, коего Виргилій воспѣвалъ,
Что близъ Тарента макъ и розы поливалъ,
И въ поздну ночь подъ кровъ склоняяся домашній,
Столы отягощалъ некупленными брашны;
Онъ щастье въ хижинѣ конечно находилъ,
И пышныхъ богачей душой превосходилъ!

Тотъ истинно свободенъ, куда бы онъ ни былъ брошенъ фортуною, куда бы онъ ни былъ поставленъ людьми: управлять ими или повиноваться, сіять въ вѣнцѣ, или скрывать себя въ пустынѣ; тотъ истинно щастливъ, говоритъ нашъ поэтъ, по слѣдамъ Горація:

Кто щастья въ крайностяхъ всегда съ собою сходенъ;
Въ сіяніи не гордъ, въ упадкѣ не унылъ,
Въ самомъ себѣ свое величіе сокрылъ.
Владыка чувствъ своихъ, ихъ бури усмиряетъ,
И скуку житія ученьемъ услаждаетъ.

Въ другомъ посланіи, въ которомъ Авторъ болѣе предается игрѣ своего воображенія, мы находимъ блестящее изображеніе Вольтера,

Сего чудеснаго, столѣтняго Шалбера,
По превосходству мудреца,
Который говорилъ прекрасными стихами,
Къ которому стихи въ уста входили сами . . .
Въ его привѣтствіяхъ не видѣлъ трудъ пѣвца—
Учтивость тонкаго Маркиза!
Замѣтьте, что Маркизъ не могъ воспѣть бы Гиза,
Не могъ бы начертать шестидесяти лѣтъ
Въ Китаѣ страшнаго Чингиза;
Потомъ унизить свой трагическій полетъ
Къ Маркизѣ де Вильетъ;
И во власахъ сѣдыхъ бренчать еще на лирѣ
Младыя шалости, иль растворять въ сатирѣ
Свой лицемѣрный слогъ;
Иль философствовать съ величествомъ о мірѣ,
О мироздателѣ: — Вольтеръ все это могъ!
И славну старость велъ онъ съ завистью у ногъ,
Превыше хвалъ и порицаній!
Въ Парижѣ сколько восклицаній,
Когда явился онъ къ принятію вѣнца!
Великіе умы, красавицы, вельможи,
Придворныхъ легкій рой изъ Королевской ложи
Плескали долго въ честь безсмертнаго творца!
За ними вся толпа плескала безъ конца! — — —

Такой-то нравится намъ въ обществѣ творецъ
Который изжилъ бы во свѣтѣ лѣта юны,
И сдѣлался мудрецъ
Волненьями фортуны,
Открывшими ему излучины сердецъ.

Къ нещастью, говоритъ поэтъ, трудно быть свѣтскимъ человѣкомъ и писателемъ. Одно вредитъ другому:

Условья общества для мыслящаго — цѣпи!
А тотъ, кто въ обществѣ свой выдержалъ искусъ,
Зѣваетъ въ обхожденьѣ Музъ.
Въ наукѣ нравиться учу я основанья;
Но старый ученикъ, не знаю ни аза,
И не задремлется со мной лоза,
Которой общество чинитъ увѣщеванья.
Межъ тѣмъ замедлѣны успѣхи дарованья,
Что льстился въ юности имѣть.
Замедлѣны? . . я выражаюсь мало! —
Ихъ уничтожено въ душѣ моей начало.
Прелестна лѣнь поставила мнѣ сѣть,
Изъ коей я не выду.
Не бывъ Ринальдомъ, я нашелъ свою Армиду —
И въ лѣни сладостной забылъ искусство пѣть.
Поэтомъ трудно быть, а легче Офицеромъ —
Съ *Дорат*омъ я успѣлъ сравняться въ томъ,
Что онъ, какъ я, былъ мускетеромъ.

Часто въ стихахъ нашего поэта видна сладкая задумчивость, истинный признакъ чувствительной и нѣжной души; часто, подобно Тибуллу и Горацію, сожалѣетъ онъ объ утратѣ юности, объ утратѣ пламенныхъ восторговъ любви и безпредѣльныхъ желаній юнаго сердца, исполненнаго жизни и силы. Въ стихотвореніи подъ названіемъ: *Муза*, обращаясь къ тайной по-

другѣ души своей, онъ дѣлаетъ ей нѣжные упреки:

Ты утро дней моихъ прилѣжно посѣщала:
Почтожь печальная распространилась мгла,
И ясный полдень мой покрыла черной тѣнью?
Иль лавровъ по слѣдамъ твоимъ не соберу,
И въ пѣсняхъ не прейду къ другому поколѣнью,
Или я весь умру?

Нѣтъ! мы надѣемся, что сердце человѣческое безсмертно. Всѣ пламенные отпечатки его, въ щастливыхъ стихахъ поэта, п бѣждаютъ и самое время. Музы сохранятъ въ своей памяти пѣсни своего любимца, и имя его перейдетъ къ другому поколѣнію съ именами, съ священными именами мужей добродѣтельныхъ. Музы, взирая на преждевременную его могилу, восклицаютъ съ поэтомъ Мантуи . . .

Manibus date lilia plenis:
Purpureos spargam flores! —

К. Б.

ОБИТАТЕЛЬ ПРЕДМѢСТІЯ,

Хотѣлось мнѣ имѣть землицы уголокъ
И садикъ, и вблизи прозрачный ручеекъ,
Лѣсочикъ сверхъ того: и лучше мнѣ и болѣ
Послали Небеса. Мнѣ хорошо въ сей долѣ,
И больше ни о чемъ не докучаю имъ,
Какъ только, чтобъ сей даръ оставили моимъ.

Горацій.

ОБИТАТЕЛЬ ПРЕДМѢСТІЯ.

№ 1.

Пятница, Августа 2, 1790 года.

Млекомъ и медомъ напоенны,
Тучнѣютъ влажны берега,
И яснымъ солнцемъ освѣщенны
Смѣются злачные луга.

Ломон.

Не выѣзжая изъ города, пользуюся всѣми удовольствіями деревни, за тѣмъ что живу въ предмѣстіи. Я вижу жатву изъ окошка. Съ восхожденія солнца земледѣлецъ жнетъ неутомимо полосу свою и связываетъ снопы. Косцы, поставленные строемъ одинъ за другимъ, вмѣстѣ взносятъ и опускаютъ косы свои. Какой пріятной запахъ отъ сѣна, разбросаннаго по лугу! съ какимъ удовольствіемъ, когда скажу трудолюбивымъ селянамъ, проходя мимо ихъ: *Богъ помочь, друзья!* они отвѣтствуютъ мнѣ: *спасибо, доброй баринъ!* Мой

домикъ очень малъ и невидѣнъ; но я не промѣняю его на великолѣпнѣйшія зданія, восходящія къ облакамъ и поддерживаемыя столпами.

Хотите ли видѣть описаніе моего дома? Онъ стоитъ на концѣ широкой уединенной улицы, которая выходитъ въ поле. Передъ нимъ, со стороны города, строеніе обывательское перерывается. Въ пріятной лощинѣ извивается ручей, по берегамъ котораго разбросано нѣсколько кустовъ орѣшника. Ручей бѣжитъ по песку и по камешкамъ. Вода его чиста и холодна.

Напротивъ дома приходская церковь весьма древняго строенія. Одинъ Князь, котораго не упомню имени, построилъ ее въ благодарность за побѣду, одержанную надъ Татарами. Основаніе ея вросло въ землю. Оградою служатъ ей старые дубы, которые далеко кругомъ себя кидаютъ тѣнь свою.

Подлѣ церкви живетъ Священникъ, старый и почтенія достойный человѣкъ. Онъ имѣетъ попеченіе о своихъ прихожанахъ, такъ какъ отецъ о дѣтяхъ; помогаетъ бѣднымъ, утѣшаетъ нещастныхъ. Онъ всѣхъ старѣе въ приходѣ, и почти каждаго запомнитъ рожденіе и младенчество. Мы его слушаемся, за тѣмъ что опытомъ своимъ знаемъ благоразуміе его совѣтовъ.

въ нашемъ предмѣстіи очень много щастливыхъ; ибо онъ научилъ насъ находить щастіе въ добродѣтели и исполненіи должностей нашихъ, а не въ удовольствованіи ежечасныхъ прихотей, которыя никогда не кончатся.

Домъ мой на возвышеніи. Позади высокая роща изъ кленовыхъ и ясеневыхъ деревьевъ. Я пью иногда чай въ прохладной темнотѣ ихъ, когда посѣтитъ меня Священникъ или человѣкъ другой пріятелей.

Я имѣю пріятелей, потому что безъ дружества человѣку жизнь была бы непріятна. Какъ можно жить одному! любить только самого себя! никому не быть полезну! . . . Нѣтъ, чувствую живо въ сердцѣ моемъ, что человѣкъ сотворенъ для общества: я получаю отъ него столько выгодъ! Оно имѣло попеченіе о воспитаніи моемъ; оно меня покровительствуетъ, защищаетъ отъ насилія непріятелей оружіемъ, отъ обидъ согражданина моего законами. Оно меня удостоиваетъ довѣренности, украшаетъ честями и общимъ почтеніемъ, которое еще драгоцѣннѣе почестей. Оно снисходитъ даже до изысканія мнѣ невинныхъ забавъ; а я не захочу служить ему! Я отниму руку свою отъ участія въ общихъ трудахъ; не раздѣлю ни бдѣній

градоначальника, ни опасностей воина, когда Отечество благоволитъ пріобщить меня къ онымъ! Да удалится отъ меня такое чувствованіе! Я желаю любить друга своего, сродника, благодѣтеля, болѣе нежели самого себя, и болѣе нежели ихъ, если возможно, мое Отечество.

Воспоминаю примѣръ сего славнаго Грека, который вознесъ отечество свое на верьхъ сіянія и могущества, но съ удовольствіемъ и съ почтеніемъ исполнялъ самыя низкія должности, наложеніемъ которыхъ неблагодарное гражданство думало его унизить.

Сколь пріятно отдохновеніе, когда вкушаешь его послѣ трудовъ своей должности! Самыя простыя и ежедневныя забавы кажутся новыми и несравненными, когда обращаешься къ нимъ съ покойною совѣстію.

При окончаніи такого дня съ умиленіемъ возвращаюся въ мою хижину. Въ ней, кажется, нашелъ бы я щастіе, если бы уже не имѣлъ его въ моемъ сердцѣ. Тутъ уединяюся, вхожу въ самого себя, вопрошаю въ безмолвіи сердце мое о всѣхъ его движеніяхъ, о всѣхъ помыслахъ, дѣйствіяхъ, поступкахъ, и ежели найду подозрѣніе худаго дѣла, кроющагося во глубинѣ сердца,

краснѣюся и пріемлю твердое намѣреніе исправить себя.

Потомъ оставляю хижину свою. Скорыми шагами пробѣгаю горы и долы. Дышу свѣжимъ воздухомъ при закатѣ солнечномъ; или развожу маленькой садикъ свой и поливаю благоуханныя розы и хожу за своими вишневыми деревьями. Иногда, какъ смѣлый всадникъ, стремлюся на рѣзвомъ конѣ; посѣщаю хижину земледѣльца и спокойное хозяйство деревенскаго помѣщика. Въ другое время ищу произведеній Природы, цвѣтовъ, растѣній, камней, и стараюся проникнуть силы и свойства ихъ.

Наконецъ журчаніе источника и зыблющаяся тѣнь ивы или тополя приманиваютъ меня къ себѣ. Сажуся на раждающійся дернъ и читаю книгу полезную или пріятную: повѣсти прошедшихъ вѣковъ, или трогающія истинны нравоучителей. Въ такомъ упражненіи находитъ на меня сонъ сладкой и безпрерывной до тѣхъ поръ, когда заря, озлативъ горы, возвѣститъ слѣдующее утро.

No 2.

Пятница, Августа 9, 1790 года.

Раскаянье живетъ и поздно иногда.

Сумароковъ.

Погода имѣетъ какое-то вліяніе надо мною. Влажной воздухъ, покрытое тучами небо, не отнимая внутренняго спокойствія души моей, производитъ во мнѣ нѣкоторую важность, склонность къ размышленію. Я вспоминаю отдаленныхъ друзей своихъ. Уединенъ, въ глубокой задумчивости, проливаю слезы сожалѣнія надъ тѣми, которыхъ смерть у меня похитила. *Эмилій* сокрылся отъ моихъ дружескихъ объятій. Въ странахъ неизмѣняемаго блаженства пріемлетъ онъ воздаяніе за жизнь, безпрестанно добродѣтельную, за смерть, вкушенную за Отечество. Графъ *Благотворовъ* конечно не вспомнитъ имени его, не предавшися всей своей чувствительности, хотя радостный миръ и возвращаетъ ему *Васиньку*, здороваго и достойнаго всей

его нѣжности. Я посвятилъ въ саду своемъ смиренный памятникъ *Эмилію*. Печальная сѣнь кипарисовъ заключаетъ въ себѣ урну его и сіи слова, начертанныя на подножіи: *Памяти моего любезнаго Эмилія! Добрый сынъ, нѣжный другъ, ревностный гражданинъ, онъ увѣнчалъ добродѣтельную жизнь славною смертію за Отечество.*

Въ такомъ положеніи былъ я третьяго дня по утру. Солнце показалось было на минуту, и тотчасъ скрылося въ туманѣ, который поднялся вверьхъ. Дожжикъ начиналъ накрапывать; однако я не потерялъ мужества. Завернувшися въ сертукъ свой, сѣлъ на лошадь и пустился рысцою вдоль по дорогѣ. Движеніе возвратило мнѣ всю мою веселость. Иногда скакалъ я сокрытый съ обѣихъ сторонъ волнующимися жатвами; иногда спускался въ глубокой оврагъ, гдѣ ручеекъ пробѣгалъ по камешкамъ. Здѣсь проѣзжалъ я деревню, тамъ усадьбы помѣщиковъ; индѣ, выѣзжая изъ лѣсу на лужокъ, видѣлъ я пасущееся стадо сосѣдственной деревни, и собаки пастуха преслѣдовали лошадь мою лаемъ. Занимаяся всѣмъ, что попадалося мнѣ на встрѣчу, нечувствительно очутился я на двадцатой верстѣ отъ дому. *Ладьино* было въ виду. Какъ не заѣхать къ ста-

ринному другу моему, Капитану-Коммандору *Неслѣтову*? Я далъ шпоры лошади, и въ четверть часа былъ уже у крыльца, и *Неслѣтовъ* бѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу съ разверстыми объятіями.

Любезный другъ! говорилъ онъ въ восхищеніи: *добро пожаловать! Вотъ такъ-то помнятъ друзей своихъ! Всегда мнѣ пріятно видѣть тебя; но никогда не могъ ты одолжить меня болѣе посѣщеніемъ своимъ.* Слезы катились изъ глазъ его. . . . *Сегодня память жены моей. Въ сей день нещастная Софія, тому три года назадъ, оставила непорочную жизнь, которую запальчивость мужа ея въ первомъ цвѣтѣ прекратила.*

Капитанъ обвиняетъ себя смертію жены своей, за тѣмъ что въ самомъ дѣлѣ оскорбилъ ее однажды въ большомъ обществѣ несправедливою укоризною, хотя и слабое сложеніе *Софіи* само собою не обѣщало ей долгой жизни. Воображеніе ея было поражено симъ уничиженіемъ. Чувствительно жизнь ея угасала. Никакія старанія, ни слезы, ни раскаяніе Коммандора не могли исцѣлить сокрушеннаго ея сердца. Съ тѣхъ поръ и Капитанъ болѣе мучится, нежели живетъ. Не довѣряя безпрестанно горячности своей, онъ лишилъ себя

послѣдней отрады, видѣть своихъ дѣтей. Онъ даетъ имъ воспитаніе въ отсутствіи, подъ присмотромъ благоразумнаго друга.

Такимъ образомъ, имѣя лучшее сердце въ свѣтѣ, онъ всегда въ опасности огорчить друзей и ближнихъ, за тѣмъ что не имѣетъ власти противиться первымъ движеніямъ. Можетъ быть имѣлъ бы онъ теперь мѣсто между нашими храбрыми Адмиралами, ежели бы нетерпѣливость также не заставила его покинуть службу. Будучи на морѣ, обидѣлъ онъ вспыльчивостію Лейтенанта корабля своего; но опамятовавшись черезъ минуту, при собраніи всего экипажа, просилъ у него прощенія. Сей поступокъ произвелъ разные толки, и нетерпѣливый *Неслѣтовъ* захотѣлъ лучше отказаться отъ блестящихъ видовъ службы, нежели снести взоръ неудовольствія своихъ начальниковъ.

И теперь самая наклонность лѣтъ его и горестные опыты не могутъ совершенно преодолѣть крутости его нрава. Человѣкъ, который въ спокойные часы свои наполненъ горячайшаго доброжелательства ко всѣмъ людямъ, во гнѣвѣ доходитъ до неистовства. Самая бездѣлица выводитъ его изъ самого себя. Но ничто не можетъ

быть искреннѣе и горестнѣе его раскаянія. Онъ въ состояніи унизить себя предъ послѣднимъ человѣкомъ, и все отдать, чтобы удовольствовать обиженнаго. Зная то, домашніе пользуются сею слабостію и нарочно попадаются ему во время изступленія его, увѣренные, что щедрость его превзойдетъ несравненно оскорбленіе.

Остатокъ дня проводили мы въ пріятныхъ разговорахъ. Въ уединеніи своемъ не можетъ онъ еще позабыть своей службы. Сердце его восхищается славою Отечества, и онъ сердится на себя, что не имѣлъ щастія сражаться на *Ревельской* рейдѣ или въ заливѣ *Выборгскомъ*.

У него множество заведеній: больница, училище, деревенскія рукодѣлья. Благочестіе его занимается теперь строеніемъ церкви. Крестьяне окружаютъ его не такъ какъ господина, но какъ отца и благопріятеля. Онъ заставляетъ прощать себѣ несовершенства нѣжнымъ своимъ *благоволеніемъ къ человѣчеству*.

Я проводилъ день съ удовольствіемъ, ночевалъ, и на другой день, послѣ завтрака, въ прекраснѣйшее утро, пріѣхалъ домой.

№ 3.

Пятница, Августа 23, 1790 года.

Напрасно море свирѣпѣетъ;
Когда Всевышній не велитъ,
Бреговъ оно терзать не смѣетъ;
Одна песчинка ихъ дѣлитъ.

Херасковъ.

Иногда находятъ на меня такія минуты, что я погружаюсь совершенно въ воспоминаніе прошедшаго, и съ удовольствіемъ представляю себѣ явленія моего младенчества. Воображаю живо мѣста, гдѣ я бѣгалъ, мои ребяческія игрушки, радости и печали, маловажныя и непостоянныя. Особливо помню я одинъ разговоръ съ моимъ наставникомъ. Мнѣ кажется, что я теперь его вижу.

Это было лѣтомъ. Тихой вечеръ оканчивалъ знойный день. Солнце, величественнѣе и медлѣннѣе на концѣ пути своего, покоилося, за мгновеніе передъ закатомъ, на крайнихъ горахъ горизонта; а я прогуливался на крутомъ берегу *Волги*, съ добродѣтельнымъ дру-

гомъ юности моей, кроткимъ *Илановымъ*. Власы главы его бѣлѣли уже отъ хлада старости; весна жизни моей не разцвѣла еще совершенно. Мы касалися оба противоположныхъ крайностей вѣка. Но дружба его и опытность сокращали разстояніе, которое раздѣляло насъ; и часто, позабываяся, мнилъ я видѣть въ немъ старшаго и благоразумнѣйшаго товарища.

Будучи важнѣе обыкновеннаго въ тотъ вечеръ, онъ говорилъ мнѣ: ,,Сынъ мой! (симъ именемъ любви одолженъ я былъ нѣжности сердца его и послушанію моего) озирая холмы сіи, одѣваемые небесною лазурью, поля, жатвы и напояющія ихъ струи, не чувствуешь ли въ сердцѣ благополучія? Чудеса Природы не довольны ли для щастія человѣка? Но одно худое дѣло, котораго сознаніе оскорбляетъ сердце, можетъ разрушить прелесть наслажденія. Великолѣпіе и вся красота Природы вкушаются только невиннымъ сердцемъ. Сохраняй тщательно непорочность сердца своего; будь кротокъ, праведенъ, благотворителенъ; поставляй себя всечасно въ присутствіи Вышняго Существа. Одно щастіе *добродѣтель*; одно нещастіе *порокъ*. И всѣ вечера твои будутъ такъ тихи, ясны,

какъ нынѣшній. Спокойная совѣсть творитъ и Природу спокойною."

Слова его глубоко проникли въ душу мою, и я повергся съ умиленіемъ въ объятія старца. Бугорокъ служилъ намъ мѣстомъ упокоенія. Свѣтъ вечерній исчезалъ подъ кровомъ ночи. Скоро стала повсюду единая тьма и безмолвіе.

,,Чувствительность твоя — продолжалъ наставникъ мой — ,,есть хвала сердцу твоему и добродѣтели. Не взирай никогда хладнокровно на благодѣянія Божіи. Все, что окружаетъ тебя, ты самъ, твоя безсмертная душа, все носитъ на себѣ священное напечатлѣніе Его могущества и благости. Сія былинка, теперь толь свѣжая, и которая завянетъ завтра, и сіе подъемлющееся свѣтило нощи, сребровидный мѣсяцъ, единымъ словомъ Его получили бытіе свое. Пройди взоромъ необъятныя пустыни неба: онѣ усѣяны солнцами, которыя другимъ мірамъ свѣтятъ. Другія земли *привлекаются* и *тяготѣютъ* къ нимъ; и шаръ сей, на которомъ мыслящія существа проводятъ краткую жизнь, становится точкою въ чинѣ Природы."

,,Повинуяся первому побужденію, которое рука Всевышняго въ первое мгновеніе бытія сообщила имъ, огром-

ныя тѣла небесныя, окруженныя шаромъ воздуха, колеблются на зыбяхъ *эѳира*. Планеты катятся въ предписанныхъ кругахъ. Источникъ свѣта и жизни, горящее солнце, служитъ средоточіемъ для подчиненныхъ ему планетъ. Не премѣняя мѣста, обращается оно на оси своей."

,,Испытатель естества вознесся на крылахъ наблюденія, и написалъ чертежъ системы міра. Десять тысячь поперечниковъ шара нашего отдаляютъ насъ отъ солнца. Всѣхъ ближе къ нему катится *Меркурій*. Видишь сіе блистающее свѣтило? это *Венера*. Она странствуетъ также какъ земля, блистая заемнымъ свѣтомъ. Ниже ея шествуетъ *Земля*, прекрасная обитель *человѣка*. Служебная планета, *Луна*, ей сопутствуетъ, обращаяся кругомъ и освѣщая ночи ея. Четвертой кругъ описывается *Марсомъ*. Въ чрезвычайномъ отдаленіи, огромный *Юпитеръ* съ четырьмя *Лунами* совершаетъ длинный путь свой. Далѣе движется *Сатурнъ*. Отдаленіе Солнца замѣняется ему изобиліемъ спутниковъ, отражающихъ слабѣющіе лучи Солнца, и твердымъ кольцомъ, плавающимъ около его."

,,Око Астронома не постигнетъ всѣхъ міровъ; но сердце благодарное и незлобивое полагаетъ предѣлы любо-

нытству благоговѣніемъ, и восхищается премудростію Божіею въ самое то время, когда признаетъ свое невѣдѣніе и слабость."

Такъ говорилъ онъ, и взявъ меня за руку, повелъ въ спокойную хижину. Уже наступало время сна. Рука въ руку, обратилися мы спокойно ко вратамъ сельскаго обитанія нашего.

No 4.

Пятница, Сентября 13, 1790 года.

Представь, о древность! мнѣ предъ очи
Вселенныя спокойной вѣкъ:
Тамъ въ сладкомъ мирѣ дни и ночи
Препровождаетъ человѣкъ;
Земля тамъ въ части не дѣлится;
Тамъ вся Природа веселится;
Бѣгутъ оттоль вражда и гнѣвъ:
Тамъ съ агнцомъ почиваетъ левъ.

Майковъ.

Къ намъ всѣ извѣстія доходятъ поздно. Отдѣлены отъ города, мы составляемъ особливой свѣтъ, гдѣ царствуетъ тишина, спокойствіе, уединеніе. Но какою радостію наполнилося наше предмѣстіе, когда раздалася желанная вѣсть мира! Толпятся на улицѣ, обнимаютъ другъ друга, поздравляютъ, окружаютъ щастливаго вѣстника. Каждой навѣдывается у него о братѣ, о другѣ о сродникѣ. Я разспрашиваю объ *Алетовѣ*, и имѣю несравненное удовольствіе слышать, что онъ живъ; что къ досто-

инству храбрости присоединилъ онъ другое, любезнѣйшее: человѣколюбіе. Онъ имѣлъ щастіе быть употребленъ къ спасенію погибающихъ. Множество равныхъ ему людей, согражданъ, обязаны ему жизнію. Какое наслажденіе можетъ съ симъ сравниться! сколько печалей должны быть заглаждены въ сердцѣ его симъ сладостнымъ воспоминаніемъ! Но восхищенія наши помрачаются иногда слезами прискорбія и сожалѣнія. Сердца проникаются состраданіемъ при воспоминаніи сихъ достойныхъ молодыхъ людей, которые, такъ какъ мой *Эмилій*, заплатили долгъ Отечеству своею незлобивою и прекрасною жизнію. Нещастные родители! вы не примете ихъ въ свои объятія; ваша сирая старость лишена подпоры, сладостнаго утѣшенія. Нѣжные друзья будутъ вѣчно чувствовать въ сердцахъ своихъ праздное мѣсто, которое занимали столь пріятно сіи любви достойные юноши. Въ блестящихъ обществахъ столицы будутъ спрашивать другъ друга: гдѣ тѣ, которые недавно раздѣляли забавы наши и увеличивали ихъ своею живостію, откровенностію, знаніемъ свѣта? Строгой долгъ, любовь отечества, слава, присвоили себѣ жизнь ихъ и память.

Въ разговорахъ нашихъ слѣдуемъ мы постепенно за звучнымъ оружіемъ Россійскимъ на сушѣ, на морѣ. Съ благоговѣйною печалію представляемъ себѣ и въ самой смерти непоколебимое мужество Героя *Ангальта*; удивляемся пламенному духу сего *Маршала*, не вышедшаго еще изъ первой юности, который, опоясавъ флагъ, бросается въ море, прося только увѣдомить отца его, что умираетъ достойнымъ его сыномъ. Другой, сынъ славнаго Стихотворца, котораго стихи поставлены въ заглавіи листа сего, въ самомъ огнѣ сраженія устремляется на камень противъ непріятельской батареи, и кричитъ солдатамъ: *ребята, за мною! я ужь на батареѣ!* И въ тоже самое время ядро опровергаетъ великодушную похвальбу его.

Мы начертываемъ въ воображеніи всѣ походы, всѣ станы Россійскаго воинства, и положенія *Мемеля*, *Ковалы*, *Пумалазунда*, *Саватайполя* намъ уже почти столько же извѣстны, какъ и мирныя хижины нашего предмѣстія.

Но мы не довольствуемся разговорами. Достойный пастырь нашъ ведетъ насъ къ жертвеннику Бога силъ и мира. Соединенные усердіемъ и доброжелательствомъ, мы изливаемъ горячайшія молитвы и благодаренія Всевышнему

за успѣхи, которыми благословилъ Онъ оружіе Россійское. Досточтимый Священникъ поучаетъ духовное стадо свое словомъ, происходящимъ отъ избытка сердца. Онъ не ищетъ краснорѣчія: убѣжденіе покоится на устахъ его. Такимъ образомъ любимый отецъ говоритъ среди послушныхъ дѣтей своихъ. Сѣдины его, ясность взора, свидѣтельница спокойствія душевнаго, брада, нисходящая на грудь его, посохъ, на которой опирается: все возвѣщаетъ учителя народнаго, который стоитъ на краю вѣчности.

Проповѣдникъ мира хочетъ и праздновать его у себя. Всѣ жители предмѣстія идутъ въ смиренный домъ его. Наши именитые граждане, отставный Маіоръ *Дремовъ*, *Перковъ* ученой, Засѣдатель *Кармановъ*, купецъ *Кормиловъ* и прочіе сосѣди наши считаютъ за удовольствіе быть угощаемы добродѣтельнымъ старцемъ. Не говорю о себѣ, за тѣмъ что я раздѣлялъ хозяйственныя попеченія Священника.

Обѣдали на дворѣ, подъ тѣнью древняго дуба. Супруга Священника, другая *Бавкида*, уставила гостепріимный столъ простыми брашнами.

На память радости нашей мы посадили молодую лѣторасль ивы. На коркѣ дерева начертали мы годъ и день

заключенія мира. Умилительное явленіе заключило нашъ праздникъ. Священникъ вывелъ посреди насъ малолѣтное дитя, котораго отецъ, солдатъ Измайловскаго полку, убитъ на войнѣ. Единогласно все собраніе наше взяло сироту въ особливое свое покровительство. Священникъ будетъ его учить и воспитывать. Мы другъ передъ другомъ ревновали обложить себя нѣкоторымъ числомъ денегъ, для составленія маленькаго имѣнія нещастному, думая, что благодареніе, угоднѣйшее Вышнему Существу, есть благодѣяніе человѣкамъ.

№ 5.

Пятница, Сентября 27, 1790 года.

Тотъ извергъ естества, кто ближнихъ ненавидитъ;
Тотъ малъ, чтобъ честнымъ быть, кто только не обидитъ.
По правдѣ человѣкъ, кто всѣмъ благотворитъ:
Дыханія его немолчный есть свидѣтель
Споспѣшна добродѣтель.
Онъ живъ, коль всѣхъ живитъ.

Петровъ.

Принявъ участіе въ общей радости о заключеніи мира, я предался другому чувствованію особенному, которое меня только касалося. Я вспомнилъ *Васиньку*. Мнѣ извѣстно было изъ писемъ, въ которой день его ожидаютъ. *Никольское* далеко отсюда; но удовольствіе видѣть любимыхъ людей въ щастіи уничтожило въ воображеніи моемъ разстояніе, которое раздѣляетъ предмѣстіе мое съ *Никольскимъ*. Я простился съ добродѣтельнымъ Священникомъ и бросился въ кибитку. Каждое обраще-

ніе колеса удовлетворяло моей нетерпѣливости. Біенія сердца моего угадывали приближеніе *Никольскаго.* Съ какимъ восхищеніемъ въѣхалъ я въ сію темную аллею, которая ведетъ къ воротамъ *Никольскаго!* Хотя осенній вѣтеръ похищалъ поблекшіе листы ея; но сладостное мгновеніе, въ которое *Графъ Благотворовъ*, всѣ особы, составляющія семейство его, удостоивали меня своихъ объятій, превышаетъ описаніе. Его любящее сердце возвышалося еще радостію родителя, которую вкушалъ онъ при возвращеніи сына своего изъ опасностей невредима и еще достойнѣйшаго нѣжности его, нежели прежде. ,,Посмотри, говорилъ онъ, *Васинька* съ нами! обойми его." Слезы не позволяли говорить болѣе. Онъ стыдился ихъ и наслаждался ими.

Добросердечіе господина перешло, кажется, во всѣхъ его домашнихъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ не имѣетъ слугъ, ежели симъ именемъ означаются нещастные и равные намъ люди, которые принуждаются бѣдностію состоянія своего исполнять безъ награжденія всѣ наши своенравія. Онъ, кажется, окруженъ толпою внимательныхъ пріятелей, которыхъ покровительствуетъ. Не помнятъ въ домѣ, чтобъ онъ огорчилъ кого грубымъ словомъ, не для

мого чтобъ не случилось никогда оплошности: это невозможно; но онъ почитаетъ должностію своею исправить преступившаго съ тихостію, и думаетъ, что обезчеститъ самаго себя, ежели въ домашнемъ своемъ унизитъ ругательствомъ достоинство человѣка. Часто отлагаетъ и самыя кроткія увѣщанія свои, за тѣмъ что видитъ въ стыдѣ преступника величайшее наказаніе. Тотъ, который былъ удостоенъ его выговора, не промѣнялъ бы ни за что утѣшенія быть имъ наставлену. Столько тихость господина дѣлаетъ сердца служителей кроткими и чувствительными!

Всѣ его домашніе наполнены истинной учтивости и доброжелательства. Никакой бѣдной человѣкъ не былъ ими отверженъ съ презрѣніемъ. Видя ихъ поступки, иной бы принялъ ихъ за благородныхъ: отъ того что Графъ признаетъ одно благородство сердечное.

Говоря съ слугами своими, онъ никогда не забываетъ, что говоритъ съ людьми. Всѣ его приказанія умягчены какою нибудь ласкою: *потрудись, другъ мой; не тяжело ли тебѣ будетъ?* или что-нибудь подобное. При исполненіи какого нибудь порученія, никогда не преминетъ хвалить за скорость и исправность.

Они люди и нещастны (вотъ слова его): *слѣдственно имѣютъ право на сожалѣніе наше. Но они еще намъ служатъ: слѣдственно мы обязаны имъ благодарностію. Такъ какъ они, я могъ бы родиться слугою, и нечувствительный господинъ изнурялъ бы меня трудомъ и уничижалъ презрѣніемъ. Я очень щастливъ, что могу облегчать судьбу мнѣ подобныхъ!*

Въ самомъ дѣлѣ никто не разумѣетъ лучше его искусства дѣлать людей щастливыми. Все, что его окружаетъ, испытываетъ вліяніе добродушія его и привѣтливости, и заимствуетъ отъ него навыкъ пріятности и снисхожденія: жена, дѣти, родственники, друзья, знакомые, подчиненные, самые служители, которыхъ онъ называетъ *своими нещастными друзьями*. По одному разговору узнаешь, что они пользовалися обхожденіемъ *Графа Благотворова*.

Въ его домѣ нѣтъ ни злословія, ни переговоровъ, ни подлыхъ происковъ. Какимъ бы образомъ злобный наушникъ осмѣлился приближиться къ Графу? Онъ ненавидитъ одни пороки, и любитъ исправлять порочныхъ терпѣніемъ и благоразуміемъ. Его камердинеръ самой щастливѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ. Онъ видитъ каждой день добродѣтельнѣйшаго человѣка, и каждой день стано-

вится добрѣе и просвѣщеннѣе. Онъ читаетъ въ библіотекѣ Графской, и я знаю, что онъ употребляетъ половину жалованья своего на содержаніе бѣдныхъ.

Послѣдній день, что я былъ въ *Никольскомъ*, прогуливались мы съ Графомъ въ полѣ. Было поздно. Вдругъ видимъ, что хижина, отдаленная отъ жилья, загорѣлася. *Поспѣшимъ, любезный другъ, на помочь; можетъ быть человѣкъ въ опасности.* Мы первые прибѣжали на пожаръ. Крестьяне, сбѣжавшіеся изъ села, видѣли съ восхищеніемъ помѣщика своего презирающаго собственную опасность, спасающаго дряхлую и больную женщину. Напрасно уговаривали они его. *Друзья мои! я человѣкъ, и мнѣ пріятно служить человѣчеству.*

№ 6.

Пятница, Октября 4, 1790 года.

— Внѣшній блескъ — — преходитъ такъ какъ дымъ:
Но красота души свой образъ сохраняетъ,
Всегда влечетъ умы, всегда сердца плѣняетъ.

Богдановичь.

Возвращаяся изъ *Никольскаго*, я имѣлъ случай видѣть по дорогѣ людей разнаго состоянія и наблюдать ихъ вблизи. Какое движеніе одушевляетъ цѣлое общество! Земледѣльцы, разсѣянные по полямъ, наполняютъ житницы Государства. Обозы съ товарами идутъ медлительно къ мѣсту назначенія своего. Сокровища стекаются въ города и питаютъ рукодѣлья и художества; между тѣмъ какъ Правленіе, устремляя всѣ части къ пользѣ цѣлаго общества, даруетъ всѣмъ покровительство законовъ.

Сіе зрѣлище занимало меня пріятнымъ образомъ и уменьшало скуку путешествія. Я разговаривалъ съ селя-

нами, и часто въ разговорахъ ихъ почерпалъ наставленія въ сельскомъ домостроительствѣ, въ наблюденіи Природы, съ которою они знакомѣе насъ. Вездѣ находилъ я бодрость духа, разсужденіе простое и здравое, неутомимое трудолюбіе: черты, которыя составляютъ, кажется, народное умоначертаніе.

Въ одной волости представилась мнѣ совсѣмъ иная картина: поля пренебреженныя, хижины земледѣльческія развалившіяся, вросшія въ землю, соломою крытыя; а на холму, подъ которымъ деревня, огромное зданіе помѣщика, въ самомъ живописномъ мѣстоположеніи. Но великолѣпіе соединялося съ худымъ вкусомъ: безъ плану, никакой соразмѣрности въ частяхъ, украшенія тяжелыя, излишнія. Отъ недостатка иждивеній и порядка недоконченное строеніе начинало уже разваливаться. Я полюбопытствовалъ спросить объ имени помѣщика. Извощикъ мой отвѣтствовалъ, что это Князь. . . . Но я лучше не назову его, уважая тѣни славныхъ людей, отъ которыхъ онъ происходитъ.

Улицы селенія были столь худы, что при самомъ въѣздѣ въ него ось кибитки моей изломилася; и между тѣмъ, какъ я былъ въ величайшемъ

затрудненіи, звуки роговъ и топотъ конской извѣстили меня о возвращеніи помѣщика съ охоты. Я былъ приглашенъ имъ, не столько изъ гостепріимства, какъ изъ суетной надменности и желанія ослѣпить проѣзжаго сіяніемъ пышности его.

Чертоги его изпещрены повсюду золотомъ, и ничто не показывало болѣе малости души господина ихъ, какъ смѣшное великолѣпіе, которымъ онъ окружалъ себя. Ему казалося, и онъ не скрывалъ того, что онъ совсѣмъ отмѣннаго существа отъ его подданныхъ. Нещастіе крестьянъ его не трогало. Онъ думалъ, что они рождены для его презрѣнія. Но вмѣсто того собаки были предметомъ его вниманія и разговоровъ; одна охота могла приводить въ движеніе тяжелую его душу. Впрочемъ угожденія чреву его, сонъ и грубыя шутки наполняютъ пустоту его времени. Неспособный къ обхожденію съ честными людьми, онъ живетъ съ презрительными шутами, и смѣется съ удовольствіемъ тому, что только заслуживаетъ сожалѣніе.

Обхожденіе его совсѣмъ противоположно тому, которымъ *Графъ Благотворовъ* составляетъ услажденіе своихъ пріятелей: простонародныя предразсужденія, разговоръ черни, никакой

вѣжливости, никакихъ знаній. Онъ утверждаетъ, что *Владиміръ* былъ современникъ *Августовъ*, и что пушки были при осадѣ *Трои*. *Ломоносовъ* ему столько же извѣстенъ, какъ *Конфуцій*.

Сколь различнымъ образомъ препроводилъ я вечеръ на ночлегѣ моемъ! Я присталъ къ почтенному земледѣльцу. Четыре сына, изъ которыхъ меньшему было за пятнадцать лѣтъ, окружали съ почтеніемъ добродѣтельнаго отца. По бодрой старости его я не повѣрилъ бы, что онъ переступилъ уже за сто лѣтъ жизни своей, если бы я осмѣлился и самъ въ себѣ подумать, что ложь можетъ быть на языкѣ его.

Поля, окружающія деревню, его рукою обработаны. Онъ первой поставилъ хижину, когда кругомъ еще было непроходимое болото и дремучій лѣсъ. Труды его благословлены изобиліемъ, а добродѣтель потомствомъ. Его одно семейство составляетъ населеніе деревни.

По вечерамъ всѣ сходятся въ жилище праотца своего, утѣшать старость его зрѣніемъ рѣзвой юности и пользоваться мудростію его и опытностію. Женщины занимаются около огня домашними упражненіями въ кроткомъ молчаніи. Старикъ разсказываетъ или забавляетъ правнучатъ своихъ. И

тогда два младенца, сыновья внуковъ его, сидѣли у него на колѣняхъ и играли сѣдинами его. Онъ вкушалъ радости, рѣдкимъ изъ людей извѣстныя. *Алексѣй*, младшій внукъ его, возвратился въ тотъ день изъ похода. Въ мундирѣ, двѣ медали на груди, молодый человѣкъ чувствовалъ несравненное удовольствіе быть похваляему дѣдомъ своимъ. Старикъ самъ служилъ въ молодости. Онъ имѣлъ щастіе видѣть и слышать *Петра Перваго*. Молчаніе царствовало вокругъ его, когда онъ выговаривалъ съ глубокимъ чувствованіемъ и съ слезами имя Великаго Государя. Память его, сохраняя залогъ свой, повторяла вѣрно всѣ приключенія молодости его, какъ бы дѣйствія вчерашнія. Такимъ образомъ нѣкогда сама Исторія составилась изъ преданій.

Гостепріимный съ важностію, онъ продолжалъ заниматься семействомъ своимъ. „*Не прогнѣвайся на меня*, говорилъ онъ мнѣ: *я не видалъ давно Олешеньки, и мнѣ не долго его видѣть. Я желаю отъ всего моего сердца, чтобъ и ты дождался внучатъ своихъ, когда они съ войны придутъ. Я было отдалъ его Государю: Богъ привелъ опять увидѣть.*“

Меня поразила мысль, что въ тотъ же самой день простый крестьянинъ

внушилъ въ меня почтеніе, когда я взиралъ съ презрѣніемъ на знатнаго, недостойнаго своей породы. Я почувствовалъ всю силу *личнаго достоинства*. Оно одно принадлежитъ человѣку и возвышаетъ всякое состояніе.

№ 7.

Пятница, Октября 11, 1790 года.

Коль щастья съ должностью не можно согласить,
Тогда пороченъ тотъ, кто хочетъ щастливъ быть.

Княжнинъ.

Сколь истинно, что лишенія придаютъ новыя пріятности наслажденіямъ нашимъ! Послѣ отсутствія моего мнѣ кажется, что домъ мой еще украсился, хотя глубокая осень лишила садъ мой и рощу лѣтняго ихъ убранства и заключила въ комнаты уединеннаго ихъ обладателя. Я доволенъ тѣмъ, что могу быть самъ съ собою. Никакое непріятное воспоминаніе не отравляетъ моего уединенія. Чувствую сердце мое способнымъ къ добродѣтели. Оно біется съ сладостною чувствительностію при единомъ помышленіи о какомъ нибудь дѣлѣ благотворительности и великодушія. Имѣю благородную надежду, что, будучи поставленъ между

добродѣтели и нещастія, изберу лучше смерть, нежели злодѣйство. И кто въ свѣтѣ щастливѣе смертнаго, который справедливымъ образомъ можетъ чтить самаго себя?

Какое удовольствіе ожидало меня на порогѣ дома моего! Усердіе домашнихъ, которыхъ каждое движеніе изъявляло радость о моемъ пріѣздѣ; одно зрѣніе покоевъ столь знакомыхъ, гдѣ я такъ давно щастливъ; книги, въ которыхъ учуся мыслить и чувствовать; рукописи, слабые опыты, въ которыхъ осмѣливаюсь перелагать Древнихъ, или предаюся собственной мечтательности: все вмѣстѣ дѣлало минуту возвращенія моего восхитительною. И послѣ того есть еще люди, которые ищутъ благополучія въ разсѣяніяхъ, въ многолюдствѣ, далеко отъ домашнихъ боговъ своихъ! бѣгаютъ отъ веселій къ весельямъ и изъ земли въ другую, между тѣмъ какъ оно вездѣ въ своемъ отечествѣ и ожидаетъ ихъ дома.

Меня занимаетъ пріятнымъ образомъ домашнее хозяйство. Есть люди, которымъ нужна моя помощь, совѣтъ, предстательство. Какое щастіе отереть слезы невинно-страждущаго, оказать услугу маломощному, облегчить зависимость подчиненныхъ! Но что я скажу о дружбѣ? Чувствовать себя

въ другомъ, разумѣть другъ друга столь искренно, столь скоро, при единомъ словѣ, при единомъ взорѣ! Кто называетъ *дружбу*, называетъ *добродѣтель*. Меня ожидалъ въ горницѣ моей *Алетовъ*, возвратившійся изъ похода. Предчувствованія сердца его открыли ему время возвращенія моего. Наши сердечныя объятія, наше глубокое молчаніе изъявляли краснорѣчивѣйшимъ образомъ чувствованія, для которыхъ намъ словъ не доставало.

Мы не видали, какъ прошелъ вечеръ въ пріятныхъ разговорахъ. Воспоминанія, чувствованія и мнѣнія прошедшаго времени снабжали насъ новыми размышленіями. Иногда мы были противнаго мнѣнія; но спорили безъ упрямства и уступали другъ другу безъ огорченія. Мы разгорячались только тогда, когда говорили о пользахъ человѣчества. Часто воспоминалъ *Алетовъ* какой нибудь прекрасный стихъ изъ *Танкреда* или *Меропы*, и возглашалъ его съ восхищеніемъ.

Скоро прочіе друзья мои провѣдали мое прибытіе. Каждой изъ нихъ спѣшилъ предупредить меня посѣщеніемъ. Пришелъ почтенный Священникъ, добрый *Дремовъ*, *Перковъ*, *Тучинъ*. Было полное собраніе передъ каминомъ. Мы завтракали, читали вѣдомости. *Дре-*

мовъ разсказывалъ намъ успѣхи земледѣлія своего и сколько убралъ онъ хлѣба съ поля. *Перковъ* показывалъ выписки свои изъ *Гиббона* и *Гиллиса*.

Одного не доставало *Карманова*. Всѣ отзывались, что не видали его давно. Должность судьи занимаетъ все время человѣка. И самое отдохновеніе его нарушается часто помышленіемъ о дѣлахъ общественныхъ. Отъ одного слова, которое произноситъ онъ, зависитъ спокойствіе или собственность гражданина. Какимъ угрызеніямъ подвергнетъ онъ жизнь свою, ежели приговоромъ, легко произнесеннымъ, осудитъ невиннаго, угнетаемаго стеченіемъ обстоятельствъ! Сколько такихъ случаевъ, гдѣ изысканіе истины сдѣлано труднымъ ябедою и ухищреніемъ! Иногда жалость, права знакомства, убѣжденія, прозьбы соединяются на поколебаніе его мужества.

Первое, что я предпріялъ, какъ скоро оставили меня одного, было посѣщеніе моего пріятеля. *Кармановъ* встрѣтилъ меня съ симъ добродушіемъ, которое ему свойственно. Разспросы о моемъ путешествіи. Но не смотря на спокойствіе, которое онъ старался принимать на себя, я видѣлъ заботу, снѣдающую его сердце. Она не могла быть долго тайною для моей дружбы.

„*Ты угадалъ, любезный другъ,* говорилъ онъ мнѣ: *я долженъ быть истолкователемъ строгости закона. Сильный человѣкъ желаетъ спасти виновнаго. Есть подлые люди, которые угрожаютъ меня всѣмъ его гнѣвомъ, ежели я не спасу его любимца. — Чтожъ, мой другъ? какое ты возмешь намѣреніе? — Оно взято. Никогда языкъ мой не произнесетъ того, что отвергаетъ совѣсть. Сильный человѣкъ долженъ мнѣ благодареніемъ за то, что я спасу святость законовъ отъ прелятствій, которыя, въ заблужденіи своемъ, противополагалъ онъ исполненію ихъ. — Но ежели, будучи раздраженъ твоимъ упорствомъ . . .? — Я утѣшуся въ нещастіи одобреніемъ совѣсти.*“ Я летѣлъ въ его объятія. „*Любезный другъ мой! ты возвращаешь мнѣ спокойствіе сею благородною твердостію. Злодѣйство — предпочитать жизнь свою чести; и какое можетъ быть щастіе, когда оно въ противорѣчіи съ добродѣтелію?*“

№ 8.

Пятница, Октября 18, 1790 года.

— — Любить торги, науки,
И щастье дома находить.

Державинъ.

Мнѣ такъ хорошо сидѣть передъ моимъ каминомъ! Огражденъ отъ стужи твердыми стѣнами, одѣтъ мягкою волною агнцовъ, я наслаждаюся произведеніями всѣхъ частей свѣта. Сей напитокъ, услаждающій своею смачною солью, извлеченъ изъ плодовъ деревца, которое росло для меня въ *Аравіи*. Сей чай, котораго благоуханіе наполняетъ воздухъ, возращенъ и собранъ промыслительною рукою *Китайца*. Еще болѣе: не выходя изъ горницы моей, узнаю происхожденіе цѣлой *Европы*. Мудрость древнихъ, изобрѣтенія новѣйшихъ: все сіе сдѣлано вѣчнымъ и общимъ человѣческому роду посредствомъ искусства столь важнаго, сколь удивительнаго, которое умножаетъ въ одно мгновеніе списки сочиненія до безконечно-

сти. Я могу слышать настоящія слова добродѣтельнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ людей въ свѣтѣ, чрезъ безмѣрное разстояніе и тысячи лѣтъ, которыя раздѣляютъ меня съ ними. Гражданинъ *Аѳинъ* и *Рима*, я могу вмѣстѣ съ ними удивляться *Софоклу* и плескать *Теренцію*. Сіе же искусство, распространенное на живопись, собираетъ въ горницѣ моей превосходныя творенія художниковъ и восхитительныя положенія природы. Рѣзецъ *Скородумова* или *Вакера* подражаетъ кисти *Ангелики Кауфманъ* и *Батенія*. Одѣянія разныхъ народовъ, обряды, происшествія, зданія, крѣпости, сраженія привлекаютъ мое вниманіе поочередно. Время, ускоряемое сими забавами разума, протекаетъ легко и пріятно, не оставляя мѣста скукѣ. Подъ кровомъ искусствъ общежитія, едва примѣчаю суровость погоды. Но, безъ вѣдома моего, сколько рукъ трудится въ самое сіе мгновеніе для доставленія мнѣ удобностей и пріятностей жизни! Земледѣлецъ, рукомесленникъ, промышленникъ, мореплаватель служатъ обществу трудами и часто опасностію своею.

Я разсуждалъ такимъ образомъ самъ съ собою. *Кормиловъ* въ двери: купецъ, дѣлающій честь своему состоянію свѣдѣніями въ торговлѣ, неизмѣняемою

честностію и трудолюбіемъ. Онъ имѣетъ дѣла почти во всѣхъ купеческихъ городахъ Европы. Исполненный общественной ревности, онъ поддерживаетъ имуществомъ своимъ предпріятія промышлениковъ, торгующихъ въ островахъ *Курильскихъ* и *Алеутскихъ*.

По первыхъ учтивостяхъ съ обѣихъ сторонъ, онъ говоритъ: *Вотъ Англинскія книги, которыя я для васъ выписывалъ. Особливо пріятно мнѣ видѣть между прочими полезную книгу Адама Смита* о народномъ богатствѣ. *Читайте ее, чтобъ постигнуть важность торговли. Ею соединяются Государства, насаждаются искусства и нравы въ грубыхъ народахъ; Природа обращается къ благополучію вселенной. Несправедливое предразсужденіе унижаетъ купечество передъ другими состояніями. Я не могу думать о себѣ съ пренебреженіемъ, когда повелѣнія мои исполнятся въ Лондонѣ и когда я получаю донесенія отъ прикащика моего въ Уналашкѣ; когда вижу, что трудолюбіемъ моимъ и разчетомъ обращеніе денегъ въ Государствѣ ускоряется; что я отверзаю новые пути вывозу естественныхъ произведеній моего отечества и возбуждаю промыслительность рукомесленника. Подлое корыстолюбіе не*

унижаетъ предпріятій моихъ. Моя прибыль соединена безпрестанно съ пользами Государства. Учреждаю такъ всѣ дѣла мои, что я въ состояніи удовлетворить каждому требованію при самомъ предъявленіи. Обманщикъ, который во зло употребляетъ довѣріе, не достоинъ почтеннаго имени купца. Одно слово мое на биржѣ должно стоить самой важнѣйшей письменной сдѣлки. И какъ можетъ быть иначе? Безчестное дѣло предполагаетъ тѣсный разумъ. Купецъ, какого я понимаю, есть Государственный человѣкъ, который пріуготовленъ тщательнымъ воспитаніемъ къ исполненію своего званія, и котораго всѣ дѣйствія управляются духомъ порядка и хозяйства.

Какъ онъ говоритъ о должностяхъ купца, такъ исполняетъ ихъ; но умалчиваетъ о своей благотворительности. У него есть правило откладывать десятую часть прибыли: это называетъ онъ *имѣніемъ бѣдныхъ*.

Наша бесѣда прервана разнощикомъ писемъ. *Кормиловъ* пошелъ читать ихъ къ себѣ въ контору. Я получилъ слѣдующее письмо изъ *Бернова* отъ *Иринеева*, который поѣхалъ туда нынѣшнее лѣто, пользоваться пріятностями деревенской жизни.

Берново, Октября 8го.

Теперь ты не имѣешь никакой отговорки. Ты былъ въ Никольскомъ; надобно пріѣхать въ Берново. Ты знаешь, что здѣсь живутъ самые снисходительные люди. Но спроси самъ у себя по совѣсти, можно ли удовольствоваться твоими извиненіями? — Я люблю спокойствіе и глубокое уединеніе моего предмѣстія. Какъ оставить книги мои, упражненія, привычки? — Надобно вооружиться мужествомъ. Мы такъ положили въ думѣ своей; этого перемѣнить не возможно. Ты долженъ съ нами провести зиму: ѣздить на порошу, или оставаться дома и рыться въ библіотекѣ. Мы воли не снимаемъ: Музы у насъ не въ изгнаніи. Въ доказательство прилагаемъ басенку:

ИЗГНАНІЕ АПОЛЛОНА.

На Феба нѣкогда прогнѣвался Зевесъ,
И отлучилъ его съ небесъ
На землю въ заточенье.
Что дѣлать? сильному противиться не льзя.
Безъ спору Аполлонъ исполнилъ изреченье.
Въ простаго пастуха себя преобразя,
Въ мгновеніе съ небесъ свое направилъ странство
Туда, гдѣ съ шумомъ бьетъ Пенеевъ быстрый токъ.

Смиренно платье, посошокъ
И нѣсколько цвѣтовъ — вотъ все его убранство.
Адмету, доброму Ѳессаліи Царю,
Сей кроткій юноша услуги представляетъ
И скоро Царскими стадами управляетъ
Находитъ въ пастухахъ невѣжество и прю,
Сердецъ ожесточенье,
О стадѣ нераченье.
Какое общество защитнику искусствъ!
Нещастливъ Аполлонъ. Но сладостной свирѣлью
Онъ тщится ихъ привесть къ невинному веселью.
Поетъ — и скоро ставъ владыкой грубыхъ чувствъ,
Влагаетъ въ пастырей незнаемую душу,
Учтивость, дружество, пріятный разговоръ,
Желанье нравиться. Къ нему Дріады съ горъ
И Нимфы ручейковъ сбѣгаются на сушу.
Внезапу вкругъ себя большой онъ видитъ дворъ.
Небесны боги сами,
Одинъ по одному,
Съ верховъ Олимпа внизъ сходилися къ нему.
Соскучивъ обладать пустыми небесами,
Зевесъ изгнанника на небо возвратилъ.
Искусства укрощаютъ нравы.
Кто первой вымыслилъ для разума забавы,
Мнилъ только забавлять: онъ смертныхъ просвѣтилъ
И грубыхъ варваровъ въ людей преобратилъ.

№ 9.

Пятница, Октября 25, 1790 года.

Въ насъ сердце для страстей, въ насъ разумъ для спокойства.

Николевъ.

Письмо *Иринеево* дѣйствуетъ. Оно возбудило во мнѣ цѣпь пріятныхъ воспоминаній. Все, что имѣетъ отношеніе къ первымъ лѣтамъ нашей жизни, наполняетъ сердце сладостными движеніями. Невинность возраста, новость пріобрѣтаемыхъ знаній и чувствованій, первыя знакомства, но болѣе всего благодѣянія, которыми ободряли, поддерживали юность нашу, оставляютъ въ памяти картину столь восхитительную, что хотѣлъ бы, кажется, обратиться назадъ и взглянуть еще разъ, ежели можно, на ея смѣющіяся изображенія и нѣжныя краски.

Сколь щастливъ тотъ, кому благосклонное небо сохранило древняго ро-

дителя, и кто много разъ можетъ праздновать день рожденія своего, приникнувъ на перси добродѣтельнаго старца! Скажите, вы, наслаждающіеся ласками нѣжной матери, какое чувствованіе можетъ быть для васъ сладостнѣе того, которое наполняетъ сердце ваше при ея объятіи? Берегите драгоцѣнную ея чувствительность. Столько страховъ и попеченій колебали сердце ея въ младенчествѣ вашемъ и теперь еще колеблютъ. Нить жизни ея сплетена неразлучно съ вашею. Она живетъ любовію вашею, желаніемъ вамъ щастія успѣховъ, добродѣтелей. Сколь виновенъ долженъ быть сынъ, который можетъ опечалить сіе чувствительное сердце и позабыть на одно мгновеніе священный долгъ природы и благодарности!

Однако есть неблагодарные. Сердца жестокія, недостойныя имени человѣчества, озлобляющія руку, которая ихъ питала! Природа производитъ ихъ во гнѣвѣ своемъ. Подобные симъ страшнымъ преобращеніямъ, которыя разоряютъ вселенную, землетрясеніямъ, потопамъ, они являются рѣдко, чтобъ ужасать примѣромъ своимъ человѣческій родъ, и оставляютъ по себѣ долговременное омерзеніе.

Что можетъ быть трогательнѣе положенія моего почтеннаго пріятеля *Дремова*? Проведя жизнь свою въ изобиліи, видѣвъ кругомъ себя все семейство свое, нисходящее въ могилу, будучи одинъ въ мірѣ, онъ устремилъ всю нѣжность сердца своего на сирое и незнакомое дитя, оставленное родителями. Онъ былъ ему настоящій отецъ; радовался его успѣхами, радовался оставить послѣ себя щастливаго. Молодой *Евфемонъ* (такъ называлося дитя) подавалъ надежду наградить съ избыткомъ попеченія воспитанія. Введенный рано въ общество, онъ привлекалъ всѣхъ взоры своею живостію, обращеніемъ и симъ блескомъ, который искусства и знанія придаютъ разуму благовоспитаннаго человѣка. Но обольщенный тщеславіемъ, юноша повѣрилъ внушеніямъ безразсудныхъ пріятелей. Скоро увѣщанія *Дремова* показалися ему несправедливыми суровостями. *Евфемонъ* тѣмъ болѣе привязывался къ сіяющимъ бездѣлицамъ и бѣдственнымъ своенравіямъ, чѣмъ болѣе опорочивалъ ихъ *Дремовъ*. Наконецъ должно было дойти до строгости; и тогда нещастный *Евфемонъ* сдѣлался въ первой разъ виновнымъ. Въ изступленіи разума своего, онъ разорвалъ союзъ благодарности, и дерзнулъ уко-

рять воспитателя своего. Вообразите себѣ сокрушеніе *Дремова;* я не имѣю для него выраженій. „*Нещастный!* вопіялъ онъ болѣзненнымъ гласомъ: *ты пронзаешь сердце мое, обращая противъ меня собственныя мои благодѣянія. Столько попеченій, столько трудовъ для произведенія неблагодарнаго! Твое жестокосердіе ужасаетъ меня. Кого пощадишь ты, когда дерзаешь произносить хулы на того, кто избавилъ жизнь твою отъ пагубы; кто даровалъ тебѣ болѣе нежели жизнь; кто сдѣлалъ тебѣ ее пріятною? Я не могу болѣе сносить твоего присутствія; оставь меня одного терзаться. Ты наносишь ударъ смерти сему нѣжному сердцу, которое только тѣмъ наслаждалося, чтобъ любить тебя. Я не знаю тебя болѣе. Ты мнѣ ничто. Иди, ищи сообщества такихъ же неблагодарныхъ, какъ ты (и одного прошу): избавь меня навсегда нещастія тебя видѣть.*“

Молодый человѣкъ вышелъ въ окамененіи ярости. Его видѣли бѣгущаго по улицѣ, изумленнаго. Но полчаса спустя, жалость и любовь изгнали справедливый гнѣвъ изъ сердца *Дремова.* Онъ разослалъ людей своихъ въ слѣдъ

Евфемона; побѣжалъ самъ искать его. Безполезно. Его въ городѣ уже не было.

Дремовъ возвращается домой печаленъ и востревоженъ въ душѣ своей неизвѣстностію и сѣтованіемъ. Садится утомленный. Прибѣгаютъ служители. Всѣ стараются другъ передъ другомъ угожденіями своими смягчить печаль добраго господина. Всѣ суетятся кругомъ его, бѣгаютъ. Кто приготовляетъ ужинъ, кто перестилаетъ постелю. Между тѣмъ *Дремовъ* впадаетъ въ глубокое размышленіе: „*Какъ! для меня одного столько людей безпокоится, нужно столько иждивенія! А мой Евфемонъ, котораго молодости приличнѣе всѣ сіи удовольствія, изгнанъ моею суровостію, странствуетъ теперь безъ пристанища. Нѣтъ, я не буду пользоваться нѣгою покойной жизни, покуда изгнанникъ мой не возвратится въ сіи отеческія объятія. До тѣхъ поръ хочу себя наказывать за него всѣми лишеніями, работой, изнуреніемъ.*“ Въ самомъ дѣлѣ онъ распродалъ все: палаты, пожитки, украшенія, и поселился въ нашемъ предмѣстіи. Отказывая себѣ всякое удовольствіе, воздѣлываетъ своими руками маленькое поле. Два года живетъ между нами и не можетъ уда-

лить отъ сердца своего мысли о своемъ миломъ и неблагодарномъ воспитанникѣ. Самое преступленіе *Евфемона* приписываетъ винѣ своей: „*Я не довольно исправлялъ сердце его*, говоритъ онъ. *Слова мои не имѣли волшебной прелести, которая дѣлаетъ добродѣтель легкою и порокъ невозможнымъ. Справедливо, чтобъ я за то наказывался.*

№ 10.

Пятница, Ноября 1, 1790 года.

Прямую цѣну уму даетъ благонравіе. Безъ него умной человѣкъ чудовище. — Умнаго человѣка легко извинить можно, естьли онъ какого качества ума и не имѣетъ. — Честный человѣкъ долженъ быть совершенно честный человѣкъ.

Фонвизинъ.

Въ какой благополучный часъ предпріялъ я путешествіе свое въ *Берново!* Оно доставило мнѣ неоцѣненное удовольствіе приближить другъ къ другу двѣ души благородныя и чувствительныя, окончить раскаяніе питомца и сиротство воспитателя. Я нашелъ *Евфемона*, нещастіемъ искушеннаго, и котораго теперь ничто не можетъ отвратить отъ добродѣтели, за тѣмъ что онъ видѣлъ собственными глазами неизмѣримую бездну, въ которую повергалъ его порокъ. На краю ея остановился онъ съ трепетомъ, и слезы раскаянія очистили душу его и возвра-

тили ей спокойствіе невинности. Я спѣшилъ овладѣть имъ. Для меня не трудно было воротиться назадъ, чтобъ повергнуть его въ объятія умиленнаго *Дремова*. Я наслаждался ихъ щастіемъ. Судите, каково было мое! Видѣть мудрость, прощающую заблужденіе; смиряющагося юношу, котораго добродѣтельный старецъ объятіями своими не допускаетъ упасть къ ногамъ своимъ; слышать имя свое благословляемое ими: нѣтъ, я не знаю положенія умилительнѣйшаго! Щастливъ тотъ, кто можетъ укрѣпить священные союзы семейства, примирить несогласія ближнихъ и повсюду кругомъ себя разливать благоволеніе!

Между спокойными селянами препроводилъ *Евфемонъ* время своего заточенія. Здѣсь изгналъ онъ изъ мыслей сіяющія суеты, которыя омрачали его. Здѣсь научился отличать отъ самаго себя постороннія достоинства, которыя случай ему доставилъ, богатство, уваженіе, внѣшнее сіяніе. Два года послушный добродѣтельному ораторю, котораго семейство избралъ онъ себѣ убѣжищемъ; терпѣливый, прилѣжный, благонравный, онъ казался ему Ангеломъ небеснымъ, для утѣшенія старости его ниспосланнымъ. Деревенской воздухъ, труды земледѣлія, порядочная

жизнь укрѣпили тѣло его и придали благообразному стану его нѣкоторый мужественный видъ. Но онъ пріобрѣлъ еще болѣе превосходства со стороны сердца въ школѣ нещастія и сельской жизни. Не было безразсудныхъ пріятелей, которые дѣлали бы ему добродѣтель смѣшною и потворствовали бы его слабостямъ. Окруженный равными, онъ долженъ былъ заслуживать дружбу каждаго. Почтеніе, которое ему оказывали послѣ, было его собственное: за тѣмъ что состояніе его не было никому извѣстно. Одѣтый какъ прочіе селяне, онъ отличался отъ нихъ одною пріятностію нрава, повиновеніемъ, любовію труда и добродѣтели.

Сіе-то самое отличіе было для меня стезею къ найденію *Евфемона*. Щастливый случай привелъ меня остановиться на первой станціи дороги моей въ *Берново*, точно въ хижинѣ земледѣльца, у котораго *Евфемонъ* скрывался. Присутствіе его, обращеніе, самая задумчивость, которая осѣняла лице его, обратили на него все мое вниманіе. Но какое удивленіе возбудилъ во мнѣ разговоръ его! Первое слово, имъ произнесенное, открыло мнѣ состояніе его. Я боялся быть нескромнымъ и овладѣть тайною его по неволѣ, уважая нещастіе въ томъ, кого

хотѣлось бы мнѣ любить какъ *друга*. Сердца наши соглашалися втайнѣ. Едва знакомые, мы были уже искренни. Я назвалъ въ разговорѣ мѣсто отъѣзда моего: молодый человѣкъ измѣнился въ лицѣ. Съ видомъ виновнаго, который ждетъ осужденія, онъ сказалъ: „*Позвольте спросить, не доходило ли нечаянно до слуха вашего почтеннаго имени Дремова? Небо сохраняетъ ли еще добродѣтельную жизнь его?*“ При сихъ словахъ, но болѣе при чувствованіи, которое на лицѣ изображалося, я угадалъ истину, произнесъ имя *Евфемона*, и слезы, покатившіяся изъ глазъ его, не оставили мѣста сомнѣнію. Кто изобразитъ восхищенія наши! Ихъ раздѣлили добродушные селяне. Хозяева, теряя въ немъ подпору свою, первые желаютъ видѣть того, котораго называли сыномъ своимъ, возстановленнаго въ прежнее состояніе. Мнѣ надобно было употребить величайшія увѣренія, чтобъ ободрить робость *Евфемона*. Ему представилося преступленіе его въ мрачнѣйшемъ видѣ. „*Какимъ образомъ*, говорилъ онъ, „*неблагодарный* „*осмѣлится предстать оскорбленному благодѣтелю? Мнѣ слышится* „*еще въ глубинѣ сердца ужасное его* „*изреченіе: Избавь меня нещастія* „*видѣть себя!*

Я не смѣю описывать картины свиданія ихъ. Угрызенія воспитанника превзойдены чистою и спокойною радостію воспитателя. Казалося, что изъ двухъ *Дремовъ* былъ виновный; что онъ, а не *Евфемонъ* возвращенъ въ домъ свой. О преступленіи ни слова. Великодушный умѣетъ болѣе, нежели прощать: онъ и вину самую уничтожаетъ.

Можно ли съ лучшимъ припасомъ ѣхать въ дорогу? Щастіе моихъ пріятелей будетъ занимать меня до самаго *Бернова*. И зачѣмъ не далѣе? Ежели я сколько нибудь способствовалъ оному, то не даромъ жилъ въ *предмѣстіи*. Воспоминаніе добраго дѣла распростирается на цѣлую жизнь. Съ умиленіемъ оставляю друзей моихъ и низлагаю между ихъ качество *обитателя предмѣстія*.

ЭМИЛІЕВЫ ПИСЬМА.

ПРЕДЪУВѢДОМЛЕНІЕ.

Живучи въ Софіи, я имѣю обыкновеніе прогуливаться каждой день по большой Московской дорогѣ. Множество путешественниковъ разсѣяваетъ размышленія мои. Въ началѣ Октября остатки прекраснѣйшаго лѣта еще были чувствительны. Я шелъ съ моими пріятелями подъ вѣтьвями поблекшихъ березокъ. По бокамъ у меня были Виль Гоникомбъ и Дикъ Ейронсейдъ, граждане Софійскіе. Вдругъ видимъ нѣчто бѣлое на дорогѣ — приближаемся — это былъ свитокъ рукописей и писемъ. Вдали карета въ шесть лошадей, запряженная подорожному, скакала во весь опоръ. Можетъ быть изъ ней былъ оброненъ сей свитокъ. Но какимъ удивленіемъ былъ я пораженъ, когда, развернувъ его, узналъ почеркъ любезнаго моего Эмилія, достойнаго должайшей жизни, и котораго потерю немногіе друзья оплакиваютъ! — Жре-

бій его совершенъ. Всечасное его желаніе было жить и умереть для пользы отечества. И послѣдніе взоры его *видѣли убѣгающаго непріятеля*. Не трудно было мнѣ угадать, что письма сіи были писаны къ доброму Филарету. И что было свойственнѣе, какъ, предавъ ихъ тисненію, почтить между нами память нашего нѣжнаго друга?

Село Никольское, 18 Маія.

Любезный другъ мой!

Вотъ другое письмо, что я пишу къ тебѣ отсюда. Какъ я здѣсь щастливъ! какая погода! какое прелестное мѣстоположеніе! Ты знаешь хозяевъ. Я не могу описать тебѣ всего вниманія ихъ, ласки, благородной учтивости. Ихъ одно общество могло бы сдѣлать и пустыню пріятною. Чего мы не дѣлаемъ? Прогуливаемся пѣшкомъ, верхомъ, на лодочкѣ. Любви достойныя дѣти ихъ, особливо *Васинька*, увеличиваютъ веселья наши своими невинными играми. Радостно смотрѣть, какъ они любятъ другъ друга. Малѣйшее огорченіе приключится одному: и всѣ опечалены. За то, какъ ихъ любятъ окружающіе, домашніе! Но мы ли одни? Посторонніе, чужіе люди привлекаются ихъ вѣжливостію, тихостію, чистосердечіемъ,

Посуди по вчерашнему. День былъ прекрасный; поутру маленькой дожжикъ, послѣ обѣда солнце, и воздухъ наполненъ благоуханіемъ! Мы сбирались прогуливаться; видимъ вдали пыль, изъ которой показываются верховые. Они подъѣзжаютъ: молодый Инженерный Офицеръ, очень хорошаго вида, представляется хозяевамъ, проситъ позволенія остановиться въ селѣ съ своею командою. Онъ посланъ отъ Дивизіоннаго Генерала для разбитія лагеря и нѣкоторыхъ полевыхъ укрѣпленій къ учебному смотру, въ верстѣ разстоянія отъ *Никольскаго*.

Не прошло получаса, какъ дѣти уже совершенно съ нимъ ознакомились. Г. *Добросердовъ*, такъ назывался Офицеръ, показывалъ имъ всѣ подробности чертежа своего; выгоды и неудобности мѣстоположенія, какія высоты занимаетъ онъ редутами, гдѣ назначаетъ переправы, отводные караулы, и такъ далѣе. Въ другомъ тактическомъ планѣ изъяснялъ имъ всѣ движенія обѣихъ сторонъ, боевый порядокъ, на которомъ крылѣ начнется нападеніе, откуда подкрѣплять будутъ уступающихъ и какимъ образомъ прикроется отступленіе побѣжденныхъ.

Этого мало: мы всѣ садимся на лошадей, и слѣдуемъ за Офицеромъ на

самое мѣсто трудовъ его. Вооружены кольями, заступами, между тѣмъ какъ Офицеръ назначаетъ углы по астролябіи, мы продолжаемъ линіи, разбиваемъ укрѣпленія.

Дѣло шло такъ усердно и скоро, что мы уже могли потчивать гостя своего легкимъ ужиномъ въ полуотдѣланномъ редутѣ на правомъ крылѣ арміи.

Завтра полки вступаютъ въ лагерь; и наше деревенское спокойствіе будетъ встревожено шумомъ военныхъ упражненій. На всегда твой, *и проч.*

23 Маія, по утру.

Нѣсколько дней пропущено безъ писемъ: и дружба твоя можетъ быть возмущается моимъ молчаніемъ. Я не защищаю вины моей, и чтобъ избѣжать ее впередъ, посылаю тебѣ цѣлую дневную записку.

Я увѣдомлялъ тебя, что полки выступятъ въ лагерь 19 числа. И дѣйствительно въ тотъ день они двинулись, боевымъ порядкомъ, въ двѣ линіи. Картина самая разительная, видѣть съ возвышеннаго мѣста нѣсколько пол-

ковъ пѣхотныхъ, конныхъ, шествующихъ величественно по пространной долинѣ. Нѣсколько колоннъ, разными дорогами дошедъ въ тоже время на одну черту, развернулися на мѣстѣ избраннаго стана. Это было около осьми часовъ вечера. Послѣдніе лучи солнца отбрасываемы были сіяющею чистотою ружей. Развѣвалися знамена; раздавался громъ барабановъ. Между тѣмъ отряды конницы, которые помѣщены были въ промежуткахъ колоннъ, обращалися *направо* и *налѣво* и составляли крылья. Позади фронта явились палатки, поставленныя фурьерами съ невѣроятною скоростію.

Въ 9 часовъ вечера.

Мы теперь только отъ зори. Лагерь расположенъ весьма выгодно на высотѣ, которая повелѣваетъ почти всею окрестностію. Чистота, опрятность, послушаніе въ солдатахъ; строжайшая подчиненность между Офицерами. Мы познакомились съ нѣкоторыми изъ оныхъ. Есть между ими весьма достойные, соединяющіе военныя качества со знаніемъ свѣта. Таковъ отлично Г. Полковникъ *Думовъ*, который начальствуетъ особливою бри-

гадою. Ты знаешь *Осанова*, и имя *Славина* не можетъ быть неизвѣстно.

Легко вообразишь себѣ, что и дѣти были съ нами; но *Васинька* не былъ. Онъ выпросилъ позволеніе остаться дома, нарочно для того, чтобъ испытать, можетъ ли *отказать себѣ въ удовольствіи*. Онъ былъ доволенъ своимъ мужествомъ и употребилъ это время на черченіе шестиугольника, укрѣпленнаго по первому построенію Г. *Вобана*. Съ нѣкотораго времени Геометрія и Фортификація начинаютъ ему нравиться почти столько же, какъ игрушки. Можно ожидать всего добраго отъ того, кто учится владѣть самимъ собою.

24 числа. Въ 3 часа по полудни.

У насъ обѣдали сегодня Дежуръ-Маіоръ *Вельзоровъ* и Адъютантъ *Алетовъ*. Они намъ показывали письменное расположеніе учебнаго смотра. Ввечеру высланъ будетъ отрядъ фуражировъ. Настоящее ученіе назначено къ 30 числу.

Я перерываю письмо мое, потому что подвозятъ линейку ѣхать въ лагерь. Прощай.

Надобно очень любить своихъ пріятелей, конечно не менѣе моего, чтобъ удосужиться разговаривать съ отсутственнымъ, посреди самаго блистательнаго праздника и между тѣмъ, какъ все кругомъ меня одушевляется весельемъ. Сегодня рожденіе *Васиньки*. Ему исполнится одиннадцать лѣтъ . . . . Но я открываю тебѣ тайну его. Онъ воображаетъ, что ему по крайней мѣрѣ пятнадцать.

Я не видалъ отрока, который бы его ранѣе сталъ чувствовать благопристойность поведенія. Столько нѣжно въ немъ чувствованіе честнаго и похвальнаго, столь сильно отвращеніе отъ постыднаго, что онъ не въ состояніи сдѣлать ничего предосудительнаго, хотя бы и увѣренъ былъ, что никто того не узнаетъ.

Смѣлъ и великодушенъ отъ природы, столько боится стыда и потерянія чести, что одинъ взоръ неудовольствія, едва примѣтная холодность лишаютъ его веселости. Онъ не можетъ быть спокоенъ, пока не возвратитъ добраго о себѣ мнѣнія.

Еще примѣръ власти его надъ собою. Онъ очень любитъ персики. Сегодня подарили ему прекрасный, единственный, который достать могли.

Сколько радости! на немъ основалъ надежду своего завтрака. Мы шли къ развалинамъ маленькаго домика въ полверстѣ отъ села. Хотѣли тамъ расположиться. Не доходя, видимъ бѣднаго прохожаго, отдыхающаго. Сѣдые волосы, сѣдая борода. Онъ казался утомленъ и отъ дороги, и отъ нещастій. Слабымъ голосомъ просилъ милостыни. У насъ не случилося денегъ. Слезы навернулися на глазахъ у *Васиньки*. Скорѣе слова, и прежде нежели мы одумались, персикъ былъ у старика. Слезы благодарности катилися изъ оживленныхъ глазъ нещастнаго; благословенія, молитвы за здравіе юнаго благотворителя!

Васинька восхищенъ былъ, что потерялъ свой завтракъ. Возвращаяся, пріятная встрѣча. Сержантъ, присланный отъ Г. *Думова*, вручаетъ имениннику двѣ книги въ богатомъ переплетѣ: *Мечтанія Маршала де Саксъ* и *Опытъ Тактики Г. Гиберта*.

У насъ будетъ и самъ *Г. Думовъ* и множество Офицеровъ изъ лагеря. Мы даемъ обѣдъ, балъ, ужинъ. *Добросердовъ* готовитъ къ ночи маленькой фейерверкъ.

Вотъ и гости начинаютъ съѣзжаться. Прощай, мой другъ, я оставляю тебя, чтобъ итти въ гостиную.

Въ первомъ часу по полуночи.

Уставъ до чрезвычайности, прихожу съ бала, хочу продолжать письмо мое; и не въ состояніи. Глаза смыкаются сами. Вообрази себѣ, шесть Англинскихъ сряду. Но я не могъ сравняться ни съ *Осановымъ*, ни съ *Алетовымъ*. Они такіе же неустрашимые танцовщики, какъ и Офицеры. Соединяя любви достойныя дарованія съ *основательными качествами*, они должны быть совершенно щастливы, если чувствуютъ цѣну дружбы, столько же, какъ

Твой вѣрный другъ

N. N.

Маія 29 дня
Село Никольское.

29 Маія, Берново.

Наконецъ, любезный другъ мой, по окончаніи путешествія, малотруднаго и пріятнаго, въ лучшее годовое время пріѣхалъ я въ *Берново* и наслаждаюсь всѣми удовольствіями деревенской жизни. Я нашелъ достойнаго пріятеля нашего, окруженнаго своею милою семьею.

Ты можешь вообразить радость нашего свиданія. Это было вечеромъ. Солнце на закатѣ окончевало самой ясный весенній день. Удовольствіе, начертанное на лицахъ хозяина и домочадцевъ его, свидѣтельствовало, сколько сердца ихъ спокойны и благополучны исполненіемъ законовъ добродѣтели.

Въ минуту пріѣзда моего все семейство помѣщика занималося отправленіемъ деревенскаго праздника. Жители цѣлой деревни, отстоящей отъ села на полтретьи версты, старый и малый, приходили порядочнымъ строемъ на дворъ господской. Всѣ были въ лучшемъ праздничномъ убранствѣ. Юноши и отроки по два въ рядъ подносили помѣщицѣ вѣнки, сплетенные изъ васильковъ. Староста между тѣмъ представлялъ господину всѣхъ стариковъ деревни.

Послѣдовало радостное угощеніе. Столы были поставлены въ освѣщенной аллеѣ. Я спѣшилъ занять мѣсто мое между добрыми поселянами. Господа отличалися однимъ снисхожденіемъ и доброжелательствомъ. Мы позабыли различіе состояній и помнили только, что мы люди. Мнѣ показалось, что вижу явленіе *изъ златаго вѣка*, когда подъ тѣнію дуба какой нибудь

Патріархъ вкушалъ простыя яствы посреди своего раждающагося семейства.

Пляски, хороводы заключили вечеръ. Я предался сладкому сну, наполненъ воспоминаніемъ всего того, что видѣлъ и чувствовалъ. И сказать тебѣ правду, (но ты не перескажи этого никому другому,) веселье сіе понравилось мнѣ несравненно лучше нашихъ воксаловъ, гуляній, въ которыхъ съ такимъ трудомъ стараемся наслаждаться природою — и не можемъ.

Мѣстоположенія прекрасны. У насъ садъ, звѣринецъ, рощи. Я встаю очень рано. Каждой день странствую по полямъ верьхомъ или пѣшкомъ, читаю, пишу. Завтракаемъ вмѣстѣ. Потомъ забавы, бесѣда, общественныя гулянья. Ты меня знаешь и чувствуешь, осталось ли что нибудь, чего бы не доставало къ моему благополучію. Я не могу сказать съ *Виргиліемъ:*

О! кто бы перенесъ
Меня во Гемскія прохладныя долины,
И мрачной тѣнію вѣтвистыхъ древъ покрылъ!

Я все это здѣсь имѣю. Горница моя въ звѣринцѣ. Маленькая библіотека моя расположена на трехъ полочкахъ, прибитыхъ надъ письменнымъ моимъ столикомъ. Горшки цвѣтовъ, которые я самъ поливаю, затемняютъ мои окна.

Нѣкоторое великолѣпіе украшаетъ мою хижину. Маленькіе бюсты *Жанъ Жака Руссо* и *Соломона Геснера*, которые я выпросилъ у хозяина, означаютъ убѣжище ихъ попечителя и любителя природы.

Здѣсь я наслаждаюсь разсматриваніемъ оной, размышленіемъ и чтеніемъ. Я сравниваю зрѣлище природы съ тѣми восхитительными списками оной, которые оставили намъ *древніе*. *Гомеръ*, *Виргилій*, *Горацій* препровождаютъ меня на возвышенный холмъ или въ пріятную долину, по которой сверкаетъ студеный источникъ. Картины пѣвцовъ восхищаютъ мое воображеніе. Я стараюсь разбирать красоты ихъ. Записываю примѣчанія мои. Осмѣливаюсь перелагать по *Руски* мѣста, которыя болѣе поражаютъ меня. Угодно тебѣ видѣть мои опыты? Письма мои сообщатъ тебѣ всѣ мои упражненія. Но ты одолжишь меня, любезный другъ мой, принимая ихъ болѣе за внушенія моего сердца, нежели за произведенія остроумія. Безъ чиновъ, прощай и люби меня.

30 Маія въ 10 часовъ утра,
изъ лагеря при урочищѣ Красный Боръ.

Извини, любезный другъ, безпорядокъ письма моего. Я пишу къ тебѣ съ Марсова поля, изъ ставки общаго нашего знакомаго *Г. Осанова*. Теперь только кончилось ученье, день становится жарокъ и усталость тѣла, кажется, распростирается и на мысль мою.

Нападающее войско приближалося пятью колоннами и по знаку предводителя изъ передоваго отряда, построилося въ наклоненный боевый порядокъ. Правое крыло зашло въ бокъ противуположеннаго войска и опрокинувъ его, преслѣдовало конницею.

Съ какимъ согласіемъ дѣйствовали всѣ отряды! конница тяжелая, легкая; пѣхота, охотники, наконецъ всѣ разныя оружія соединены въ одно тѣло, движущееся и страшное!

Люди умѣли привести въ совершенство искусство, ужасное и необходимое, защищать безопасность и славу отечества. Ахъ! если бы они были столько же удачны въ умноженіи щастія, просвѣщенія и добродѣтели! Воинъ можетъ быть достоинъ почтенія и заслужить безсмертную память днями убійства и раззоренія. Гражданинъ,

которой служитъ отечеству, не раззоряя, трудами рукъ своихъ, искусствомъ, совѣтомъ, разумомъ, можетъ быть каждой день полезенъ, и честь его не смѣшена ни съ какими сожалѣніями. Мы забавляемся движеніями полковъ. За чѣмъ проходимъ безъ примѣчанія мимо трудовъ земледѣльца, проливающаго потъ надъ собственною полосою? За чѣмъ не обращаемъ вниманія на сихъ простыхъ людей, которыхъ руки обработываютъ произведенія земли и пріуготовляютъ ихъ торговлѣ и художествамъ?

Гражданинъ, достойный сего имени, которой намѣренъ служить своему отечеству, долженъ вникнуть во всѣ части общежитія и узнать нужды и пользы общества.

Мы дали себѣ слово, я и *Васинька*, въ первую прогулку итти на ниву добраго земледѣльца, быть свидѣтелями трудовъ его, неутомимости, добродушія. Мы возьмемъ съ собою *Виргиліевы Георгики*, и въ виду хижинъ и пастуховъ, при шумѣ падающаго источника, прочтемъ прелестный *эпизодъ второй книги* о похвалахъ сельской жизни.

Прощай, мой другъ; я желаю тебѣ всякаго благополучія.

6 Іюня, Никольское.

Писать къ тебѣ, разговаривать съ тобою заочно — ты знаешь, что это сдѣлалось для меня нуждою. Случай представился; я не хочу пропустить его, не сказавъ тебѣ, сколько я люблю тебя и сколько бы желалъ тебя видѣть съ собою. Одно мѣстоположеніе, благорастворенiе воздуха, сельскія забавы уже прекрасны; но чтоже скажешь о людяхъ, любезныхъ моему сердцу, которые все это дѣлаютъ несравненно прелестнѣе пріятностями разума и сердца?

Любви достойный хозяинъ мой *Графъ Благотворовъ* (никогда имя не сходствовало болѣе со свойствомъ человѣка) полагаетъ все свое благополучіе въ томъ, чтобъ дѣлать добро другимъ. Богатство, почести, знатность, кажется, получилъ онъ только для того, чтобъ быть полезнымъ большему числу людей. Оказывая благодѣянія, онъ первой ихъ позабываетъ. Умолчать добро, которое сдѣлалъ, для него самое величайшее удовольствіе.

На примѣръ, мы никогда не слыхали отъ него о старикѣ *Васильковѣ*, которой двадцать лѣтъ живетъ въ его убѣжищѣ.

Вотъ какимъ случаемъ мы его узнали. Третьяго дня, исполняя намѣреніе наше посѣщать земледѣльцовъ, я и молодый мой товарищъ идемъ тропинками между пашенъ. Ручей, извивающійся въ долинѣ, привлекаетъ насъ своимъ журчаніемъ и пріятными излучинами. *Васинька* перескакиваетъ его, входитъ въ кустарники. Мы за нимъ — выходимъ на лужайку — видимъ: селянинъ глубокой старости и почтеннаго вида, (это былъ *Васильковъ*), оставляетъ плугъ свой, чтобъ поспѣшить къ намъ на встрѣчу, внѣ себя отъ радости, видя въ первой разъ сына благодѣтеля своего.

Надобно было войти въ хижину его. И онъ и дряхлая жена его угощаютъ насъ другъ передъ другомъ.

Васильковъ былъ страдальцомъ добродѣтели. Низкой породы, но благороднаго сердца, изъ рядовыхъ солдатъ, дослужился онъ Офицерства. Одинъ человѣкъ знатный и несправедливый принуждалъ его силою и обѣщаніями участвовать въ погубленіи невиннаго. *Васильковъ* отвергнулъ съ негодованіемъ и угрозы и предложенія. Оклеветанъ, отброшенъ, лишенъ чести, скончалъ бы онъ жизнь свою въ бѣдствѣ и поношеніи, если бы прозорливое человѣколюбіе *Графа Благотво-*

рова не спасло чести его оправданіемъ и не доставило послѣднимъ днямъ его спокоинаго пропитанія.

Не пріятно ли тебѣ видѣть великодушіе, защищаемое благотворительностію? Прощаи, мой другъ, будь здоровъ и люби меня.

---

8 Іюня, Берново.

Прошедшіе восемь дней проводилъ я не столько въ *Берновѣ*, какъ подъ священными стѣнами *Иліона*. Никѣмъ не видимъ, подъ тѣнью дерева, читалъ я своего *Гомера*. Воображенію моему, обольщенному волшебствомъ кисти его, казалася вся природа кругомъ меня одушевленною: лѣса обитаемы *Дріадами*, чистыя струи безъ сомнѣнія льются изъ сосуда какого нибудь рѣчнаго бога, увѣнчаннаго камышемъ. Но болѣе всего сіи нравы *героическихъ* временъ, чувствованія сильныя, великодушныя, но неумягченныя просвѣщеніемъ, грубыя начала общежитія, которымъ творенія *Гомеровы* служатъ *Исторіею*, мечтаются мнѣ столь живо, какъ будто бы я самъ былъ гражданиномъ великолѣпныхъ *Микинъ* или

богатаго *Коринѳа* и стоялъ между *Греческими* ратниками, по рядамъ которыхъ величественно шествуетъ *Агамемнонъ*, очами и главой Юпитеру подобный. . . .

Какое множество дѣйствующихъ лицъ, изъ которыхъ каждое ознаменовано чертами сильными и ему только принадлежащими! Сколько Героевъ, которыхъ всѣхъ помрачаетъ Ахиллесъ! Почти въ цѣлой поемѣ оставивъ его безъ дѣйствія, показываетъ поочередно въ величайшемъ сіяніи *Діомида, Аіаксовъ, Менелая, Идоменея*. Кажется, уже не можно итти далѣе геройству храбрости. Но *Патроклъ*, другъ *Ахиллесовъ*, убитъ *Гекторомъ*. Оружіе *Ахиллеса*, въ которомъ *Патроклъ* сражался, стало добычею побѣдителя. *Трояне* прогнали Грековъ до кораблей ихъ. Тогда *Ахиллесъ* является имъ съ раската, безъ оружія, въ простомъ одѣяніи. И сіе одно видѣніе повергаетъ назадъ устрашенныхъ *Троянъ*. Сія величественная черта изображаетъ вмѣстѣ и *Ахиллеса* и *Гомера*.

Иліада производитъ въ душѣ читателя тоже дѣйствіе, которое могло бы произвести представленіе самой трогательной драмы. *Гомеръ* не разсказываетъ; онъ, если смѣю сказать, восхищаетъ меня на мѣсто сраженія.

Самыя невѣроятныя вещи становятся мнѣ ощутительными. На вершинахъ *Иды*, которой чело въ облакахъ сокрывается, возсѣдаетъ *Зевесъ* спокоенъ, недвижимъ; златыя вѣсы въ рукахъ его, между тѣмъ какъ у подошвы горы слабые смертные, *Греки* и *Трояне*, устремляются къ предѣлу краткія жизни и наносятъ и пріемлютъ попеременно погибельныя раны.

Но изображая неистовство сраженій, не позабываетъ онъ трогать сердца другими страстями, болѣе любви достойными. Какою глубокою чувствительностію наполнена картина, въ которой *Пріамъ* уничиженъ, на колѣнахъ, лобзая руку свирѣпаго непріятеля, испрашиваетъ у *Ахиллеса* тѣло нещастнаго и добродѣтельнаго сына своего, *Гектора!* Какое сладостное и тихое краснорѣчіе истекаетъ изъ устъ *Нестора*? Что можетъ быть умилительнѣе прощаній *Гектора* и *Андромахи!* Какую прелесть влагаетъ *Гомеръ* въ тысячи мѣлкихъ подробностей, изъятыхъ изъ человѣческаго сердца! Двадцать столѣтій протекли по лицу земли; а я нахожу, что самыя сокровеннѣйшія чувствованія сердца моего столько же живы въ твореніяхъ *Гомера*, какъ будто происходятъ во мнѣ самомъ. Чему же удивляться, ежели

древность имѣла въ такомъ уваженіи сего вѣчнаго стихотворца; ежели *Виргилій*, скромный *Виргилій* удовольствовался только тѣмъ, чтобъ быть его подражателемъ?

Я радуюсь, будучи въ состояніи сказать тебѣ изъ глубины сердца моего, что чувствую всю прелесть письменъ. Я вижу въ нихъ приготовленіе къ мудрости. Онѣ доставляютъ въ самомъ уединеніи бесѣду, въ забавѣ наставленіе. Но ты скажешь мнѣ, за чѣмъ не выразить этого на языкѣ боговъ; *Науки юношей питаютъ, и проч.*

17 Іюня, Берково.

Цѣлую недѣлю стояли здѣсь чрезвычайные жары. Ни облачка на небѣ! Вся природа, кажется, изнемогла отъ зноя. Мы не были въ состояніи ни работать, ни думать. Добрые земледѣльцы начинали было уже безпокоиться о жатвѣ. Но чистыя молитвы ихъ возносятся легко на небеса. Третьяго дня, какое зрѣлище! Тучи грозныя, мрачныя, чреватыя дождемъ и громомъ, похитили у насъ свѣтъ солнца среди полудни. Угрюмое молчаніе распро-

странилося повсюду. Люди, животныя сокрылися. Вездѣ пространное уединеніе. Боязливое ожиданіе содержало всѣхъ въ сомнѣніи. Предшественникъ бури, вихрь пробѣжалъ по мрачному небу. Вдругъ грянулъ и раздался первой ударъ грома и блеснула молнія. Я старался овладѣть естественнымъ страхомъ, чтобъ удивляться величеству природы и послѣдовать за постепенными перемѣнами картины. Я не знаю, какимъ образомъ чувствованіе опасности граничитъ въ душѣ человѣка съ *величественными понятіями* Тотчасъ картины *Гомеровы* невольнымъ образомъ наполнили воображеніе мое. Я повторялъ громко сіи стихи, въ которыхъ онъ описываетъ боговъ, исходящихъ на сраженіе.

Ужасно возгремѣлъ отецъ боговъ и смертныхъ
Съ превысреннихъ; Нептунъ неизмѣриму землю
И горъ высокіе верьхи восколебалъ;
Во основаніяхъ вострепетала Ида
И съ нею градъ Троянъ и Гречески суда!
И Царь тѣней, Плутонъ ужасся въ преисподней
И съ трона воспрянулъ и возопилъ, страшася,
Чтобы Нептунъ земли заклеловъ не расторгъ
И взору не открылъ и смертныхъ и безсмертныхъ
Его владычества печальна, безотрадна
И ненавистнаго богамъ и человѣкамъ!

Между тѣмъ сильной дождь пролился и покрылъ жаждущую землю. Казалося, хляби небесныя отворилися — громы раздавалися медлѣнно — молнія каждое мгновеніе разсѣкала тучи и ослѣпляла зрѣніе сверканіемъ. Тьма, глубокая тьма, легла на землю, такая же, думаю, какая покрыла внезапу воинства Греческое и Троянское, когда раздраженный *Аіаксъ* произнесъ сіе дерзновенное моленіе къ *Зевесу*:

Избавь, отецъ боговъ, избавь ты насъ отъ мглы!
Растворги мракъ очей! пошли дневный намъ свѣтъ!
И, если губишь насъ, при свѣтѣ дай погибнуть!

Къ вечеру величественное зрѣлище уступило мѣсто пріятному. Истощенныя облака исчезли. Возвратилося безмрачное небо и зной, дождемъ услажденный. Всѣ растѣнія съ большею живостію зеленѣли. Роскошное благоуханіе исполнило воздухъ. Толпами взвивалися птицы. Яркими цвѣтами отразилась радуга на висящихъ въ воздухѣ капелькахъ. Мнѣ показалося, что по словамъ Гомера:

Посланница боговъ, имущая скорость вѣтра,

Ирида снисходитъ по ней, посланная съ *Олимпа* къ какому нибудь любви достойному смертному, можетъ

быть къ тебѣ, чтобъ возбудить отъ лѣности и припомнить, что у тебя есть пріятель въ деревнѣ, который нетерпѣливо ожидаетъ писемъ твоихъ.

26 Іюня, Берново.

Я воображаю себѣ напередъ удивленіе твое. Ты всегда зналъ меня любителемъ *письменъ*. Но ожидалъ ли ты когда нибудь увидѣть меня живописцомъ? . . . *Живописцомъ?* — Да, живописцомъ. Я занимаюся теперь не менѣе, какъ срисовываніемъ головы съ *Рафаела*. Съ политрою на рукѣ, я одушевляю полотно кистію. Ты въ изумленіи: я не хочу имъ пользоваться! Вотъ въ чемъ дѣло. У насъ гоститъ молодый человѣкъ, питомецъ Академіи Художествъ, возвращающійся изъ путешествія своего въ *Италію*. Исполненный ревности къ своему искусству и пораженный еще свѣжимъ воспоминаніемъ безсмертныхъ картинъ *Рафаела*, *Корреджія*, *Тиціана*, исчисляетъ онъ съ жаромъ красоты ихъ, и мы раздѣляемъ восторгъ его. Не можно быть чувствительну къ пріятностямъ *краснорѣчія* и *стихотворства* и не от-

давать достойнаго почтенія *изящнымъ искусствамъ*. Онѣ соединены сродственнымъ союзомъ между собою. *Подражаніе природѣ* служитъ всѣмъ имъ основаніемъ, и одни только способы ихъ различны. Живопись подражаетъ ей чертами, музыка звуками, стихотворство словомъ. Всѣ онѣ обращаются къ чувствованію и воображенію, всѣ доставляютъ увеселеніе чистое и возвышенное, достойное человѣка. *Перголезова* музыка также внушаетъ торжественное благоговѣніе въ важныхъ его сочиненіяхъ, какъ заставляетъ смѣяться въ *Служанкѣ Госпожѣ*. Менѣе ли сильно волшебство живописи? Помнишь, съ какимъ удовольствіемъ насыщались мы зрѣніемъ картинъ *Лосенкова*. Въ его *прощаніяхъ Гектора* и *Андромахи* узнавали мы *Гомера*. Чело Героя откровенное, руки, простертыя для пріятія младенца, мужество родителя, пріятнымъ образомъ противуположенное нѣжности и страхамъ матери. Видя однѣ черты только, мы угадывали чувствованія ихъ и слышали, кажется, разговоры. Тоже дѣлаетъ стихотворство. Послушай повѣствованіе *Гомерово*, и воображеніе твое представитъ себѣ живо лице, взоры, станъ, тѣлодвиженія дѣйствователей.

14 Іюля, Берново.

Какія хитрости! Описывая пышныя увеселенія столицы вашей и конечно увеличивая ихъ, ты хочешь повредить сравненіемъ моему милому *Бернову*. Пользуяся слабостію моею, (зачѣмъ скрывать ее?) ты сообщаешь мнѣ подробную дневную записку вашихъ театральныхъ зрѣлищъ. Я примѣтилъ, съ какимъ удовольствіемъ останавливался ты надъ безсмертными драмами *Корнеля, Расина, Вольтера*. Вамъ нарочно выбирали лучшія творенія ихъ, между тѣмъ какъ я, неизвѣстный сельскій житель, разсказывалъ ручейкамъ и рощамъ забытыя басни *Гомеровы*. Актеры ваши, нарочно для васъ, превосходили сами себя. Въ актрисѣ Мартень вы видѣли все величество трепещущей матери и оставленной Царицы, когда *Мерона* восклицаетъ

Нарбасъ нейдетъ: узрюль я сына своего?

Или всю гордость *Клитемнестры*, когда возглашаетъ она стихи сіи, исполненные яростнаго изступленія:

Священникъ, окруженъ свирѣпою толпою,
Взнесетъ на дщерь мою свою злодѣйску руку!

Въ *Циннѣ* казалося вамъ, что величественная тѣнь *Корнеля* узнавала Римлянъ своихъ и плескала *Августу*. Ни слова о *Танкредѣ*. Много стоитъ мнѣ не быть увлечену восхищеніемъ вашимъ и не измѣнить моему твердому намѣренію вкушать въ уединеніи и въ объятіяхъ природы ея красоты, величественныя и простыя. Удаленный отъ суетнаго движенія общества, безъ честолюбія, безъ прихотей, здѣсь принадлежу я болѣе самъ себѣ; здѣсь нахожу я чувствительныя сердца, съ которыми могу раздѣлить спокойныя радости существованія — и не забываю тебя, любезный другъ мой. Свидѣтельства тому, сіи письма, которыя не сказываютъ тебѣ ничего новаго. Ты такъ давно знаешь, что я люблю благородное сердце твое и столько дарованій, которыя дѣлаютъ тебя любезнѣе, и не дѣлаютъ гордѣе! Ты простишь мнѣ привязанность мою къ сельской жизни, хотя для сихъ стиховъ *Гораціевыхъ*:

Всѣ кулно суеты играютъ мной во градѣ.
Въ неволѣ общества и въ скукѣ и въ досадѣ
Проходитъ день, и я, вздыхая, говорю:
Жилища сельскія! когда я васъ узрю?
Когда позволено мнѣ будетъ небесами
Иль чтеніемъ, иль сномъ и праздными часами

Заботы житїя въ забвенье погрузить
И нивы своея произведеньемъ жить?
О пиршества боговъ! я вами не прельщаюсь,
Коль въ хижинѣ моей съ друзьями насыщаюсь,
Вспомоществуемый усердьемъ слугъ моихъ.
(И добрый господинъ не забываетъ ихъ).
Не знаетъ никакихъ чиновъ бесѣда наша
И ходитъ вкругъ стола общественная чаша,
Безъ принужденїя и частыхъ перекоръ.
Прїятный между тѣмъ заходитъ разговоръ,
Не о домахъ чужихъ и дачахъ подгородныхъ,
Но о предлежностяхъ гораздо превосходныхъ,
Которыхъ здравый толкъ со щастьемъ сопряженъ:
Извнѣ ли человѣкъ или собой блаженъ?
Что къ дружеству влечетъ, корысть иль совершенство,
И что такое здѣсь верьховное блаженство?

20 Іюля, деревня Малинники.

Ты видишь изъ надписанія, любезный другъ мой, нѣкоторое извиненіе моего молчанія. Мы ѣздили, дѣлали маленькой кружокъ по уѣзду. Посѣщали старыя знакомства и пріобрѣтали новыя. Ты не можешь представить себѣ, что за удовольствіе путешествовать въ

деревнѣ. Вездѣ картина благополучія. На поляхъ трудолюбіе, веселость земледѣльцовъ; въ усадьбахъ помѣщиковъ приличное изобиліе, добросердечіе, домостроительство. Здѣсь наши достойные дворяне, посвятившіе молодость службѣ Отечества и проливавшіе кровь свою подъ *Франкфуртомъ* или при *Кагулѣ,* находятъ старости своей заслуженное отдохновеніе.

Поводомъ путешествія было то, что Графъ *Благотворовъ,* будучи предводителемъ дворянства, созывалъ его въ собраніе, чтобъ предложить нѣкоторыя новыя учрежденія и совѣтоваться о нуждахъ общественныхъ.

Здѣсь прямо чувствуется достоинство гражданина. Нѣтъ упражненія важнѣе и приличнѣе человѣку, какъ служить своему обществу, защищать безсильнаго и участвовать въ благополучіи цѣлой страны.

Теперь мы приближаемся опять къ *Никольскому,* отъ котораго *Малинники* не далѣе десяти верстъ разстоянія. *Малинники* отъ того, что здѣсь много малины и отмѣнно вкусной. Остатки маленькаго сада, развалины дворянскаго дома свидѣтельствуютъ прежнее пребываніе господъ *Былинскихъ,* которымъ принадлежала сія деревня. Послѣдній рода ихъ былъ даль-

ній свойственникъ Графа. Оставшись молодъ владѣтелемъ великаго имѣнія, безъ воспитанія, окруженъ рабами и ласкателями, онъ искалъ только собственныхъ своихъ удовольствій и находилъ одну скуку и раскаяніе, за тѣмъ что никому не былъ полезенъ, не имѣлъ ни знаній, ни благородныхъ чувствованій. Безъ дѣла, безъ должности, безъ друзей, онъ былъ самъ себѣ въ тягость и умеръ никѣмъ не сожалѣемъ.

Крестьяне были раззорены поборами и худымъ управленіемъ. Во владѣніе Графа ожили они снова. Помощь всякаго рода, расправа, наставленіе, присмотръ сдѣлали ихъ въ короткое время изъ убогихъ и страждущихъ щастливѣйшими земледѣльцами.

Кажется, что скоро сбудется съ ними то, чего желалъ *Генрихъ IV*, сей добрый Король, *чтобъ каждой крестьянинъ могъ имѣть по воскресеньямъ курицу въ похлебкѣ.*

Какъ они это чувствуютъ! Надобно было видѣть пріѣздъ нашъ въ *Малинники*. Всѣ бросаются къ каретѣ — женщины, старики, дѣти окружаютъ Графа, обнимаютъ, проливаютъ слезы радости и благодарности.

Благотворительность не оставляетъ Графа ни на минуту. Вчера Г.

Закрышкинъ, бѣдный дворянинъ приходитъ къ нему. Онъ долженъ Графу за пустошь и луга, которые нанимаетъ. Проситъ извиненія, что не можетъ заплатить всѣхъ денегъ вдругъ и представляетъ нѣсколько, но Графъ перебиваетъ его: „*я знаю, что вы честный человѣкъ и не богаты*, вручаетъ ему крѣпость на землю и убѣждаетъ принять пенсію двухъ сотъ рублей на воспитаніе дѣтей.

Между тѣмъ *Васинька* примѣчаетъ все сіе въ молчаніи и въ маленькомъ сердцѣ своемъ пріемлетъ великодушное намѣреніе быть столько же благотворительнымъ. Мы съ нимъ не вовсе праздны. Садъ оставленъ совершенно въ расположеніе наше и мы его возобновляемъ: роемъ, садимъ, пересаживаемъ. Г. *Засодимской*, письмоводитель Графа по дѣламъ Дворянской Опеки, который учился въ Университетѣ земледѣлію и Ботаникѣ, указываетъ намъ, какимъ образомъ разводить произрастѣнія, удобривать землю и обращаться съ цвѣтами.

Я есмь и *проч.*

31 Іюля, Никольское.

Позволь мнѣ попенять себѣ. Одно письмо въ три недѣли! Сколько могло случиться съ тобою, бездѣлицъ конечно для другихъ, но для меня неоцѣненныхъ подробностей и которыхъ я не знаю! Для истиннаго друга нѣтъ ничего равнодушнаго. Я радовался, узнавъ, что тебѣ дали чинъ; вотъ справедливость, отданная достоинствамъ и дарованіямъ! Но я хочу еще принять участіе и въ маленькихъ досадахъ твоихъ, неудовольствіяхъ, печаляхъ . . . . по чему я знаю? Ты человѣкъ: и все, что съ человѣкомъ случиться можетъ, и тебѣ свойственно.

Мы нашли у себя въ *Никольскомъ* дорогаго гостя, *Осанова*, но страждущаго и въ опасности жизни. Неумѣренность въ пищѣ навлекла ему тяжкую болѣзнь. Безъ *Думова* можетъ быть не былъ бы онъ въ живыхъ. Нѣжныя попеченія друга его, болѣе еще нежели лѣкарства, возвратили ему жизнь.

Судя о чувствованіяхъ Графа по своимъ собственнымъ, *Думовъ* перенесъ его изъ ставки въ одинъ изъ домиковъ, которые въ саду построены.

Ему становилось легче, какъ мы пріѣхали. Вошли въ горницу его и были

свидѣтелями почти самой той минуты, какъ онъ пришелъ въ себя и почувствовалъ отраду выздоровленія. Съ какимъ умиленіемъ глазами, наполненными слезъ, взглянулъ онъ на своего неутомимаго попечителя! *Ты мнѣ жизнь даровалъ, я терялъ ее безъ тебя,* произнесъ онъ томнымъ голосомъ и хотѣлъ продолжать; но *Думовъ*, налагая молчаніе, изъ нѣжнаго опасенія къ слабости больнаго и можетъ быть не менѣе ради собственной своей кротости: *выздоравливай только, сердечный другъ мой,* говоритъ ему, исполненный чувствительности, *вотъ все мое награжденіе!* И защищаяся отъ справедливыхъ похвалъ нашихъ: *Вы всѣ чувствовали дружбу,* продолжалъ онъ, (при этомъ словѣ я вспомнилъ тебя) *и вы не удивитесь тому, что она внушить въ состояніи. Почтеніе, которое имѣешь къ человѣку доброму и благородному, усиленное нѣжностію, пріятною привычкою, сообщеніемъ удовольствій, печалей, составляетъ неразрывный союзъ. Но ежели вы узнаете, сколько, кромѣ сего чувствованія, обязанъ я благодарностію сему достойному другу; вы еще уменьшите удивленіе ваше.* Осановъ хотѣлъ воспротивиться повѣствованію. *Нѣтъ,* продолжалъ *Думовъ, при-*

знаніе благодѣянія возвышаетъ меня въ глазахъ особъ сихъ. Мы были съ нимъ третьяго года на Кавказѣ. Онъ былъ мой Подполковникъ. Ѣдучи передъ полкомъ, отдалился я непримѣтно — въ ущелинѣ. Свирѣпые наѣздники окружили меня. Лошадь подо мною убита. Я былъ обезоруженъ и въ рукахъ ихъ. Осановъ могъ спастися; но подвергая великодушно жизнь свою для избавленія моей, съ безпримѣрною храбростію и присутствіемъ духа нападаетъ на нихъ, сражается, между тѣмъ какъ колонна, удвоивъ шагъ, подходитъ и мы одерживаемъ совершенную побѣду надъ толпою непріятелей.

Что ты послѣ этого скажешь? Есть ли что нибудь сладостнѣе и священнѣе дружбы?

1 Августа, Берново.

Прекрасное лѣто наше становится прохладнѣе и синева небесная чаще покрывается летающими облаками. Но вмѣсто того зрѣлище полей разверзаетъ сердце къ восхитительнѣйшимъ чувствованіямъ. Сколь далеко простри-

рается зрѣніе — повсюду холмы, долины покрываются желтою жатвою, которая иногда спокойна, недвижима; иногда, повинуяся дыханію вѣтра, волнуется, какъ пространное золотое море. Здѣсь - то источникъ богатства, которое обращается по жиламъ государства; отсюда получили рожденіе общество, законы, искусства. Здѣсь человѣкъ отказался отъ печальной вольности дикаго состоянія и изъ варвара сдѣлался земледѣльцемъ.

Здѣсь каждой годъ ему послушная земля
Даруетъ пищи дань; а тамъ телицъ мычанье
И агнцы скачущи и хладныхъ струй журчанье.
Но что я дѣлаю, свой гласъ перемѣнивъ?
Виргилію гласитъ безсмертну славу нивъ:
Ему — онъ ясно зрѣлъ всѣ прелести природы,
Обезоруживать и къ селамъ влечь народы, —
Ему — душа его, прекрасная, какъ слогъ,
Не возмущалася отъ суетныхъ тревогъ
И нѣжныя свои вздыханья посвящала
Дидониной любви и смерти Евріала.

Въ самомъ дѣлѣ не можно вообразить себѣ безъ особливаго почтенія творца столь величественнаго, каковъ *Виргилій*, нисходящаго къ простымъ подробностямъ сельской жизни. Никогда земледѣліе не было возвеличено до-

стойнѣйшимъ образомъ. Знатоки, восхищаяся красотами *Енеиды*, предпочитаютъ ей *Георгики*, въ разсужденіи чистоты и выбора выраженій. — *Виргилій*, глава стихотворцевъ *Римскихъ*, соединилъ въ себѣ *Гомера*, *Гезіода* и *Ѳеокрита*, подражая попеременно безсмертнымъ ихъ твореніямъ.

Я завидую тебѣ, любезный другъ мой. Ты видѣлъ священную гробницу *Виргилія*, осѣненную вѣтьвями лавра, который изъ ней произрастаетъ. Ты наслаждался симъ чистымъ небомъ *Неаполя*, сими зрѣлищами природы, роскошной и ужасной, прелестной въ самихъ ужасахъ. Ты посѣщалъ сіи мирныя долины, внушающія пріятную задумчивость, которыя служили образцомъ *Елисейскихъ* полей, и ты видѣлъ курящіеся острова сіи, гдѣ было нѣкогда шумное царство *Эола*.

Но меня утѣшаютъ творенія *Виргиліевы*. Блистательная кисть его повторила сію природу, и сдѣлала прекраснѣе. Философія вѣка его умягчила черты *Гомеровы* и трогательное человѣколюбіе, нѣжныя пристрастія, просвѣщенное великодушіе замѣняютъ въ *Енеидѣ* свирѣпую храбрость *Иліады*. Повѣствованіе его безпрестанно напоено чувствительностію, и *Расинъ* часто переноситъ въ трагедію соб-

ственныя его выраженія. Кто умѣлъ избирать реченія благороднѣе, живописнѣе? Кто умѣлъ составлять ихъ сладостнѣе для слуха и воображенія? Не взирая на то, неудовольствованный собою творецъ осудилъ на сожженіе безсмертную поэму свою: завѣщаніе, къ щастію неисполненное *Августомъ*.

Сей Императоръ, достойный такого стихотворца своею просвѣщенною любовію письменъ, слушалъ чтеніе *Енеиды*, по мѣрѣ, какъ она была сочиняема. Какое изумленіе поразило *Іюнію*, сестру его, когда въ концѣ шестой книги услышала она любимое имя сына своего *Маркелла*, въ первой юности похищеннаго смертію! *Анхисъ* восклицаетъ къ *Енею*, снисшедшему въ *Елисейскія* поля:

Не спрашивай, мой сынъ, о горестной сей тратѣ.
Покажетъ только рокъ и вмигъ его похититъ.
Чрезъ мѣру Римскій родъ вамъ силенъ показался.
О боги! еслибы сей даръ остался намъ!
Какія въ слѣдъ за нимъ стенанья устремятся!
И ты, о Тиберинъ, какой увидишь плачъ,
Какъ мимо новыя гробницы покатишься!
Никтобъ изъ юношей отъ рода Иліонска
Такъ Рима не вознесъ и Ромуловъ бы градъ
Питомцомъ таковымъ совѣкъ не похвалился.
О благочестіе, о вѣрность древнихъ лѣтъ!

Неповѣдимая десница на войнѣ!
Никто бы съ нимъ не могъ безбѣдно въ бой вступить,
Хотя бы на враговъ онъ пѣшій подвизался,
Хотя бы на конѣ онъ бурномъ прелеталъ.
Ахъ! отрокъ жалостный! коль прейдешь жребій свой,
Маркеллъ ты будешь. Ахъ! гдѣ свѣжія лилеи? . . .
Багряные цвѣты ему разсыплю въ честь:
Я душу отрока симъ даромъ успокою
И тщетный долгъ свершу.

9 Августа, Берново.

Переводить *Виргилія!* . . . Я никогда столько не чувствовалъ, что переносить красоты его неискусною рукою есть истинное оскорбленіе вкуса. Списокъ стихотворца долженъ отражать въ себѣ сію живость красокъ, которою образецъ исполненъ. Что пользы въ робкомъ сохраненіи идей, ежели онѣ не производятъ того же чувствованія, ежели онѣ также не обладаютъ душею, не приводятъ въ дѣйство сего насильственнаго волшебства, которое по изволенію восхищаетъ насъ радостію или поражаетъ ужасомъ и изумленіемъ? Надлежало бы, чтобъ переводчикъ стихотворца былъ въ состояніи самъ произвести красоты, которыя онъ пе-

релагаетъ. *Расину* должно было переводить *Виргилія*. Сродственныя души ихъ сотворены были, чтобы разумѣть другъ друга. Тѣже тихія склонности, чистота вкуса, безпрерывная изящность слога, тоже искусство въ употребленіи чувствованія. Четвертая книга *Енеиды* имѣетъ всѣ достоинства прекраснѣйшей трагедіи; и *Дидона* не уступаетъ *Федрѣ*, къ составленію которой она способствовала. Отъ *Виргилія* зависѣло быть *Гомеромъ* или *Софокломъ* Рима. Онъ предпочелъ первое; хотя извѣщаетъ насъ преданіе, что онъ писалъ и трагедію, погибшую въ сіи столѣтія варварства, которыя дѣлаютъ черту раздѣленія между древними и новыми. Съ собою унесъ онъ судьбу трагедіи Римской. Никто изъ Римлянъ послѣ него не былъ въ состояніи итти по стопамъ *Софокла* и *Еврипида*.

Такимъ образомъ *Аѳины* осталися въ неоспоримомъ владѣніи трагедіи. Съ невѣроятною скоростію сельское празднество *Ѳеспсово*, въ которомъ грубые дѣйствователи, по собраніи винограда, воспѣвали хоромъ похвалы *Вакха*, достигло до стройнаго расположенія *драмы*. Огромныя позорища *Эсхиловы*, исполненныя воинственнаго духа, приведены въ настоящую мѣру

величества чистымъ вкусомъ *Софокла*. *Жалость* и *ужасъ* одушевляютъ картины его повсюду. Что можетъ быть простѣе басни *Филоктетовой*? Какими сильными чертами изображено ужасное отдаленіе его отъ человѣческаго рода! Хоръ мореплавателей, приплывшихъ съ *Неоптолемомъ* и *Улиссомъ*, умиляется при зрѣніи пещеры его....

Въ трагедіяхъ *Еврипидовыхъ* менѣе благородства и правильности расположенія; но онъ торжествуетъ въ изображеніи страстей. Плѣнные *Аѳиняне* были спрашиваемы въ *Сициліи: не знаютъ ли они чего нибудь изъ трагедій Еврипидовыхъ*? и тѣ изъ нихъ освобождаемы были немедленно, которые могли удовольствовать любопытство побѣдителей своихъ.

---

13 Августа, Никольское.

Какъ я сѣтую на себя за несправедливыя жалобы, которыми огорчилъ тебя! Полученіе писемъ твоихъ, замедлившихся въ дорогѣ, сколько съ одной стороны обрадовало, столько съ другой обременило меня стыдомъ и раскаяніемъ. Дружба, которая ввела

меня въ вину сію, она должна мнѣ исходатайствовать и прощеніе.

Ты обязалъ меня чрезвычайно, любезный другъ мой, и содержаніемъ писемъ своихъ и врученіемъ ихъ Г. *Полосовскому*. Твой достойный другъ съ того же самаго времени и мой. Онъ всякой день у насъ. Графъ и Графиня находятъ въ семъ молодомъ Офицерѣ всѣ достоинства, которыя желаютъ видѣть нѣкогда въ *Васинькѣ*: превосходное сердце, разумъ, украшенный познаніями, достоинства, заемлющія еще болѣе блеска отъ любвидостойнаго и непринужденнаго обращенія въ обществѣ. Путешествіе въ чужіе краи одно могло прибавить совершенства воспитанію его. Онъ въ полку у Г. *Славина*: и съ первой минуты почувствовали они другъ къ другу сіе взаимное почтеніе, которое соединяетъ благорожденныя души.

Славинъ можетъ служить образцомъ въ обхожденіи. Всѣ его поступки ознаменованы *благоразуміемъ*. Никогда нескромность, оскорбительное слово или взоръ не сдѣлали обращенія его непріятнымъ. Но отдавая принадлежащее уваженіе каждому, онъ не теряетъ подлыми угожденіями того почтенія, которымъ ему другіе обязаны. Правость разума его и сердца столь

обще признаны, что всѣ охотно подвергаются суду его. Всѣ бы желали имѣть его другомъ; но онъ разборчивъ въ дружбѣ, и кого *Славинъ* почитаетъ, тотъ не можетъ быть посредственнаго достоинства.

Одно изъ самыхъ удивительныхъ его качествъ *хладнокровіе*. Среди сраженія, сказываютъ, такъ какъ въ обществѣ, онъ всегда равенъ, всегда властелинъ разума и чувствъ своихъ, всегда готовъ встрѣтить опасность и преодолѣть ее!

Такія дарованія природныя украсилъ онъ воспитаніемъ и ученіемъ. Онъ знакомъ со всѣми писателями древности. Я видѣлъ въ палаткѣ его *Плутарха, Полибія, Ксенофона*. Подумай же, какъ ему пріятно будетъ найти въ Г. *Полосовскомъ* товарища и службы и сихъ удовольствій, происходящихъ отъ ученія и прекрасныхъ письменъ.

Мнѣ особливо нравится въ *Полосовскомъ* прилѣжность его къ ученію и желаніе знаній. Какимъ образомъ, думаешь ты, проводитъ онъ праздное время въ лагерѣ? Вчера еще засталъ я его въ ставкѣ переписывающаго уроки *Нравственной Философіи* славнаго *Фергюссона*, его учителя. При этомъ случаѣ разсказывалъ онъ мнѣ, какимъ образомъ, привлеченный славою сего

ученаго, ѣздилъ онъ нарочно въ *Эдимбургъ*, чтобъ воспользоваться разговоромъ и наставленіемъ свѣдущаго и добродѣтельнаго человѣка. Съ какимъ почтеніемъ, съ какою благодарностію говоритъ онъ о своемъ учителѣ.

Мы было очень пріятно разговорилися и вечеръ былъ прекрасный, какъ вдругъ, совсѣмъ не кстати, пушка выпалила зорю и фельдфебель явился къ г. Капитану съ рапортомъ: *Ваше благородіе, рота выведена на ротную улицу.*

18 Августа, Берново.

Примѣчаніе твое весьма основательно, любезный другъ мой, когда ты спрашиваешь меня въ письмѣ своемъ, отъ чего происходитъ сіе страстное удивленіе, которое посвящаемъ мы древнимъ. Сіи рожденныя для славы имена *Пиндара* и *Ѳеокрита*, *Виргилія* и *Горація*, однимъ произнесеніемъ своимъ возбуждаютъ понятія величества и красоты. Не станемъ сомнѣваться: конечно ущедренные отъ неба отмѣннымъ образованіемъ умственныхъ силъ и поставленные въ выгоднѣйшихъ об-

стоятельствахъ народнаго сіянія, они установили въ писаніяхъ своихъ образецъ *вкуса*. Когда *Геродотъ* читалъ исторію свою на *Олимпійскихъ* играхъ, тогда все несчетное множество *Греческихъ* нар ;овъ въ глубокомъ молчаніи упоевалося слушаніемъ и громъ плесканій увѣнчалъ оное. Каждая изъ девяти книгъ его удостоена именованія *Музы;* а юный *Ѳукидидъ*, въ числѣ слушателей, проливалъ слезы соревнованія и полагалъ въ душѣ своей обѣщаніе раздѣлить нѣкогда съ *Геродотомъ* пальму Исторіи. По славномъ сопротивленіи *Персамъ*, *Аѳины* соединили въ нѣдрахъ своихъ всѣ роды славы, великолѣпіе художествъ, прелесть словесныхъ наукъ и возвышенные уроки Философіи. *Эсхилъ* и *Софоклъ* мужественно сражались за отечество. *Еврипидъ* восходилъ на зрѣлище изъ училища *Сократова*. Ваятели и живописцы пользовались столькоже совѣтами, какъ и покровительствомъ *Перикла*.

Сія слава *Греціи* медленно пріуготовляла просвѣщеніе *Рима*. Когда завоеванія его сравнялися съ предѣлами знаемаго міра, тогда общая вѣжливость нравовъ распространилася отъ *столповъ Геркулесовыхъ* до потоковъ *Евфрата*. Суровость *Римлянина* ис-

чезала при гармоніи стиховъ *Виргилія*, *Тибулла*, *Горація* и *Овидія*.

Разлитіе Сѣверныхъ народовъ опровергло сіе величественное зданіе Римской Имперіи и исторгло сѣмена вкуса и письменъ. Цѣлыя столѣтія раззорительное варварство ожесточало человѣческій родъ. Наконецъ сообщеніе съ *Маврами* и *крестовые походы* воспламенили воображеніе *Трубадуровъ*. Щастливый разумъ *Петрарка*, воскресивъ духъ древнихъ письменъ, даровалъ стихотворство *Италіи*, въ которой изъ остатковъ *Латинскаго* языка составлялся новый, полный гибкости и гармоніи. Торжественныя пѣсни *Дантовы* уступили мѣсто игривымъ вымысламъ *Аріоста*.

Съ большимъ величествомъ послѣдователь его, сіяющій и нещастный *Тассъ*, умѣлъ поставить себя подлѣ *Гомера* и *Виргилія* своею эпическою поэмою, *Освобожденный Іерусалимъ*. Онъ перенялъ у *Гомера* искусство ознаменовать отличными чертами толпу *Героевъ* и вести къ одному концу множество привлекательныхъ приключеній. Твердое благоразуміе *Годофреда*, вождя христіанскаго воинства, противуположено коварности *Аладина*, Султана Іерусалимскаго. Въ *Ринальдѣ* соединены всѣ прелести юности и всѣ

восторги запальчивой храбрости. *Тассъ* воспользовался сіяніемъ, которое предлагали ему *рыцарскіе* нравы и древнія преданія, и вмѣсто *Гомерова* баснословія употребилъ вѣрованіе того времени въ *волшебство*. Можетъ быть излишними чудесами наполнилъ поэму свою. Съ самаго начала говоритъ онъ *Музѣ*, которую призываетъ:

Ты знаешь: свѣтъ таковъ, въ немъ болѣ привлекаетъ
Согласіемъ своимъ прельщающій Парнассъ
И въ самыя сердца слабѣйшія вникаетъ
Со сладостью стиховъ священный правды гласъ.
Такъ отроку даемъ, недугомъ сокрушенну,
Мы чашу съ врачествомъ, но медомъ орошенну.
Полынно питіе обманутъ отрокъ пьетъ
И возвращая жизнь обманомъ, возстаетъ.

19 Августа, Никольское.

На сихъ дняхъ происходило у насъ явленіе, самое трогательное для тѣхъ, которые умѣютъ почитать добродѣтель: исполненіе правосудія, противу самого себя оказанное.

Наши прекрасные *Малинники* не принадлежатъ болѣе Графу. Онъ самъ

произнесъ рѣшеніе, которымъ отданы они во владѣніе остававшемуся въ неизвѣстности и убожествѣ *Былинскому*. Пренебреженъ гордымъ своимъ родственникомъ и отягощенъ многочисленнымъ семействомъ, бѣдный дворянинъ сей снискивалъ пропитаніе въ потѣ лица своего. Нечаянно услышалъ Графъ имя его. Сего довольно было, чтобъ немедлѣнно отыскать его, развѣдать происхожденіе, разсмотрѣть право его къ наслѣдству.

Всѣ наши законовѣдники утверждали, что, имѣя деревню по завѣщанію, Графъ не обязанъ отдать ее въ поколѣніе. Но *Благотворовъ* сказалъ имъ, что никакой положительный законъ не можетъ освободить его отъ приказаній совѣсти его; что не довольно быть праву въ глазахъ общества и закрывать себя подъ внѣшностію судебнаго порядка; надобно еще быть справедливу въ собственныхъ глазахъ своихъ: *и меня*, продолжаетъ онъ, *ничто не можетъ спасти отъ строгости судіи, котораго я имѣю въ самомъ себѣ. Не узнаютъ другіе, но я знать буду. Я потеряю почтеніе къ самому себѣ, я буду нещастливъ. И есть Существо всевѣдущее, всеблагое, Которое испытуетъ сокровенныя наши мысли и Которому*

ничто столько не угодно, какъ сердце правое и непорочное.

Что ты чувствуешь, любезный другъ мой? Не восхищаешься ли симъ достойнымъ почтенія характеромъ, который соединяетъ въ толь высокой степени *благотворительность* и *правосудіе*, сіи два источника человѣческихъ добродѣтелей? Позабыть самаго себя, пожертвовать своими собственными выгодами для исполненія справедливости, для удовольствованія *нравственнаго чувства*, чрезъ которое различаемъ *добро* и *зло* въ нашихъ дѣйствіяхъ, естественно, безъ размышленія: есть ли что нибудь сего величественнѣе?

Какъ описать тебѣ удивленіе, благодарность бѣднаго *Былинскаго*? Быть взяту отъ плуга къ наслажденію большаго имѣнія, безъ надежды, безъ исканія! И кѣмъ? Тѣмъ самымъ, котораго польза требовала не возвращать его никогда! . . Но *Благотворовъ* неспособенъ помѣстить въ сердцѣ своемъ подлаго корыстолюбія.

Въ препровожденіи Уѣзднаго Судьи *Правдина*, Капитана-Исправника *Ульева* и еще нѣсколькихъ дворянъ привозитъ онъ *Былинскаго* въ *Малинники*, поручаетъ ихъ во владѣніе ему и обращаяся къ міру крестьянъ, погружен-

ныхъ въ глубокую печаль, „*Друзья мои*, говоритъ имъ, „*слезы ваши* „*трогаютъ и награждаютъ меня вмѣ-* „*стѣ. Но я не былъ бы достоинъ* „*любви вашей, если бы минуту хо-* „*тѣлъ воспользоваться несправедли-* „*востію. Я поручаю васъ господину* „*не менѣе доброму; я за него руча-* „*юся. Онъ воспитанъ въ нещастіи:* „*онъ знаетъ, чѣмъ обязаны щастли-* „*вые къ безсильнымъ и бѣднымъ,* „*что долгъ помѣщика состоитъ въ* „*томъ, чтобъ быть благодѣтелемъ* „*земледѣльцовъ. Исполняйте вы свой* „*долгъ повиновенія и трудолюбія.*"

При семъ вручаетъ *Былинскому* 30000 рублей доходовъ, которые собралъ онъ съ *Малинниковъ* во время своего владѣнія; и какъ будто бы добродѣтели были *заразительны*, въ тоже мгновеніе *Былинской* проситъ г. *Правдина* внести ихъ отъ имени Графскаго въ *Приказъ Общественнаго Призрѣнія*.

Мнѣ становится *Никольское* часъ отъ часу дороже, не столько своими рощами и садами, какъ тѣмъ, что оно служитъ обителью добродѣтели. Одно твое присутствіе могло бы еще прибавить красоты сему мѣсту. По крайней мѣрѣ это чувствованіе

твоего усерднаго друга.

27 Августа, Берново.

Между тѣмъ, какъ всѣ здѣсь занимаются жатвою, что, ты думаешь, я дѣлаю? У меня есть замѣченное мѣстечко, самое романическое. Нѣсколько старыхъ деревьевъ разбросано по полю живописнымъ образомъ. Мшистые корни ихъ служатъ мнѣ упокоеніемъ и *Тассъ* или *Мильтонъ*, или оба вмѣстѣ, обществомъ. Неограниченный видъ полей, стада, жилища поселянъ и необъятное небо, сія свѣжесть и близость природы прибавляютъ нѣчто къ величественнымъ или пріятнымъ картинамъ, которыми занимаютъ меня поочередно сіи великіе стихотворцы.

Возрожденіе письменъ въ Италіи, сіяющій вѣкъ *Медицисовъ*, когда *Петрарки* учились по Гречески и *Рафаели* вызывали искусство древнихъ изъ подъ развалинъ земли, сія щастливая перемѣна распространилася и за предѣлы *Италіи*. *Лопесъ де Вега* занималъ вниманіе *Испанцовъ* запутанными приключеніями своихъ комедій, и остроумный *Сервантъ* заслужилъ себѣ безсмертіе разрушеніемъ странствующаго рыцарства и сумазбродствами *Донъ Кишота*. Подвиги *Португальцовъ* воспѣты подъ другимъ небомъ

соотечественникомъ ихъ *Камоенсомъ*. Въ *Англіи* готическій языкъ *Спенсеровъ* обогащался пламенною фантазіею *Шекспира* и вдохновеніемъ *Мильтона*.

Вкусъ письменъ, установляяся въ *Англіи*, заимствовалъ свойство земли. Смѣлъ, независимъ, болѣе разителенъ, нежели нѣженъ, онъ возносится на высоты, и паритъ надъ стремнинами.

Вольный духъ *Шекспировъ*, которому природа служила вмѣсто ученія, произвелъ незагладимое напечатлѣніе надъ народнымъ вкусомъ. Греки, которыхъ онъ не зналъ, или зналъ только по дурнымъ переводамъ, не служили образцами драмъ его. Не наблюдено единство *дѣйствія, времени, мѣста*. Явленія безъ связи. Безпрестанное смѣшеніе подлаго съ величественнымъ. Невѣрное изображеніе древнихъ нравовъ. Но краснорѣчіе сердца неподражаемое, горящее истиною, поражающіе обороты чувствованій и удивительное богатство описаній. Кажется, онъ входилъ попеременно въ душу *Макбета*, *Лира* (*Lear*), *Рихарда*. Къ симъ способностямъ присоединилъ онъ искусство пользоваться національнымъ пристрастіемъ, представляя дѣйствительныя происшествія отечества своего въ *историческихъ зрѣлищахъ*.

Страна, славная остроуміемъ и учтивостію жителей своихъ, *Франція*, долѣе боролася съ недостаткомъ языка своего и медленнѣе достигала сіяющей эпохи письменъ своихъ. Языкъ, рожденный къ веселости и простотѣ обхожденія, сдѣлался благороднѣе въ согласіяхъ *Малгерба* и несчетное множество драматическихъ писателей послужили только ступенями къ высотѣ, на которой явился *Корнель*, творецъ Французскаго театра. Онъ открылъ сей сіяющій вѣкъ *Лудовика четвертагонадесять*, которой не долженъ ни въ чемъ позавидовать предварившимъ его вѣкамъ просвѣщенія, *Периклову*, *Августову* и *Медицисову*.

Корнель создалъ трагедію несравненно сложнѣе Греческой. Склоненъ естественно къ высокимъ чувствованіямъ, онъ поставилъ *удивленіе* на мѣсто *жалости* и *ужаса*. Ему пріятно было извлечь слезы великаго *Конде* словами: *будемъ друзья, Цинна!* Всѣ приключенія трагедіи выводилъ онъ изъ противуположенія чувствованій и характеровъ. Никто не умѣлъ болѣе утверждать и оспоривать тоже умствованіе.

Но между тѣмъ какъ я забавляюсь, разсуждая о *Корнелѣ*, ты, любезный

другъ, можетъ быть восхищаешься *Цинною, Родогуною* или душею стараго *Горація*.

5 Сентября, Берново.

Въ эту погоду, въ дождь, въ вѣтеръ, вообразите ли вы, изнѣженные обитатели города, что мы пріѣзжаемъ съ охоты? Сколько разсказовъ! Какіе подвиги, извѣстные только тѣмъ, которые ихъ сдѣлали!

Ввечеру другія упражненія. Между тѣмъ какъ хозяинъ занимаетъ гостей своихъ какою нибудь общественною игрою, два старшіе сына и я составляемъ особливый комитетъ и раздробляемъ красоты *Корнеля* и *Расина*. Напрасно стараюсь я слѣдовать восхищенію молодыхъ людей: я не нахожу въ себѣ болѣе сей возвышенной чувствительности, съ которою двадцать лѣтъ назадъ на берегахъ Сѣверной Двины читалъ въ первой разъ сихъ великихъ трагиковъ. Пораженъ отзывомъ похвалъ, которыя отъ того столѣтія неслися, съ нетерпѣливостію спѣшилъ я раздѣлять удивленіе людей, чувствительныхъ къ прекрасному. Не-

утомимо проходилъ я сквозь всѣ перемѣны драмы и старался угадывать плесканія, которыми современники почтили драгоцѣнныя произведенія сихъ великихъ духовъ. Я восхищался романическими нравами *Сида* и чертами *Цинны*, достойными *Тацита*. *Ираклій* поражалъ сплетеніемъ басни своей, и я любилъ видѣть изгнанника *Серторія*, воспріемлющаго на себя всю гордость *Рима*. Но ничто не можетъ изъяснить чувствованія, которое оставили во мнѣ *Андромаха*, *Ифигенія*, *Федра!* Сіе послѣднее твореніе обратило на себя все грызеніе зависти и недостойный заговоръ противуположилъ *Прадона Расину*. Великой человѣкъ имѣлъ слабость оскорбиться симъ посрамленіемъ вкуса и долгое молчаніе было славно прервано *Аталіею*, верьховнымъ твореніемъ духа его, гдѣ великолѣпіе и выборъ выраженій возвышенъ великими движеніями и пышностію зрѣлища; гдѣ, выше самаго себя, показалъ, что онъ могъ трогать души и не одними любовными чувствованіями. Возвративъ трагедію къ истинному установленію ея, онъ первой изъ новыхъ очистилъ ее отъ хладныхъ воздыханій, обезображивающихъ главное дѣйствіе: порокъ, отъ котораго не былъ свободенъ *Корнель*. Бо-

гатый классическими красотами и вспомоществуемый совѣтами друга своего *Буало, Расинъ* не только умѣлъ возбуждать страсти въ явленіи, но сдѣлался образцомъ языка. Онъ учинилъ постоянными понятія красоты, пристойности и выбора. Послѣ него не могли терпѣть посредственной трагедіи. И между тѣмъ какъ неровный слогъ *Корнелевъ* иногда соединялъ разительность выраженія съ величествомъ мысли, иногда распространялъ принужденное умствованіе въ надутомъ слогѣ; *Расинъ,* безпрестанно вѣренъ чистѣйшему вкусу, повсюду изображалъ прекрасную природу, прекрасными стихами. Можетъ быть чувствуется въ нихъ съ излишествомъ вліяніе учтивѣйшаго двора, при которомъ жилъ онъ: *Ипполитъ* и *Ксифаресъ* походятъ на молодыхъ придворныхъ *Лудовика XIV*. Но впрочемъ характеры его не имѣютъ ничего натянутаго и несвойственнаго. *Митридатъ* и *Агрипина* изображены гордою кистію *Корнеля*. Но сей основатель театра не могъ бы сотворить *Андромахи* и *Ифигеніи*. Согласно съ пріятностію ихъ пола, онѣ не обезображиваются чуждою имъ величавостію. Рѣже высокія мысли, такъ какъ молніи, перерываютъ разговоръ; но болѣе достоинства разсѣяно

въ цѣломъ. Что можетъ быть величественнѣе отвѣта *Іоадова*, когда усердный, но простодушный *Абнеръ* описываетъ *Аталію*, ищущую его погибели?

Кто волнъ неистовство умѣетъ усмирить,
Тотъ можетъ также злыхъ навѣты раззорить.
Со трепетомъ Его святой покоренъ волѣ,
Боюся Бога я — и нѣтъ боязни болѣ!

14 Сентября, Берново.

Чего не дѣлаетъ любви достойный нашъ хозяинъ, чтобъ занять гостей своихъ всѣми возможными увеселеніями! Въ ближайшемъ отъ насъ городѣ составилось маленькое общество любителей, которые забавляются представленіемъ комедій. Сегодня — мы ни знаемъ, ни вѣдаемъ — видимъ дворъ нашъ, наполняющійся незнакомыми пріѣзжими. Большая горница, которая окнами въ садъ, становится театромъ. Простенькія кулисы легкимъ оборотомъ представляютъ попеременно улицу и внутренность покоевъ. Актеры наши имѣютъ много ревности; мы весьма расположены къ снизхожденію. Мы напередъ согласились не тре-

бовать отъ нихъ дарованій *Дмитревкаго* или *Черникова*. Но долгое лишеніе сего удовольствія украситъ въ глазахъ нашихъ самое посредственное зрѣлище. Выборъ комедіи мы имъ оставили; и теперь только объявляютъ они, что завтра дадутъ намъ *Мизантропа* и *Скапиновы Обманы*. Симъ страннымъ совокупленіемъ двухъ комедій, столько различныхъ между собою, они доставятъ намъ случай удостовѣриться собственнымъ чувствованіемъ въ справедливости приговора, который произнесъ строгой *Буало* надъ другомъ своимъ *Мольеромъ*:

Въ обманахъ и мѣшкѣ презрѣннаго холопа
Не узнаю тебя, писатель Мизантропа!

Конечно роды комедій различны и истинные знатоки будутъ цѣнить другимъ образомъ характерную комедію и шутовское игрище. Но ежели можно попрекословить законодателю вкуса, (а *Буало* конечно заслуживаетъ сіе именованіе), *Мольеръ* довольно еще является и въ самомъ грубомъ своемъ игрищѣ, чтобъ узнать въ немъ рожденнаго живописца человѣческаго сердца. Смѣхъ, которой возбуждаетъ онъ столь сильно, столь естественно, всегда мѣтитъ на какое нибудь заблу-

жденіе разума и сердца. Острыя слова его родятся сами собою изъ положенія. *Ты ювелиръ, Г. Жоссъ; ну! ежели онъ пойдетъ до Сіятельства*, говоритъ самъ съ собою г. *Журденъ*, которой платитъ за каждой титулъ, прилагаемый ему отъ портнаго. Имѣя нужду нравиться публикѣ, еще мало чувствительной къ тонкимъ красотамъ искусства, ему надобно было приманивать зрителей къ *Мизантропу* и *Ученымъ Женщинамъ* простонародною веселостію *Принужденной Женидьбы* и *Лѣкаря по неволѣ*. Но дарованіе его было признано съ самаго его появленія; и восклицаніе старика, который на представленіи *Смѣшныхъ Щеголихъ* закричалъ изъ партера: *продолжай, Мольеръ! это настоящая комедія*, было предсказаніемъ и первымъ торжествомъ *Мольеровой* славы. И въ самомъ дѣлѣ, театръ не имѣлъ прежде него ни одной хорошей комедіи, кромѣ *Корнелева Лжеца*. Онъ первой сдѣлалъ театръ школою нравовъ. Послѣ него не было никому позволено быть смѣшнымъ безъ наказанія. Невѣжды врачи, тщеславные вертопрахи, надутые ученостью педанты, гнусные лицемѣры узнали себя на театрѣ и принуждены были бросить личину свою, чтобы уйти отъ общаго посмѣянія. *Комиче-*

ская сила, которую не находили древніе въ *Теренціѣ,* впрочемъ столь естественномъ живописцѣ нравовъ, препровождаетъ малѣйшія черты *Мольеровы.* Онъ выше *Плавта* въ *Скупомъ* и *Амфитріонѣ!* Творецъ *Мизантропа* и *Тартюфа* былъ безъ образца и послѣдователя. *Буало* находилъ *Ренара* весьма забавнымъ, но комическимъ одного *Мольера.* *Детушъ* достоинъ почтенія искусствомъ и нравственною пользою; *Дюфрени* веселъ; — можетъ быть одинъ *Пиронъ* въ нашемъ столѣтіи достигалъ до *Мольеровой* силы въ *Метроманіи.*

---

2 Октября, Берново.

И такъ между тѣмъ, какъ я почитаю тебя у береговъ Невы, ты переносишься со скоростію вѣтра въ необъятную окружность древней столицы. И струи Волги не могли тебѣ напомнить Бернова! — *Ты поспѣшалъ не за разсѣяніями, а за нуждами друзей твоихъ.* Развѣ ты выключаешь меня изъ числа ихъ? Или счастливые друзья уступаютъ преимущество? Я узнаю тебя въ этомъ и готовъ простить тебѣ вразсужденіи причины.

Во другѣ истинномъ какое наслажденье!
Выводитъ нужды онъ изъ сердца своего;
Предупреждаетъ униженье
Открытья самаго.
Его смущаетъ сновидѣнье,
Бездѣлка, ничего,
Когда касается любимаго его.

Ты соглашаешься съ чувствованіями *Лафонтена*, котораго прелестная простота и неподражаемая естественность вкушаются тобою совершенно. Искусство и принужденіе неизвѣстно любви достойному *Басеннику*. Онъ не знаетъ, что онъ нравится, или ежели нравится, какимъ таинствомъ до того доходитъ. Онъ невиненъ во всѣхъ своихъ хитростяхъ. Природа сказала ему при рожденіи: *Сказывай басни*, и онъ сказываетъ. Знакомые не открывали въ немъ остроумія: онъ имѣлъ дарованіе. Какъ остроуміе мало передъ драгоцѣнною простотою, которая дышетъ въ произведеніяхъ лѣнивой Музы его! *Анакреонъ* Французовъ, онъ производитъ полное очарованіе надъ сердцами читателей, за тѣмъ что онъ имъ первой обманутъ добродушно. Большее дитя во всю жизнь свою, онъ удивлялъ современниковъ своихъ простотою замысловъ и поступковъ жизни.

въ обществѣ друзей его *Расина, Буало, Мольера,* его не называли иначе, какъ *добрымъ человѣкомъ* (*le bonhomme*). Опытный судья дарованій, *Мольеръ* говорилъ имъ: *добрый человѣкъ пойдетъ далѣе насъ!* Его слава не соединена съ перемѣнами искусства и нравовъ, которые непостоянны: она почерпнута непосредственно въ самой природѣ. Онъ умѣетъ трогать насъ, заставляя говорить животныхъ. Онъ сходитъ, такъ сказать, къ равенству съ ними и пріемлетъ на себя столь живо ихъ чувствованія и пристрастія, что мы не примѣчаемъ заблужденія своего, приписывая имъ разумъ и слово, наши добродѣтели и пороки. Воображеніе представляетъ ему при самомъ безплодномъ содержаніи черты, столь живыя и пріятныя, что онѣ даютъ настоящее существованіе мѣсту явленія и лицу, которое вводится. Страсти его не менѣе истинны въ выраженіи, хотя *заяцъ* и *кроликъ* его герои. Что можетъ быть нѣжнѣе басни *двухъ голубей?* Какое чувствованіе владычествуетъ въ той, которой заключеніе привелъ я въ началѣ — *два друга,* въ баснѣ *Царь* и *пастухъ,* во множествѣ другихъ, соединяющихъ Философію съ Стихотворствомъ подъ покрываломъ легковѣрія. Стихотворецъ

не однихъ дѣтей, *Лафонтенъ* занимаетъ пріятнѣйшимъ образомъ опытность и знаніе свѣта. Онъ сообщилъ новыя прелести языку. Близокъ къ природѣ безъ суетныхъ желаній, онъ *жилъ безъ заботъ и умеръ безъ угрызеній,* по его собственному выраженію.

Коль смѣлъ бы слово я прибавить изъясненья,
Я сталъ бы здѣсь внушать любовь уединенья.
Оно даруетъ намъ отрады безъ сетъ,
Отрады чистыя, въ которыхъ скуки нѣтъ.
Обитель, къ коей я стремлюся отъ волненья!
Мѣста любимыя! когда придетъ сей день,
Что буду я вкушать прохладну вашу тѣнь?

Но это напоминаетъ мнѣ спокойную хижину мою, въ которой наслаждался я самъ собою и которую ты прежде меня увидишь ее—и друга нашего, щастливаго *Обитателя предмѣстія.*

11 Октября, Берново.

Сколько я тебѣ благодаренъ! Только что въ Москву пріѣхать, успѣть посмотрѣть мое любезное *предмѣстіе,* тотчасъ писать ко мнѣ, писать прекрасное письмо на языкѣ и тономъ

госпожи *Севинье,* усѣянное сими чертами чувствованія и остроумія, которыя становятся вдвое живѣе, когда украшены рифмою и которыхъ таинство укралъ ты у *Вольтера* и *Шолье*... Но я соединяю два имя, столь различныя! Между тѣмъ какъ роскошный обитатель *храма* остался первымъ изъ нерадивыхъ стихотворцовъ, наслѣдникъ *Ниноны,* очистившій остроуміе свое въ школѣ хорошаго вкуса, въ обхожденіи знатнѣйшихъ особъ своего времени, удивилъ ожиданіе общества великими твореніями, которыя поставили его подлѣ *Корнеля* и *Расина*. Величественъ, трогателенъ, иногда возвышаетъ онъ глубокую мысль сіяніемъ выраженія, иногда послѣдуетъ своенравію Грацій.

Онъ въ отрочествѣ былъ угодникомъ Нинонѣ,
Къ Виргилью въ двадцать лѣтъ въ сообщество слѣпилъ,
Во зрѣломъ мужествѣ Софокловъ путь свершилъ:
У старца богъ любви покоился на лонѣ.

Дорать.

Сіи легкія, или убѣгающія стихотворенія (pièces fugitives), если можно занять сіе слово, не стоили ему минуты размышленія. Первая мысль, которая представлялась уму его, принимала безъ принужденія извѣстныя фор-

мы и тонкая шутка становилася учтивымъ привѣтствіемъ. *Дружескія посланія, сказочки, эпиграммы:* все, чѣмъ забавлялся пѣвецъ *Генриха IV*, дышало свободою и не было обезображено слѣдами неблагодарнаго труда. Его образъ писанія сдѣлался образцомъ и отчаяніемъ послѣдователей. Множество молодыхъ благородныхъ людей присоединили дарованіе легкихъ стихотвореній къ своимъ титламъ военнымъ и придворнымъ. Не считая *Дората*, который испытывалъ себя во всѣхъ родахъ и можетъ быть удалился отъ благородной простоты, бѣгая за остроуміемъ, *Бернисъ, Ниверпуа, Буфлеръ, Парни*, стихотворцы легкіе и блестящіе, сорвали нѣсколько цвѣтовъ по стезямъ *Фернейскаго* старца. Но послѣдователи, которыми можетъ онъ похвалиться болѣе, *Мармонтель*, (ты знаешь пристрастіе мое къ нему,) *Лагарпъ* продолжаютъ еще славу Французской литтературы. Какой благородный колоритъ сіяетъ въ твореніи *Сенъ-Ламберта*, который достоинъ былъ итти по стопамъ *Томсона*, воспѣвая, такъ какъ онъ, *времена года!* Онъ первой открылъ во Франціи поприще *описательнаго стихотворства*, дотолѣ удѣлъ Англичанъ и Нѣмцовъ. Еще живетъ сладостный

прелагатель *Георгикъ*, пѣвецъ *Садовъ*, любви достойный *Делиль*. Какое сожалѣніе, что *Томасъ* не увѣнчеваетъ болѣе добродѣтели и заслуги краснорѣчіемъ, не посвящаетъ стихотворства нравоученію! Болѣе сродствуя съ нѣжною душею *Фенелона*, нежели съ порывистою высокостію *Боссюета*, онъ возбуждалъ гласъ ихъ, долго почившій, въ пользу гражданскихъ достоинствъ. Онъ воздавалъ благодарность потомства ревностному *Сюлли*, первому человѣку на второй степени, и платилъ поздную дань удивленія сіяющему духу *Декарта*. Современникъ краснорѣчивѣйшихъ смертныхъ, *Ж. Ж. Руссо* и *Бюффона*, онъ былъ достоинъ имѣть ихъ судьями. Онъ осмѣливался возвыситься до *эполеи*; и уже выборъ содержанія, счастливѣйшаго, нежели содержаніе *Генріады*, открывалъ ему величественное поприще. Онъ похищалъ у *Россійскихъ* стихотворцовъ богатый предметъ отечественной славы, дѣянія *Петра Великаго*. . . . . При семъ имени *Генріады*, чувствую, что я трогаю нѣжную струну. Ты хотѣлъ бы, чтобъ всѣ ее видѣли твоими глазами: благородную безпрерывно, сообразованную съ просвѣщеніемъ времени, представляющую важную картину въ стихахъ, оставляющихъ долгое

воспоминаніе! Кто споритъ съ тобою? Но всего остроумія не довольно, чтобъ приближиться къ *Иліадѣ*, *Енеидѣ*, *Освобожденному Іерусалиму* и можетъ быть *Потерянному Раю*.

20 Октября, Берново.

Благодарю тебя, мой любезный другъ, за письмо твое отъ 15 числа. Продолжай увѣдомлять меня объ успѣхахъ письменъ нашихъ. Ты знаешь, раздѣляю ли я ревностное желаніе твое, чтобъ прекрасный языкъ нашъ имѣлъ наконецъ своихъ классическихъ писателей, чтобъ мы не принуждены были удивляться однимъ только иностраннымъ умамъ. Нѣмецкая литтература немногимъ упредила рожденіе нашей. *Галлеръ*, *Гагедорнъ* не старѣе *Ломоносова*. Но имъ послѣдовали съ удивительною скоростію, въ толпѣ менѣе отличныхъ писателей сіяющіе духи, *Клопштокъ*, *Лессингъ*, *Геснеръ*, *Виландъ*. Зачѣмъ у насъ пристрастіе къ прекраснымъ письменамъ не столько же дѣйствительно и не побуждаетъ молодыхъ чувствительныхъ людей къ заслуженію благодарности отечества?

Мы менѣе прилѣпляемся къ ученію древнихъ и обольщены пріятностями чужаго языка, который сдѣлался языкомъ хорошаго общества, мы отчаяваемся напередъ достигнуть того же совершенства на своемъ собственномъ. И можетъ быть не безъ основанія. Духъ болѣе возвышается съ древними, и величественная простота ихъ удобнѣе примѣняется ко всѣмъ временамъ и народамъ, нежели изъисканныя тонкости новыхъ, которыя владычествуютъ нѣкоторое время и исчезаютъ съ модою. . . Но между тѣмъ, какъ я разсѣиваю себя нарочно сими критическими разбирательствами, нужда *быть съ тобою* говоритъ сердцу моему повелительнымъ образомъ. Прекрасныя письма твои не могутъ замѣнить твоего сообщества и заставляютъ только желать его усильнѣе. Мнѣ хочется подозвать къ себѣ моихъ любезныхъ хозяевъ и похитить у *Бернова* лучшее его украшеніе: такимъ образомъ соединить въ *предмѣстіи* своемъ все то, что я имѣю драгоцѣннѣйшаго въ свѣтѣ. Воспоминаніе первыхъ дней дружбы нашей насильственно овладѣло душей моей. Помнишь ли, какъ оба, лѣтъ пятнадцать моложе, мы искали друга, побуждаемы пріятнѣйшимъ чувствованіемъ, сходствомъ вкусовъ, сею са-

мою любовію письменъ? Представленія *Заиры, Альзиры, Магомета* служили намъ мѣстами соединенія. Я услаждался, слушая тебя возглашающаго цѣлыя рѣчи изъ *Меропы*, величественной трагедіи, въ которой сіяетъ простота Греческаго вкуса со всемъ богатствомъ выраженія. Наши гулянья въ садахъ, уединенныя бесѣды протекали столь быстро, наполнены взаимнымъ сообщеніемъ нашихъ мыслей и чувствованій о красотахъ верьховныхъ твореній, которыя поражали необычайнымъ блескомъ новыя наши чувства. Ты снисходительно слушалъ, съ пристрастіемъ дружества, лепетаніе ученической музы моей. Гдѣ *Болеславъ* мой, въ котораго я желалъ перелить всѣ движенія *Аделаиды дю Гескленъ*? Столько чтеніе прекраснаго образца можетъ овладѣть воображеніемъ и невольнымъ образомъ увлекаетъ къ подражанію! Мы любили заниматься веселыми явленіями *Седеня* или *Мармонтеля*, съ которыми *Монсиньи* и *Гретри* соединили дарованія свои, или восхищалися волшебными согласіями *Паизіелла*, когда, вспомоществуемъ духомъ *Метастазія*, вводилъ онъ *Ахиллеса*, повергающаго златую лиру или *Нитету*, странствующую на брегахъ *Нила*. Прекрасное щастливое время,

когда ты испытывалъ перелагать пѣсенки *Метастазія*, сего лебедя *Авзоніи*. Ему обязана Италія своими великими сочинителями музыки. Безъ него бы не было можетъ быть *Пиччинія*, *Анфосси*, *Сальери*, *Сарти*. Но *Кино* одушевляетъ *Глука*: *Кино*, который, не смотря на порицаніе *Буалово*, останется тоже въ оперѣ, что *Расинъ* въ трагедіи.

ПИСЬМО ПОСЛѢДНЕЕ.

Никольское. . . . .

Воображалъ ли я при отпускѣ послѣдняго письма моего, что такъ скоро оставлю Никольское? Пріятное происшествіе причиною нашего отъѣзда. Армейское производство вышло. Г. *Славину* досталося въ Генералъ-Маіоры и по росписанію въ Сѣверную дивизію. Онъ беретъ *Васиньку* въ Адъютанты. Это первой походъ его. Ты вообразишь себѣ, что такъ скоро не оставляютъ пріятелей своихъ; особливо тѣхъ, которымъ думаешь быть полезенъ. Я препровождаю молодаго Офице-

ра. Хозяева мои имѣютъ благосклонность увѣрять меня, что они бы сами сдѣлали мнѣ предложеніе сіе, если бы не предупредило ихъ мое собственное чувствованіе. Насъ ѣдетъ много. Господа *Полосовской* и *Добросердовъ* въ томъ числѣ. Ты можешь представить себѣ, стараемся ли мы воспользоваться свѣденіями и опытностію Г. *Славина*. Мы много читаемъ, много разговариваемъ о военномъ искусствѣ. Походы *Тюренна*, *Люксамбурга*, *Маршала де Саксъ* предмѣты нашего ученія; но болѣе всего отечественная Исторія. Мы не устаемъ слушать Г. *Славина*, когда онъ разсказываетъ намъ, съ картою на столѣ, подвиги Государя *Петра Великаго*, щастливыя дѣянія *Миниха*, *Лессія*, *Салтыкова*, побѣды *Румянцова*, *Нестора* полководцевъ. Я самъ заимствую отъ общаго восторга, устремляюся въ славное поприще военнаго состоянія. Что скажетъ нашъ кроткой *Иринеевъ*, когда увидитъ меня въ полномъ одѣяніи Офицера, въ знакѣ, въ шарфѣ, съ саблею? Какихъ упрековъ ожидать я долженъ! Не послужатъ мнѣ къ защищенію славные примѣры *Леонида*, умирающаго во исполненіе священныхъ приказаній отечества; *Эпаминонда*, котораго послѣдніе взоры видѣли убѣгающаго непріятеля. Человѣколю-

біе его никогда не примирится съ славою. Но ты, мой любезный другъ, ты, которой всегда воспламенялъ въ сердцѣ моемъ *любовь* къ *Отечеству*, сію страсть великихъ душъ, ты увѣренъ, что какой рокъ меня ни ожидаетъ, побѣдитель или мертвъ, я никогда не разстануся съ честію. Ты увидишь меня по Лакедемонски, *или со щитомъ или на щитѣ*. Меня восхищаетъ сіе великодушное желаніе *Нѣмецкаго Барда*, чувствительнаго *Клейста*, желаніе *умереть славною смертію за Отечество*. И какъ могу я здѣсь чувствовать иначе, когда вижу родителя, нѣжную мать, отпускающихъ съ геройствомъ въ тѣже самыя опасности любимаго ихъ сына, и когда сей молодый человѣкъ (я не смѣю назвать Офицера *Васинькою*,) идетъ на войну со всею твердостію мужа? Прими мои нѣжнѣйшія прощанія. Твой образъ, запечатлѣнный въ душѣ моей, будетъ препровождать меня и на мѣсто сраженія.

P. S. Я посылаю тебѣ книги мои. Ты найдешь въ нихъ нѣкоторыя записки и цѣлую тетрадь сочиненій, плодъ нашихъ чтеній и разговоровъ съ молодымъ Графомъ. Еще разъ прощай. Будь здоровъ, будь щастливъ.

ТЕТРАДЬ

ДЛЯ СОЧИНЕНІЙ.

ТЕТРАДЬ
ДЛЯ СОЧИНЕНІЙ.

Начато въ Никольскомъ, 10 Іюня.

Заглавіе было написано; а мы еще не знали, какимъ образомъ приступить къ исполненію его. Никакая щастливая мысль не попадалась. Не льзя было положить вины на перо или чернила. Все было въ лучшей исправности; не доставало только сочинителей. Мы это чувствовали, и болѣе приходили въ уныніе. Веселость, которая за полчаса назадъ одушевляла *Васиньку*, готова была его оставить. Наконецъ я прерываю молчаніе. „Напишемъ по „крайней мѣрѣ, говорю я, это самое „состояніе нерѣшимости, которое „насъ мучитъ, и мы сдѣлаемъ начало „нашимъ упражненіямъ въ сочиненіи. „Начало, сказываютъ, половина дѣла. „Но чтобъ повѣствованіе было живѣе, „преобратимъ его въ разговоръ. Ста-

,,немъ писать рѣчи наши попеременно, ,,вы подъ именемъ *Васиньки*, я подъ ,,названіемъ *друга* вашего, ежели вы ,,мнѣ позволите.“

Васинька. Съ превеликой охотой, я очень радъ. Вы видите, что вы ужь читаете отвѣтъ мой, а не слышите.

Другъ. Тѣмъ лучше. Мы сдѣлаемъ привычку писать. Нечувствительно слогъ нашъ образуется. Нѣтъ ничего полезнѣе упражненія. Начнемъ съ родовъ сочиненія самыхъ легкихъ, напримѣръ, со сказочекъ. Потомъ станемъ выходить со временемъ къ *разговору, письму, разсужденію.* Вы такъ часто разсказываете то, что видѣли или читали. Возьмите перо и дайте ему ходить по бумагѣ съ тою же свободою, съ которою говорите.

Васинька. Да, это великая разница. Я говорю какъ ни попало, почти не подумавъ: всѣ меня разумѣютъ. А принимаясь за бумагу, чувствую, что мнѣ чего-то не достаетъ.

Другъ. Привычки. Она внушаетъ нечувствительно охоту и довѣренность къ самому себѣ. Испытаемъ написать съ памяти такую повѣсть, которую мы недавно читали. Возьмемъ изъ *Фенелона. . . . Приключенія Али-Беговы. Нѣкогда Аббасъ. . . .*

Васинька. Постойте, это мое дѣло. *Аббасъ, Софи Персидскій, объѣзжалъ области свои, никѣмъ не знаемъ. Молодый пастухъ ему понравился, благоразуміемъ рѣчей своихъ еще болѣе, нежели пріятностію вида. Софи открылъ ему санъ свой. Али-Бегъ! говоритъ ему, (такъ назывался пастухъ) природа произвела тебя къ другому званію. Оставь поля свои, послѣдуй за мною: я поставлю тебя пастыремъ людей. Пастухъ послѣдовалъ. Онъ былъ нелицемѣрный другъ Государя своего, всегда говорилъ ему правду и спасалъ народы отъ утѣсненія злобныхъ. Но Аббасъ скончался. Молодому сыну его ласкатели оклеветали Али-Бега. Онъ собралъ себѣ сокровища, говорили они, слезами сираго и вдовицы. Воспаленъ гнѣвомъ, сынъ Аббасовъ идетъ самъ въ домъ Али-Беговъ, удостовѣриться своими глазами въ истинѣ доноса. Вездѣ находитъ, умѣренность, простоту, сельскіе нравы. Но вдали видны желѣзныя двери. За ними, шепчутъ клеветники, сохраняются сокровища Али-Беговы. Растворяютъ двери. Что находятъ въ казнѣ его? Посохъ, свирѣль, платье, которое онъ пастухомъ носилъ. И Али-Бегъ обнимаетъ колѣна Государя*

своего: „Не отнимай у меня сихъ сокровищъ: я съ ними былъ и опять могу быть щастливъ. Позволь мнѣ возвратиться въ деревню.“ Приведенный въ умиленіе Государь отдалъ справедливость оклеветанной добродѣтели и грознымъ взоромъ изгналъ ласкателей навсегда. . . .

Другъ. Вы видите, что дѣло сдѣлано. Ежели это не самое лучшее повѣствованіе; то по крайней мѣрѣ, это *опытъ сочиненія.*

Избраніе Геркулеса.

Геркулесъ приходилъ уже въ сей возрастъ, которой называется *возрастомъ разума.* Наполненъ размышленія о выборѣ приличной жизни, шелъ онъ дорогою. Вдругъ она раздѣляется на двѣ стези. Двѣ женщины выше человѣческаго образа представляются ему и зовутъ его въ противуположныя стороны. Одна величественна съ простотою, благородна безъ гордости и называется *Добродѣтель;* другая исполнена томности и нѣги: *Роскошь* имя ея. „*Юноша! послѣдуй за мною,* говоритъ она. *Здѣсь розами стезя усыпана, здѣсь чистые источники,*

сладкія яствы, ненарушимый сонъ. Никогда жизнь твоя не будетъ подвержена опасностямъ. Добродѣтель вѣщаетъ въ чреду свою: *,,Послѣдуй за мною. Опасности тебѣ не страшны будутъ. Ты преодолѣешь ихъ мужествомъ. Слава твоя будетъ безсмертна. Она будетъ справедлива; за тѣмъ что ты посвятишь жизнь свою пользѣ людей. Никогда раскаяніе не возмутитъ твоего спокойствія, за тѣмъ что ты будешь исполнять свои должности.* Геркулесъ не сомнѣвался болѣе, и послѣдовалъ *Добродѣтели.*

Несогласіе вождей пагуба народовъ.

Осада *Трои* была первымъ предпріятіемъ соединенной *Греціи.* Двадцать Царей послѣдовали *Агамемнону.* Знаменитѣйшіе изъ нихъ были: *Діомидъ, Идоменей, два Аіакса, мудрый Улиссъ, древній Несторъ* — но всѣхъ превосходилъ храбростію *Ахиллесъ! Троя* упадала подъ его побѣдоносными ударами. Бѣдственная ссора останавли-

ваетъ успѣхи Грековъ. *Агамемнонъ* обидѣлъ *Ахиллеса*. Съ тѣхъ поръ непримиримый *Ахиллесъ* отнимаетъ помощь свою отъ общаго ополченія. Превозмогаютъ *Трояне*. *Гекторъ* осаждаетъ прогнанныхъ Грековъ на корабляхъ ихъ. Греція погибала. Чувствительный *Патроклъ*, другъ *Ахиллесовъ*, не можетъ взирать на погибающее отечество. Устремляется на *Троянъ* во брони *Ахиллеса* и единымъ явленіемъ симъ обращаетъ ихъ въ бѣгство. Но *Гекторъ* поражаетъ его. Тогда потерею друга наказанный *Ахиллесъ* выходитъ изъ ослѣпленія гнѣва. Является — и все уступаетъ оружію его. Скоро величественные верьхи *Трои* повергаются на землю. . . .

Читайте Гомера, юноши! читайте Гомера, воины!

Благоразуміе, соединенное съ мужествомъ, превозмогаетъ рано или поздно величайшія препятствія.

Всѣ уже вожди Греческіе, избѣгшіе погибели по испроверженіи Трои, возвратилися въ домы ихъ. Мудрый *Улиссъ*

одинъ не можетъ достигнуть любимой *Итаки*. Цѣлыя десять лѣтъ вѣрная супруга его *Пенелопа* воздыхаетъ о возвращеніи его; между тѣмъ какъ гордые вельможи Итакскіе расхищаютъ домъ ея и празднуютъ повседневно. *Телемакъ*, достойный сынъ Героя, въ препровожденіи сокрытой *Минервы*, ищетъ повсюду слѣдовъ родителя. *Улиссъ*, лишенный помощи и товарищей, единою своею мудростію и мужествомъ преодолѣваетъ свирѣпство неистоваго *Полифема* и *Циклоповъ*, волшебство *Цирцеи*, обольщенія *Сиренъ*, хитрости *Калипсы*, которая, останавливая его на острову своемъ въ безславной праздности, хотѣла заградить ему навсегда возвращеніе въ отечество; наконецъ доставленъ на брега *Итаки* благодѣяніемъ *Алкиноя*, Царя *Феакійскаго*, объемлетъ *Телемака* въ хижинѣ вѣрнаго пастыря своего *Евмея*, посѣщаетъ дряхлаго отца своего *Лаерта*, является *Пенелопѣ*, двору, народу. Умыслы вельможъ разсѣяваются. *Улиссъ* сіяетъ величественнѣе претерпѣнными нещастіями и трудами.

Общежительность.

Сколь трогательно *Софоклъ*, сія пчела *Аттическая*, описываетъ нещастнаго *Филоктета* въ трагедіи сего имени! Оставленъ жестокосердыми *Греками* на необитаемомъ острову, одинъ, цѣлыя десять лѣтъ, во все продолженіе осады *Троянской*, не слышитъ онъ человѣческаго гласа, не видитъ образа. Болѣзненнѣе для него сіе исключеніе изъ человѣческаго рода, нежели неисцѣльная язва ноги его, пожирающая тѣло. Онъ не имѣетъ друга, не имѣетъ товарища, которой бы утѣшилъ его, пожалѣлъ о немъ по крайней мѣрѣ. Что можетъ быть сего нещастнѣе? Цѣлая жизнь его есть безпрерывная продолжительная скука. Стрѣлы Геркулесовы, одинъ залогъ пагубный и драгоцѣнный безсмертнаго его друга, составляютъ все его общество, бесѣду, воспоминаніе. Онѣ служатъ ему единственнымъ орудіемъ защищенія и пропитанія. Но съ охотою желалъ бы онъ лишиться и сего сокровища, только бы еще разъ увидѣть себя въ радостномъ обществѣ человѣка. Столь глубоко природа начертала въ сердцѣ человѣка *желаніе общества!* Лучь надежды просіяваетъ

ему. Однажды онъ влачится въ пещеру свою по окончаніи обыкновеннаго странствованія по острову. Напечатлѣніе слѣдовъ человѣческихъ на песку поражаетъ его. Вообразите, если можно, удивленіе его, восхищеніе. Скоро срѣтаетъ *Пирра*, сына *Ахиллесова*. Плѣняется незлобіемъ, безхитростнымъ видомъ юности. Повѣряетъ ему стрѣлы сіи, отъ которыхъ самъ страждетъ и безъ коихъ *Троя* взята быть не можетъ. Сбирается ѣхать, не взирая на болѣзнь свою и ласкается еще увидѣть сихъ неблагодарныхъ и любимыхъ *Грековъ*. Но *Улиссъ* противится. Нѣжное соболѣзнованіе *Пиррово* превозмогаетъ. *Филоктетъ* восходитъ въ корабль. Сердитыя и ему благопріятныя волны уносятъ его отъ *Лемна* и спасаютъ отъ нещастія *одиночества*.

Анхисъ и Еней.

Разговоръ.

Анхисъ.

Какой новый герой представляется взору моему между тѣнями праведныхъ, болѣе похожъ на смертнаго, наслаждающагося еще лучами солнца, нежели

на обитателя преисподней? . . . Что вижу я! это *Еней*, это любезный сынъ мой!

Еней.

Прими сіи объятія, сіи радостныя слезы, нѣжный родитель . . . . Но ты, подобенъ облаку, подобенъ легкимъ вѣтрамъ, убѣгаешь изъ объятій моихъ.

Анхисъ.

Ты обнимаешь неосязательную тѣнь. Вспомни, что здѣсь жилище щастливыхъ, гдѣ погибающее тѣло не обременяетъ болѣе нашего духа. Мы наслаждаемся здѣсь чистою радостію за все добро, которое въ жизни дѣлали. Никакая скорбь до насъ не прикасается. Но ты какимъ образомъ и по какой причинѣ проникъ въ мѣста сіи, воспрещенныя смертнымъ?

Еней.

Горящее желаніе еще разъ тебя увидѣть, еще удовольствовать сіи очи воззрѣніемъ на любимаго родителя. . . .

Анхисъ.

Я узналъ нѣжность *Енееву*. Ты также чувствовалъ, когда посреди пылающей Трои, сквозь толпу разъяренныхъ непріятелей несъ на раменахъ своихъ меня, дряхлаго, лишеннаго зрѣ-

нія старца и коего жизнь не была нужна болѣе погибшему отечеству.

Еней.

Я исполнялъ сладчайшій долгъ природы. Ты посрамляешь меня, родитель, воспоминая дѣло столь естественное.

Анхисъ.

Не въ моей силѣ истребить столь пріятное воспоминаніе. Боги, тронутые благочестіемъ твоимъ, приготовляютъ тебѣ и твоимъ потомкамъ сильное царство въ *Италіи*. Ты будешь основателемъ знаменитѣйшаго народа, которому суждено владычествовать вселенною: ты будешь прародителемъ Героевъ, *Ничѣмъ не можно болѣе снискать благоволеніе Вышняго Существа, какъ почтеніемъ и любовію къ родителямъ.*

Вольность.

Священныя права человѣка *безопасность, собственность* замыкаются въ единомъ словѣ *вольности*. Не было земли, болѣе благопріятствующей сему гражданскому чувствованію, какъ *Греція*. Тамъ все благородство состояло

въ томъ, чтобъ быть *вольнымъ*. Но со временемъ пагубное честолюбіе вождей, безпокойство черни и роскошь изгнали вольность изъ сердецъ *Греческихъ*. *Римляне* ее приняли. Побѣда сопровождала оружіе ихъ. Вострепетали въ чреду свою утѣснители *Греціи*. *Фаланга Македонская* пала подъ усиліемъ *легіоновъ*. Великодушный побѣдитель, Консулъ *Титъ Фламиній* предписываетъ законы *Филиппу* и расторгаетъ узы *Греціи*. Большая часть обитателей ея торжествовала тогда *Исѳмическія игры*. Консулъ поспѣшаетъ на среду ихъ. Велитъ провозгласителю возвѣстить всей Греціи отъ имени Римскаго народа *вольность; каждому Греческому обществу возвращается право жить подъ своими собственными законами; никакая посторонняя власть не долженствуетъ утѣснять природную ихъ свободу*. Изумленные Греки сомнѣваются мгновеніе въ истинѣ слышимаго, просятъ повторить провозглашеніе. Тогда, увѣрены въ щастіи своемъ, не полагаютъ предѣловъ восхищенію и благодарности. Повсюду слезы радости, восклицанія. Воздухъ восколебался воплемъ: птицы летѣвшія попадали въ средину собранія. Всѣ поздравляютъ, объемлютъ другъ друга. За щастіе по-

читается прикоснуться рукѣ избавителя. Излишество благодарности обременяетъ сердца ихъ.

Но щастіе столь желательное было не долговѣчно. Честолюбивые *Римляне* были постоянны только въ единомъ намѣреніи своемъ покорить вселеную. Распространивъ предѣлы владычества своего, они потеряли собственную свою вольность. *Маріи, Суллы* и щастливый *Цесарь* испровергли республику. По мѣрѣ удаленія отъ вольности уничижалося имя Римское, доколѣ, совсѣмъ обезчещено развратностію нравовъ, подлостію, алчностію, не потерялося совершенно подъ разлитіемъ *варварскихъ* народовъ. Мраки невѣжества и рабства собралися надъ человѣческимъ родомъ съ непроницаемою густотою и позорище *вольности, просвѣщенія, славы* надолго ими сокрылося.

Пльнники.

Римская Имперія была возобновлена только по имени *Карломъ Великимъ*. *Римъ* становился столицею страшной власти духовной, которая, пользуясь невѣжествомъ временъ, грозила поко-

рить себѣ свѣтскую. *Восточная Имперія* давно преклонялася къ своему паденію, угнѣтаема пороками правленія и усиліями народовъ воинственныхъ, безпрестанно изъ Сѣвера исходившихъ. *Константинъ Порфирородный* принесъ безполезную любовь ученія на престолъ, гдѣ надобны были твердость и дѣятельность. *Славяне* и *Руссы* являлися часто на ладіяхъ своихъ въ проливѣ *Цареградскомъ*. Все уступало суровому ихъ мужеству. Уже *Оскольдъ* нанесъ трепетъ *Константинополю*, и *Олегъ* освятилъ право побѣды торжественнымъ положеніемъ мирныхъ договоровъ. *Игорь* движется бранію и не взирая на *Греческій огнь*, пожирающій корабли его, двѣ краты опечаливаетъ войною прекрасныя страны *малой Азіи*. Въ послѣдній изъ сихъ походовъ, два сына *Ѳеодора Стратилата*, *Зинонъ* и *Парфеній*, похищаются отъ объятій родителя. Отягчены оковами, (жестокій обычай древней войны!) они послѣдуютъ за побѣдителями въ *Кіевъ*. Человѣколюбивая *Ольга*, супруга *Игорева*, которой просвѣщеніе оскорблялося дикостію тогдашнихъ нравовъ, предстательствуетъ за плѣнниковъ. Ихъ узы облегчаются. Они вкушаютъ нѣкоторый родъ вольности, ежели можетъ существовать воль-

ность для того, кто отчужденъ отечества. Ихъ знанія, выгоды просвѣщеннаго человѣка, находятъ имъ покровителей. *Добрыня*, Намѣстникъ Новгородскій, беретъ ихъ съ собою. На брегахъ *Ильменя* возглашаютъ они, никѣмъ не разумѣемы, священныя пѣсни *Гомеровы*, звучные стихи *Софокла* и *Еврипида* и воспоминаютъ сладостное отечество. Скоро наставляютъ они въ письменахъ *Греческихъ* младаго сына *Добрыни*. Дружество соединяетъ сердце *Славянскаго* юноши съ его нещастными друзьями. Онъ испрашиваетъ имъ у родителя дарованіе совершенной свободы. Съ позволенія *Добрыни*, отправляются всѣ трое на кораблѣ *Варяжскомъ* въ путешествіе на Западъ. Доплывъ земли *Поруссовъ*, проникаютъ они во внутренность *Германіи*. Общежитіе тамъ едва начиналося и строилися города. Отлагали безпокойство свое укрощенные *Саксоны*. Плодъ завоеваній *Карла Великаго*, правильнѣйшая система *феодальнаго* владѣнія установлялася; но вожди, посыланные для защищенія границъ, нечувствительно отъ зависимости Государей отпадали. Самой скиптръ Имперіи вышелъ изъ слабаго потомства *Карла Великаго*. Путешественники коснулися предѣловъ *Фран-*

ціи. Раздробленное между вельможами, государство сіе теряло свое сіяніе, подъ удрученіемъ невѣжества, суевѣрія, рабства. Тѣже нещастія видѣли въ *Италіи*, нѣкогда славной и величественной! Искусства оставили ее вмѣстѣ съ вольностію. Наконецъ достигаютъ *Константинополя*. *Ѳеодоръ* имѣетъ щастіе опять увидѣть сыновъ своихъ. Младый *Добрыня* находитъ въ *Царѣградѣ* мудрую *Ольгу*, просвѣтившуюся православіемъ. Присоединясь ко двору ея, возвращается въ *Россію*.

Общество добрыхъ людей.

Алманзоръ, сынъ *Омаровъ*, не препровождалъ юности своей, такъ какъ прочіе вельможи *Багдадскіе*, въ исканіи веселій, всегда убѣгающихъ. Онъ не былъ рабомъ тщеславія и скупости. Но съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ своихъ украшалъ разумъ просвѣщеніемъ, и сердце пріуготовлялъ къ воспріятію всякой добродѣтели. Никогда обманъ не осквернилъ устъ его; никогда зависть и ненависть, страсти мрачныя и подлыя, не унизили души его. Онъ хотѣлъ научиться нравамъ человѣческаго

посѣщая разныя страны и народы. Преходилъ безплодные камни *Аравіи*, благовонныя рощи *Іеменскія* и видѣлъ столь близкія между собою бѣдность и щастіе жителей. На берегахъ *Нила* осматривалъ онъ пирамиды, величественные и тщетные памятники *Фараоновъ*. При струяхъ Ганга разговаривалъ съ кроткими и мудрыми *Браминами*. Обращался съ *Персами* и странствующими *Монгалами*. Но ничто не остановило вниманія его толь пріятнымъ образомъ, какъ малое *гражданство добрыхъ людей*, которое населяло одну прекрасную долину на южной сторонѣ *Кавказа*. Ограждены горами отовсюду, они запретили входъ порокамъ, терзающимъ вселенную. Никогда вражда не возмущала ихъ спокойствія. Совѣтъ стариковъ управлялъ гражданствомъ. Молодые старалися превзойти другъ друга въ повиновеніи. Не было у нихъ радости болѣе, какъ сдѣлать что нибудь пріятное другому. Вся жизнь ихъ проходила во взаимныхъ услугахъ. Величайшее наказаніе было *стыдъ*. Кто три раза уличенъ былъ въ худомъ дѣлѣ передъ *совѣтомъ стариковъ*, терялъ *право гражданства* и долженъ былъ безъ пощады быть изгнанъ изъ долины. Но сколь долго процвѣтало сіе граждан-

ство, никто изъ *добрыхъ людей*, (такъ назывались жители) не довелъ себя до третьяго уличенія. *Алманзоръ* хотѣлъ бы навсегда остаться въ семъ щастливомъ обществѣ. Но верьховныя повелѣнія *Калифа* отзывали его обратно въ *Багдадъ*, гдѣ во всю жизнь свою исполнялъ онъ законы и дѣлалъ добро.

Общее благоволеніе къ человѣческому роду.

Духъ предпріимчивости и непросвѣщенное ревнованіе по закону, въ концѣ первагонадесять вѣка, распространили по большей части Европы суетный замыслъ избавить обѣтованныя земли отъ ига невѣрныхъ. По гласу восторженнаго проповѣдника *Петра пустынника*, безпокойное дворянство, столь же храброе, сколь незнающее и напоенное предразсужденіями рыцарства, предводимое множествомъ Князей, стекалося въ *Клермонтъ*, городъ *Оверніи*, украситься знаменіемъ *крестоваго витязя*. Несчетное воинство подъ начальствомъ *Годофреда* переносится въ *Азію* и облегаетъ священныя стѣны

Солима. Каждой день осада стѣсняется. *Христіанскіе* рыцари испытываютъ мужество свое въ единоборствахъ съ *Сарацинскими:* и суровый *Аладинъ* чувствуетъ, что выпадаетъ скиптръ изъ слабыхъ рукъ его.

Въ одну изъ вылазокъ, *Танкредъ,* витязь, оставившій плодородные холмы *Калабріи,* увлекается своею запальчивостію. Одинъ посреди непріятелей, мечемъ открываетъ себѣ дорогу. Возвращается; но мрачная ночь, безлунная, непогодная, заблуждаетъ стопы его. Громы ударяютъ безпрестанно; молнія ослѣпляетъ очи! И повсюду представляется дикая пустыня, стремнины, свергающіеся съ горъ потоки. Трескъ переломляемыхъ вѣтромъ деревъ повторяется ужаснѣе по дубравѣ.

Танкредъ шествуетъ утомленный цѣлую ночь. И уже уныніе начинало вкрадываться въ безстрашное его сердце, какъ вдругъ показывается отрадный блескъ лампады. Онъ ускоряетъ ходъ свой и видитъ себя предъ вратами пещеры. Проситъ гостепріимства: пустынникъ глубокой старости и неизмѣняемаго спокойства срѣтаетъ его сими словами:

Чего желаешь, странникъ? Въ сіе время ночи, въ оружіи! Ты конечно

изъ числа сихъ Западныхъ витязей, которые раззоряютъ мое отечество. Но ты человѣкъ и имѣешь нужду въ моей помощи. Я щастливъ, что могу быть тебѣ полезенъ.

Танкредъ.

Великодушный Мусульманинъ! ты долженъ ненавидѣть во мнѣ непріятеля — и даешь мнѣ убѣжище! . . .

Пустынникъ.

Сынъ мой! я не имѣю ни къ кому ненависти. Я живу здѣсь въ мирѣ со всѣми и съ собою. Человѣколюбіе есть самое лучшее служеніе Богу. Я могу заблуждаться въ моемъ понятіи о Вышнемъ Существѣ; но не въ состояніи мучить моего подобнаго, за тѣмъ что онъ другимъ образомъ думаетъ. Вы сами, когда нибудь сдѣлавшись просвѣщеннѣе, будете сожалѣть о безполезномъ свирѣпствѣ вашемъ. Богъ есть общій Отецъ человѣковъ. Онъ не требуетъ отмщенія слабыхъ смертныхъ. Любить другъ друга есть Его священная заповѣдь. Между тѣмъ войди въ пещеру мою, успокойся и почій.

Домашнее благополучіе.

Алваресъ увлеченъ былъ въ юности своей сіяющими мечтами честолюбія. По стопамъ *Кортеса,* исхитилъ онъ себя изъ стѣнъ любимой *Валенціи,* чтобъ устремляться за славою въ другой половинѣ свѣта. *Американцы,* устрашенные молніею, которая повиновалась смертнымъ, отрекались отъ слабой своей вольности. Но *Испанцы* обезчестили подвиги свои варварствомъ. Корыстолюбіе, способствуемое лжесвятствомъ, раззоряло сію землю, богатую и нещастную. Дерзали проповѣдывать незлобивымъ *Индійцамъ* съ мечемъ и пламенемъ Бога мира и кротости. Чувствительное сердце *Алваресово* было растерзано симъ оскорбленіемъ человѣческаго рода. Онъ не могъ болѣе оставаться въ обществѣ сихъ чудовищъ. Возвратясь въ нѣдро отечества, въ объятія родителя и нѣжной матери, онъ успокоилъ сердце свое сладостными чувствованіями дружбы и природы. Добродѣтельная супруга, дѣти, полныя надежды, довершили благополучіе его. Сельская хижина, рощица, пріятная долина не оставляли ему ничего желать болѣе. Музы посѣщали обитель его. Стройная *ци-*

тара издавала подъ перстами его плѣняющія согласія. На ней воспѣвалъ онъ незлобіе златаго вѣка, когда равенство царствовало между человѣками, учрежденіе обществъ, земледѣліе, первое изъ искусствъ и позорища опечаливающей брани.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, всѣ особы, составляющія семейство его, рука въ руку, послѣдовали по стезямъ *Алвареса* къ подошвѣ холма, на которомъ любилъ онъ забавляться бряцаніемъ цитары. Въ молчаніи притаились они за густотою кустарника. *Алваресъ*, препровождая себя цитарою, воспѣвалъ:

Торжественно для души моей приближеніе нощи! Нисходятъ на мракахъ небесныхъ величественное созерцаніе, восторги, благоговѣніе. Будьте благословенны, тихіе мраки вечера, разверзающіе предъ человѣкомъ картину творенія! Восхищенный взоръ мой теряется въ необъятномъ пространствѣ небесномъ. Солнцы, которыми оно усѣяно! какая сила удерживаетъ васъ посреди неизмѣримой бездны. Міры, катящіеся кругомъ ихъ! какая рука начертала вамъ круги сіи, которые вы безпрестанно описываете? Солнцы отвѣщаютъ сіяніемъ и міры возвыша-

ютъ гласъ свой: Онъ сотворилъ насъ, Онъ сохраняетъ, Онъ господствуетъ единый, Который единъ благъ, единъ праведенъ, единъ всесиленъ, всегда существуетъ, вездѣ присутствуетъ и Которой удостоиваетъ благоволенія Своего сердце чистое и добродѣтельное. . . Будьте благословенны, тихіе мраки вечера, разверзающіе предъ человѣкомъ картину творенія!..

Алваресъ нисходитъ съ холма, окончивъ пѣніе, когда любящая семья окружила его и каждой обнималъ попеременно восхищеннаго пѣснопѣвца.

Дружество великаго человѣка.

Эдуардъ Вильсонъ былъ сынъ именитаго гражданина Лондонскаго, который пріобрѣлъ себѣ чрезвычайныя сокровища успѣхомъ купеческихъ предпріятій своихъ въ Вестъ-Индіи, глубокими свѣденіями въ торговлѣ, но болѣе всего исправною честностію и общимъ довѣріемъ. *Англія,* возвеличенная славнымъ правленіемъ *Елисаветы,* приближалася къ сіянію своему. Всѣ пути государственнаго благополучія были отверсты. И вкусъ *Англичанъ,* про-

свѣщаемый твореніями *Шекспира* и *Спенсера*, избавлялся отъ порицанія варварства.

Но молодый *Эдуардъ*, котораго воспитаніе было опущено виновнымъ потворствомъ родителя, не старался сдѣлаться способнымъ къ дѣламъ гражданской жизни или украсить разумъ пріятностями письменъ. Дни его протекали въ различныхъ увеселеніяхъ. Зрѣлища, гулянья, конскія ристалища, общество молодыхъ людей, пріятныхъ и непостоянныхъ, поглощали все его время.

Были мгновенія, въ которыя, утомленъ весельями, обманутъ въ исполненіи тысячи желаній, покушался онъ уединиться отъ шума суетъ и жить съ самимъ собою; но разумъ его, непріученный мыслить, лишенный познаній и просвѣщенія, не могъ представить ему ничего пріятнаго, и скука повергала его стремительнѣе въ тѣже самыя суеты, которыхъ пустоту онъ чувствовалъ.

Веселостямъ послѣдовали происки честолюбія. Надежды его исполнялися. Мгновеніе почиталъ онъ себя почти вельможею. Ему мечталося, что онъ выше другихъ людей. Онъ имѣлъ ласкателей и враговъ. Но скоро научилъ его опытъ, что великой чинъ, безъ

личныхъ достоинствъ дѣлаетъ только презрительнымъ человѣка, которой его не заслуживаетъ. Ошибки его умножалися. Онъ былъ отброшенъ и забытъ. Сіе забвеніе спасало его отъ справедливаго гнѣва общества.

Между тѣмъ имѣніе его, безпрестанно уменьшаемое расточеніемъ, претерпѣло нечаянные уроны. *Эдуардъ* почелъ себя щастливымъ, что должники его согласилися принять малые остатки онаго въ удовлетвореніе ихъ требованій.

Тогда, утративъ всѣ внѣшніе дары щастія и не имѣя способовъ въ самомъ себѣ, *Вильсонъ* ничего не видѣлъ предъ собою, кромѣ отчаянія. Но случай доставилъ ему знакомство другаго нещастнаго, *Канцлера Бакона*. Виновный градоначальникъ, вмѣстѣ украшеніе вѣка своего и философіи, сей великій человѣкъ принялъ его и утѣшилъ. Онъ просвѣтилъ его разумъ и ввелъ во святилище природы. Онъ научилъ его поставлять благополучіе не во *внѣшнихъ вещахъ*, которыя случай похитить можетъ, но въ тѣхъ, которыя отъ него независимы, *въ добродѣтели, въ украшеніи разума, въ знаніяхъ*. *Вильсонъ* почувствовалъ цѣну ученія и не жалѣлъ честей и сокровищъ: ихъ потерею пріобрѣлъ онъ *дружество*

великаго человѣка. Онъ пребылъ неотлучно при благодѣтелѣ своемъ. Лишенъ общества его смертію, воздалъ ему послѣдній долгъ, и первой оплакивалъ *возобновителя Философіи.*

Примѣръ Государя.

Въ *Парижѣ* все обратилося видѣть Великаго Государя, просвѣтителя *Россіи.* Удивлялися великости духа его, проницательности, выраженію. Слѣдовали за нимъ въ Академіи, на гулянья, въ зданіе увѣчныхъ воиновъ. Разсказывали малѣйшія дѣянія его, повторяли рѣчи. *Маркизъ д'Алегръ* одинъ, удрученный немощами старости въ подгорной деревнѣ своей, жаловался безполезно, что не имѣетъ болѣе той легкости, которою отличался онъ нѣкогда при сіяющемъ дворѣ *Лудовика XIV.* Нѣсколько молодыхъ людей, скромныхъ и благовоспитанныхъ, оживляли старость его веселостію лѣтъ своихъ. И дряхлый Генералъ удостоивалъ ихъ совѣтами, давалъ имъ наставленія вѣжливости и поведенія, разсказывалъ происшествія прошедшаго времени. „*Обвиняйте меня пристрасті-*

емъ, предразсужденіемъ, сколько хотите, говорилъ онъ, обращаяся къ Кавалеру Тервилю, *я буду безпрестанно сожалѣть о вѣкѣ сіянія и славы, котораго я видѣлъ теченіе и который все свое величіе заимствовалъ отъ души Лудовика XIV; за тѣмъ что примѣръ Государя образуетъ цѣлой народъ. Вы видите тому живое доказательство въ побѣдителѣ Карла XII. Онъ возвышаетъ съ собою страну свою и шествуетъ большими стопами къ безсмертію, оставляя потомству попеченіе о славѣ своей. Лудовикъ XIV, менѣе терпѣливый, любилъ наслаждаться и при жизни сіяніемъ, происходящимъ отъ великихъ дѣлъ. Онъ занялъ всѣ пути къ славѣ: побѣды, искусства, просвѣщеніе, великолѣпіе. Щастіе, согласное съ желаніемъ его, окружило престолъ его великими людьми во всѣхъ родахъ. Я не могу вспомнить безъ восхищенія, что, будучи поставленъ между ими Провидѣніемъ, я наслаждался присутствіемъ ихъ, обращеніемъ. Я началъ службу подъ знаменами великаго Конде и Тюренна. Между начальниками и сослуживцами своими считаю Люксамбурга, Креки, Буфлера, Вандома, Катината, Вилара. Вобанъ устроивалъ оса-*

ды наши во Фландріи. Возвращаяся изъ похода, находили мы при дворѣ и въ городѣ великолѣпнѣйшее зрѣлище искусствъ, общественной вѣжливости и вкуса. Возвышалися зданія, раждалася торговля подъ покровительствомъ Колберта. Превосходныя творенія установляли красоту языка. Мы видѣли Расина и Буало, призванныхъ въ общество Государя. Корнель при кончинѣ своей получалъ знаки благоволенія его. Мы слышали проповѣдающихъ Боссюета, Флешьера, Массильона. Я чувствовалъ болѣе любви къ добродѣтели послѣ разговора съ Фенелономъ. Мольеръ читывалъ мнѣ явленія изъ своихъ комедій; Лафонтенъ неподражаемыя басни. Госпожа Севинье удостоивала меня своею перепискою. Я видѣлъ Пуссеня, ле Сюера, ле Брюна въ часы работы ихъ; Пюжета и Жирардона съ рѣзцемъ въ рукѣ; слышалъ, какъ при Люлліевой гармоніи становилися еще сладостнѣе стихи Кинольтовы. Таково было столѣтіе, въ заглавіи котораго сіяетъ имя Лудовика XIV. Я не знаю, друзья мои, будетъ ли то, которое вы начинаете, столько же изобильно дарованіями и славою. Можетъ быть молодый пріятель нашъ Аруетъ, и

самъ остатокъ великаго вѣка, поддержитъ сіяніе слѣдующаго. — Да вотъ и онъ кстати. Мы только о васъ говорили, Г. Аруетъ. Не можно болѣе одолжать друзей своихъ, какъ вы. Но надобно держать свое слово. Вы намъ обѣщали сегодня вашу трагедію.

Всѣ приближилися, составили кружокъ; и Аруетъ, сѣвши подлѣ *Маркиза,* началъ чтеніе своего *Эдипа.*

Нравственное чувство.

Спокойствіе было нарушено въ Нѣмецкой землѣ. Дщерь *Кесарей* сражалась за право на отеческое наслѣдіе и Государь Философъ увѣнчевался первыми пальмами побѣды. Слава разносила повсюду имя и дѣла *Фридриха втораго.* Пораженъ ею, шестнадцатилѣтній юноша, *Графъ Рейхенбахъ* забываетъ отечество, родителя, пріятности изобильной и спокойной жизни для единственнаго удовольствія служить подъ знаменами *Героя Пруссіи.* Омрачаемъ прелестію славы, въ трудахъ военной жизни, не слышитъ онъ или старается не слышать гласа со-

вѣсти, его обвиняющаго. Каждой день возсылая на небо горячія моленія о здравіи древняго родителя и нѣжной матери, думаетъ, что уменьшаетъ каждой день вину свою и питается радостною надеждою получить нѣкогда ихъ прощеніе и быть приняту въ ихъ объятія, когда, насыщенный честію, достигнетъ онъ сіяющей чреды начальства и отличій храбрости. Начало его было ознаменовано успѣхами. Пожалованъ Прапорщикомъ на мѣстѣ сраженія, онъ заслужилъ почтеніе и взоръ Государя, верьховное воздаяніе военнаго человѣка. Каждая битва служила ему степенію къ возвышенію. Онъ имѣлъ уже роту на *Фридбергской*. Болѣе нежели когда нибудь показалъ онъ здѣсь свою неустрашимость: повелѣвая отрядомъ храбрыхъ онъ гнался за убѣгающею толпою непріятелей, взялъ множество плѣнниковъ, обезоружилъ самаго предводительствовавшаго ею Офицера. Но между тѣмъ, какъ сей уклоняется отъ изнеможенія подъ тѣнь развѣсистаго дуба и *Рейхенбахъ* всматривается въ него пристально: какой ужасъ объемлетъ побѣдителя? Онъ узнаетъ двоюроднаго брата своего *Алберта*. Сіе зрѣніе возбуждаетъ во глубинѣ сердца его усыпленнное угрызеніе. Онъ не смѣетъ вопрошать его, сколько ни

желаетъ. Но *Албертъ* изливаетъ на него всю горесть упрековъ. *Нещастный!* восклицаетъ онъ, *родителей твоихъ уже нѣтъ въ мірѣ. Твое позорное бѣгство ускорило ихъ старость. Я самъ желаю умереть, чтобъ не видѣть болѣе такого измѣнника, какъ ты.* Капитанъ остается безмолвенъ, недвижимъ и отъ излишества чувствительности, кажется, ничего не чувствуетъ. Онъ возвращаетъ чины свои и грамоты. Влечется въ милую и печальную *Швабію*, въ сей замокъ, въ которомъ безвинная юность его образовалась наставленіями и примѣрами добродѣтели. Долго недвижимъ, какъ пригвожденъ ко хладной доскѣ, покрывающей остатки родителей. Какая рука подастъ ему облегченіе? Твоя, добродѣтельный *Геллертъ*, начертавшая утѣшенія прискорбнымъ. Книга становится другомъ нещастнаго. Она возбуждаетъ въ сердцѣ его сладкую надежду, очищаетъ раскаяніе и пріуготовляетъ къ терпѣнію жизни. Благодѣтель поселянъ, *Рейхенбахъ* низлагаетъ между ими кровавый мечь и вѣренъ вліяніямъ *нравственнаго чувства*, находитъ утѣшеніе свое въ щастіи другихъ.

Собользнованіе къ страждущимъ.

Идиллія.

Сочиненіе *Клейста*, славнаго стихотворца Нѣмецкаго.

Будь здравъ, *Филинтъ*, будь здравъ и щастливъ! благословенъ сей день, что мнѣ тебя даруетъ. О добрый старецъ! сколь давно тебя я не видалъ! Съ тѣхъ поръ и болѣе сѣдиной главу твою покрыла старость. Приди и отдохни подъ зыблющейся тѣнью. Приди, здѣсь виноградъ къ себѣ насъ призываетъ; тамъ сладкая смоковница! Вкуси отъ плодовъ: они уже созрѣли.

Такъ говорилъ *Цефисъ*, когда *Филинтъ* пришелъ въ его гостепріимную сѣнь. Потомъ они въ саду прогуливались оба. Убогій, скорбный старецъ вкусилъ спокойствіе подъ тѣнію древесной и воздалъ похвалу смоковницѣ и сладкому плоду ея.

Сія смоковница, сказалъ *Цефисъ*, отнынѣ, о *Филинтъ*, пускай твоею будетъ. Впредь буду для тебя я укрывать ее, когда морозъ отягощаетъ землю. Впредь будетъ для тебя она здѣсь расцвѣтать и приносить сладкій плодъ.

Однакоже *Филинтъ* не долго жилъ.... Ему смоковница плодовъ не приносила. И слезы лилъ надъ нимъ *Цефисъ* и самъ желалъ такъ бѣденъ умереть и также честенъ, какъ *Филинтъ*. Онъ предалъ трупъ его землѣ, подъ деревомъ его, и памятникъ соорудилъ, увѣнчанный кругомъ и розами и томнымъ кипарисомъ.

Съ тѣхъ поръ при мѣсячномъ сіяніи онъ слышитъ иногда нѣкое движеніе въ корѣ древесной, и шопотъ сладостный отъ гроба проникаетъ, которой, кажется, благодаритъ ему.

И каждой годъ ему приноситъ садъ его плоды и виноградъ въ великомъ изобиліи, за тѣмъ что Небеса всегда благословляютъ смиреніе и добродѣтель.

Установленіе гражданскаго общества въ Греціи.

Пеласгами назывались первые обитатели *Греціи*. Но страна сія, послѣ столь славная вольностію, просвѣщеніемъ, добродѣтелями, тогда сообразовалася еще съ дикостію жителей. Дремучіе лѣса дѣлали горы ея неприступ-

ными. Долины лежали сокрыты подъ разлитіемъ водъ. Разносилися рыканія свирѣпыхъ звѣрей и поражали ужасомъ разсѣянныхъ смертныхъ, которые во мракѣ пещеръ и на высотѣ древесъ искали убѣжища. Не было сообщенія между людьми: не было языка, которой не можетъ существовать прежде общества. Тѣлодвиженія, грубые вопли, исторженные силою опасности, заступали мѣсто онаго. Каждой занятъ былъ единственно *сохраненіемъ самаго себя*, симъ первымъ закономъ естественнымъ. Защищаться отъ нанесенія обиды силою рукъ или спасаться скоростію бѣгства были слѣдствіемъ онаго. Похищали другъ у друга скудную пищу, дикія прозябенія и жолудь древнихъ дубовъ. Самой огонь имъ не былъ извѣстенъ. Безъ намѣренія, безъ предвидѣнія, *дикой человѣкъ* утомлялся исканіемъ пищи и провождалъ остатокъ дня во снѣ и праздности. Мало по малу возвышался человѣческій родъ случайными откровеніями. При чистыхъ источникахъ сдѣлали люди первыя знакомства и дружества, установили языкъ, построили общественную сѣнь, изобрѣли грубыя оружія и сами звѣрямъ стали страшны. Съ тѣхъ поръ ловля сдѣлалась состояніемъ и страстію человѣка. На охотѣ встрѣчалися разныя сообщества и оспо-

ривали добычу другъ у друга. Оттуда непримиримыя брани, понятіе *собственности*, попеченіе о *безопасности*. Надобно было вступить во взаимныя обязательства общества. Сдѣлались извѣстны имена *Гражданина*, *Вождя*, *Судіи*. Тогда благодѣтельные иностранцы принесли имъ недостающія искусства *земледѣлія*, *ваянія металловъ*, *письменъ* изъ земель, древнѣе просвѣщенныхъ: *Кекропсъ* и *Данай* изъ *Египта*, *Кадмъ* изъ *Финикіи* и *Пелопсъ* изъ *Фригіи*. Создалися города и общество установилося.

Путешествіе Анахарсиса.

Скиѳія славилась не одною храбростію и правдивостію своихъ народовъ. Она произвела *Анахарсиса*, которой нашелся достойнымъ бесѣдовать съ мудрецами Греціи. Оставивъ *Тану*, сельскій городъ при берегахъ *Меотійскаго озера*, посѣщалъ онъ сіяющія *Аѳины*, *Коринѳъ*, *Элиду*. Проницательный взоръ его постигъ обязательства *народнаго права*, подъ священною стражею котораго сохраняются пользы народовъ.

Возвратясь въ отечество, уступаетъ онъ нескромному усердію пре-

нести въ лоно его учрежденія Грековъ. Другъ *Солоновъ* хочетъ быть соревнователемъ его. Предстаетъ предъ думою старѣйшинъ. „*Сограждане!* го„воритъ онъ, *я былъ внѣ отечества,* „*имѣя его безпрестанно въ сердцѣ* „*моемъ, желая что нибудь приба*„*вить къ благополучію его. Кро*„*тость нравовъ, просвѣщеніе, пови*„*новеніе законамъ составляютъ пріятности человѣческаго общества.* „*Какъ частный человѣкъ обращается* „*съ другимъ по основаніямъ справед*„*ливости: такъ собирательное тѣло* „*народа долженствуетъ поступать* „*съ другими народами, защищая без*„*опасность, вольность, честь свою,* „*и въ другихъ уважая оныя. Варваръ* „*услаждается войною; просвѣщен*„*ный воюетъ только для того, чтобъ* „*достигнуть постояннаго мира. Въ* „*самомъ непріятелѣ своемъ почи*„*таетъ онъ человѣка и уменьшаетъ,* „*сколько можетъ, нещастія войны.* „*Состояніе блаженства есть состоя*„*ніе мира. Распространимъ его на* „*неизмѣримыя долины Скиѳіи. Со*„*ставимъ священные союзы со сродственными племенами. Пригла*„*симъ къ тишинѣ, къ искусствамъ* „*и земледѣлію обитателей Борис*„*ѳена и Танаиса. Отправимъ пословъ,*

„посредниковъ мира, уставимъ общее „судилище, въ которомъ бы распри „народовъ разбиралися дружелюбно „и устыдимся грабежа и хищенія.“

Онъ хотѣлъ продолжать болѣе—но шумъ неудовольствія пробѣжалъ по собранію. Освирѣпѣли взоры *Скиѳовъ* и колчаны за спинами ихъ зазвенѣли.

Опечаленный *Анахарсисъ* заключилъ истину въ сердцѣ своемъ и оставилъ времени начать и совершить великое дѣло просвѣщенія.

Опыты, касающіеся Военной Исторіи.

Въ баснословіи, которое часто скрываетъ общія и постоянныя истины подъ покровомъ вымышленныхъ приключеній, Прометей за то наказывается богами, что онъ даровалъ смертнымъ огонь, похищенный имъ съ неба; огонь, прообразованіе и средство искусствъ. Боги приковали Прометея на острыхъ камняхъ вершинъ Кавказскихъ, въ краю послѣднемъ, неприступномъ — и припустили къ сердцу его хищнаго врана, который пожираетъ безпрестанно возраждающуюся плоть его. Такого нака-

занія почли они достойнымъ человѣколюбиваго хищника, который изобрѣтеніемъ искусствъ доставилъ человѣкамъ преимущество боговъ — творить и повелѣвать природою. Сія остроумная похвала искусствамъ дѣлаетъ честь Греческимъ разумамъ, которые въ младенчествѣ искусствъ умѣли предвидѣть полное сіяніе совершенства ихъ. Пристрастное воображеніе ихъ возвышало къ чудесамъ первыя произведенія искусствъ. Такимъ образомъ стѣны Ѳивскія созидалися по звукамъ Амѳіоновой лиры. Сами боги, Нептунъ и Аполлонъ, строили твердыни Троянскія, и другіе боги долженствовали ихъ разрушить введеніемъ сего огромнаго коня, который превышалъ бойницы раскатовъ, и былъ конечно махина, устроенная для ниспроверженія стѣнъ. Чтобы сказали они, ежели бы, современники наши, были они свидѣтелями того, что производятъ каждой день искусства для пользы, защищенія или удовольствія нашего? Глубокое размышленіе, щастливый случай и божественная искра, которая вылетаетъ внезапу изъ персей преимущественныхъ Геніевъ, распространяетъ до безконечности предѣлы искусствъ и увеличиваетъ силы человѣческаго рода. Послѣдованіе времени прибавляетъ безпрестанно къ изобрѣ-

тенію, и то, что было прежде игрою любопытства, становится важнымъ и неодолимымъ способомъ. Дитя забавляяся въ лавкѣ стекольщика составленіемъ стеколъ выпуклаго и вогнутаго, подало поводъ къ изобрѣтенію телескоповъ, которые простираютъ зрѣніе наше до предѣловъ творенія, и показываютъ намъ, сколь малую часть цѣлаго составляетъ то, что мы называемъ вселенною. Но когда знаніе и искусство захотятъ творить, какъ будто состязаясь съ судьбою и внезапностію: то шаги ихъ, всегда вѣрные и исчисленные, достигаютъ отдаленной цѣли, и составляютъ славу человѣческаго разума. Такимъ образомъ Архимедъ, творецъ Механики, заключенный въ стѣнахъ Сиракузъ, осажденныхъ Маркелломъ (который первый поколебалъ щастіе Аннибала) Архимедъ издали останавливаетъ его искусствомъ своимъ: огромными зеркалами, художественно составленными, низводитъ огонь солнечный, направляетъ его на корабли Римскіе и дѣлаетъ ихъ посреди моря — жертвою пламени. Съ другой стороны подымаетъ онъ орудіями и разсыпаетъ на воздухъ стѣнобитныя башни, которыя Маркеллъ подводитъ къ городу. Онъ имѣлъ неоспоримую славу, безъ оружія въ ру-

кахъ, похищать побѣду у страшнаго войска и великаго полководца. Какъ сожалѣлъ Маркеллъ, когда узналъ, что въ безпорядкѣ приступа и грабежа, *Архимедъ*, спокойный и углубленный въ рѣшеніе Математической задачи, былъ убитъ недостойнымъ образомъ воинами, ворвавшимися въ его учебную храмину и раздраженными при видѣ человѣка, столь спокойнаго среди шума оружій и воплей побѣжденныхъ и побѣдителей! — Случайное открытіе огнестрѣльнаго пороха перемѣнило образъ войны и осадъ, но не можетъ сдѣлать помощь наукъ и искусствъ безполезною; оно присоединило къ нимъ тѣснѣе военное искусство, и окружило станъ воиновъ *мастерскими* художниковъ. Съ тѣхъ поръ безпрестанно движется молотъ, умягчающій металлы, и дающій имъ образы смертоносныхъ оружій. Химія, Металлургія, Механика, Физика служатъ общими силами военному искусству; Математика вообще и въ особенности искусство укрѣплять мѣста и сродственное ему искусство метать въ желаемую цѣль тягости посредствомъ пороха, стали неразлучны съ состояніемъ воина. Выборъ мѣстоположеній для становъ и для походовъ войска есть важная часть военнаго искусства, несрав-

ненно облегчаемая Геометрическими познаніями. Посредствомъ ихъ прозорливый путеводитель войска доставляетъ сторонѣ своей безцѣнную выгоду имѣть передъ глазами всѣ пособія и затрудненія земли, на которой онъ располагаетъ его. Ученые глаза полководца видятъ тотчасъ на подробной картѣ земли ту точку, гдѣ онъ долженъ, гдѣ онъ можетъ остановить непріятеля и прекратить ему способы къ возвращенію.

Польза законовъ и мира.

Война есть насильственное состояніе Государствъ. Настоящее благополучіе есть безопасность и спокойствіе гражданъ, изобиліе, трудолюбіе, благонравіе, законы.

Самое лучшее правленіе есть то, въ которомъ гражданинъ можетъ пользоваться всѣми правами и способностями человѣка, сколько не вредятъ онѣ другимъ его согражданамъ. Сіе состояніе называется вольностію, и есть священное право всего человѣчества. Великіе люди между Государями были исполнены почтенія къ оному. Тѣ, ко-

торые осмѣлились попирать его ногами, Тиберіи, Каллигулы, Нероны, бѣснующіеся изверги, суть гнушеніе вселенной. Напротивъ того, Титъ и Траянъ въ позднѣйшія времена будутъ называться любовію и услажденіемъ человѣческаго рода, за тѣмъ что они посвятили себя на служеніе оному. Есть завоеватели между самыхъ варварскихъ ордъ; но просвѣщеніе, кротость нравовъ, законоположенія находятся только въ тѣхъ народахъ, которые болѣе приближились къ совершенству. Римъ въ основаніи своемъ походилъ болѣе на станъ воиновъ; *Нума Помпилій* далъ ему сіяніе и безопасность города, укротивъ нравы свирѣпыхъ Римлянъ. Онъ возвысилъ души ихъ къ богопочитанію, заставилъ уважать человѣчество, пріучилъ къ сохраненію клятвы. Римляне его учрежденіями изъ хищниковъ сдѣлались настоящими гражданами, и гнушаясь жить раззореніемъ и грабежемъ, познали честность и справедливость въ частныхъ и общественныхъ своихъ дѣяніяхъ. Съ тѣхъ поръ народъ Римскій почитался самымъ справедливымъ и богобоязненнымъ. Отложивъ страхи свои, окрестные народы принимали его судіею въ своихъ сосѣдственныхъ распряхъ. Римляне свято чтили народное

право (*), и сіе увѣреніе много способствовало къ утвержденію ихъ владычества. Никогда Римъ не былъ подозрѣваемъ въ обманѣ. Столь сильное впечатлѣніе произвели надъ нимъ мудрыя учрежденія *Нумы Помпилія*. Проведя сорокъ лѣтъ жизни своей частнымъ человѣкомъ въ Сабинскомъ городѣ *Куритахъ*, исполняя всѣ добродѣтели, размышляя и поучаяся въ молчаніи священномъ лѣсовъ, онъ былъ удивленъ призваніемъ его на престолъ Римскій. Зная бремя правленія, долго отрицался онъ отъ воспріятія онаго. Надобно было, чтобъ отецъ его и сродники убѣдили его не отклоняться верьховнаго сана. Освятивъ возвышеніе свое священными обрядами, сооружаетъ онъ храмы, учреждаетъ Первосвященниковъ, и не менѣе печется о царствѣ, какъ о сохраненіи мира. Созданный имъ храмъ *Янусовъ* его рукою *затворяется*. Уединяяся по обыкновенію своему въ прохладную рощу къ источнику *Эгеріи*, гдѣ, повѣствуютъ, являлась ему сія Нимфа и поучала бесѣдою своею, полагалъ онъ мудрые законы, старался просвѣтить грубый разумъ Римлянъ ученіями Музъ, наблюдалъ природу и

(*) Въ началѣ Республики.

теченіе свѣтилъ небесныхъ. Въ его царствованіе, казалось, сама добродѣтель управляла Римлянами и дѣлала ихъ добрѣе и щастливѣе.

Предложеніе.

Часто случалось мнѣ разсуждать въ самомъ себѣ, можетъ ли гражданинъ уклониться отъ безпокойствія общественныхъ дѣлъ, и воспретивъ себѣ всякое честолюбіе, согласиться провести дни свои въ глубокой неизвѣстности и ненарушимомъ покоѣ: состояніе, столько возвышаемое послѣдователями нѣкоторой древней философіи и которое иногда находитъ защищеніе свое въ глубинѣ человѣческаго сердца.

Мнѣ казалось всякой разъ, что сіе робкое удаленіе отъ трудовъ, опасностей и раздѣленія общаго бремени столько же противно самому началу обществъ, сколько уничижительно для человѣческой природы. Ибо если одинъ членъ общества почитаетъ позволеннымъ себѣ отнятіе содѣйствія своего: то и всѣ члены, будучи столько же въ томъ оправданы, могутъ пресѣчь

общіе труды свои — и узы общества разрушатся.

Если же сей одинъ гражданинъ присвояетъ себѣ исключительное право покоиться, между тѣмъ какъ другіе въ потѣ лица своего жертвуютъ жизнію и здравіемъ для доставленія ему благоденствія: то онъ присоединяетъ къ несправедливости мрачнѣйшую неблагодарность. Онъ дѣлается тягостію общества, посреди котораго родился.

Съ другой стороны — спрашиваю — когда человѣкъ достигаетъ болѣе совершенства? Когда, окруженный трудными обстоятельствами, онъ умѣетъ исполнить высокія должности, принесть великія жертвы и отрицаніемъ самаго себя превзойти всѣ подвиги мужества. Какое сердце остается нечувствительно при обѣтѣ *Децiя,* обрекшаго себя за отечество! Съ какимъ благоговѣніемъ взираемъ мы на Регула, который возвращается на мученія, чтобъ избавить отечество отъ унизительныхъ законовъ. Въ ихъ страданіяхъ чувствовали они превосходное услажденіе, происходящее отъ внутренняго сознанія добродѣтельныхъ своихъ подвиговъ. Чтобы прибавила къ щастію ихъ продолженная въ спокойствіи жизнь? *Ахиллесъ желаетъ ее краткую, но славную.* Такъ! природа не безъ пользы

положила въ человѣкѣ желаніе славы. Сею пружиною возбуждаются невѣдомыя способности, спящія во глубинѣ сердца. То, которое умерло для славы, умерло для добродѣтели.

Но, скажутъ можетъ быть, честолюбіе ведетъ злодѣйства по стопамъ своимъ. *Силла* обагряетъ Римъ кровію; *Кесарь* порабощаетъ его. Лѣтописи свѣта наполнены ужасными именами завоевателей, которые кровію и слезами народовъ хотѣли купить себѣ преходящій звукъ славы.

Отличимъ невинное побужденіе, которое природа питаетъ прелестію добродѣтелей, отъ исключительной любви къ самому себѣ, для которой честолюбцы преобращали толь часто цвѣтущія государства — въ пустыню. Всѣ сіи раззорители вселенной *обманулись* въ предметѣ желаній своихъ, или не имѣли довольно великой и просвѣщенной души, чтобъ посвятить жизнь свою блаженству человѣческаго рода. Ежели не можно приближиться смертнымъ къ самой безкорыстной добродѣтели: пускай благородныя души научатся справедливымъ образомъ удивляться подвигамъ, честь или пользу человѣчеству доставляющимъ; пускай посвятятъ они жизнь свою похвальнымъ трудамъ; пускай отъ самой мла-

дости боятся очарованій лѣности и пагубной роскоши. Праздность должна быть только отдохновеніемъ отъ трудовъ; никогда—состояніемъ жизни. Роскошь бездѣйственной жизни обращается въ несносную скуку, когда не достаетъ внутренняго свидѣтельства совѣсти — сладчайшей награды добродѣтели!

О слогѣ.

Отличное чувствованіе, Вкусъ, доставляетъ намъ понятіе прекраснаго. Онъ распростираетъ владычество свое надъ искусствами и письменами. Истина имѣетъ основаніе свое на доказательствѣ и разсужденіи. Красоты поэмы или картины *убѣгаютъ* отъ строгости доказательства. Тонкой разумъ, чувствительное сердце, нѣжный слухъ, одни въ состояніи быть поражены согласіемъ Расина или неизъяснимою пріятностію Лафонтена и творца Душеньки. Въ ученіи образцовъ должно похитить сію искру чувствительности, которая наполняетъ насъ почтеніемъ и пристрастіемъ къ красотамъ ихъ, простымъ и величественнымъ. *Горацій* совѣтуетъ безпрестанно поучаться въ

Гомерѣ и *Платонѣ*. *Квинтиліанъ* увѣряетъ, что тотъ много уже успѣлъ въ краснорѣчіи, кому нравится Цицеронъ. Прилѣжное чтеніе лучшихъ писателей языка своего производитъ тоже дѣйствіе въ слогѣ нашемъ, что обхожденіе учтивѣйшихъ людей надъ нравами. Составляешь себѣ нечувствительно образъ писанія, который бы присвоили себѣ безъ затрудненія пріятнѣйшіе писатели земли твоей. И скоро не возможно будетъ позволить себѣ несвойственное выраженіе или порочный образъ размышленія. Впрочемъ главнѣйшія достоинства слога суть ясность и движеніе. Надобно, чтобъ выраженіе представляло вѣрное и полное изображеніе мысли. Все, что изображаетъ менѣе или болѣе *настоящаго*, ослабляетъ выраженіе. Мысль опредѣляетъ теченіе слога. Самой простый можетъ быть благороденъ. Вмѣстѣ съ содержаніемъ долженъ онъ нисходить или возвышаться. Большія движенія приличны только оратору и высокимъ предметамъ. Такимъ образомъ истинно величественно движеніе нашего священнаго Витіи Платона, когда при гробѣ Петра Великаго обращаетъ онъ слово къ сему Основателю Россійскаго флота и повергаетъ къ стопамъ его флаги Турецкіе! Требуется,

чтобъ слова избранныя, ясныя, благородныя и въ составленіи своемъ не оскорбляли слуха. И Ораторъ наблюдаетъ согласіе періодовъ, хотя не имѣетъ предписанной *формы*, такъ какъ Стихотворецъ. Есть нѣкоторыя слова и словосочиненія, позволенныя только сему послѣднему. Напримѣръ, въ сихъ строкахъ можно узнать *разбросанные члены Стихотворца* (*).

,,Премудраго Россійскаго Героя пою, который, города, полки и флоты строя, отъ самыхъ юныхъ лѣтъ велъ войну со злобой; проходя сквозь страхи, вознесъ свою страну; смирилъ злодѣевъ внутрь и внѣ попралъ, разумомъ и рукой свергъ льстивыхъ и дерзостныхъ.

Пою премудраго Россійскаго Героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
Отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ со злобой велъ войну,
Сквозь страхи проходя, вознесъ свою страну;
Смирилъ злодѣевъ внутрь и внѣ попралъ противныхъ,
Рукой и разумомъ свергъ дерзостныхъ и льстивныхъ.

(*) Disjecti membra Poetæ. *Горацій.*

Владычество нравоученія.

Прочія Науки требуютъ множества внѣшнихъ знаній и опытовъ и безпрестанно удаляютъ насъ отъ самихъ себя; Нравоученіе, напротивъ того, занимаетъ насъ единственно нашимъ собственнымъ благополучіемъ. Всѣ опыты его происходятъ въ сердцѣ нашемъ; оно легче чувствуется, нежели можетъ быть изъяснено разуму словами. Величайшіе умы находили въ размышленіи объ ономъ пользу и удовольствіе; многіе способы изобрѣтены для преподаванія онаго. Исторія обогащаетъ насъ примѣрами изъ прошедшихъ вѣковъ. Вымыслъ одѣваетъ истины Нравоученія украшеніями басни. Онѣ переходятъ на театръ и учатъ насъ добродѣтели, представляя ее торжествующею надъ нещастіемъ, или показывая порокъ въ гнусномъ его видѣ. Воспитаніе, которое даютъ намъ въ младенчествѣ, внушаетъ намъ безпрестанно пріятную необходимость быть добрымъ, сострадательнымъ къ нещастію, правосуднымъ, умѣреннымъ. Противныя качества называются порокомъ. Онѣ приводятъ насъ къ нещастію ложнымъ обѣщаніемъ благополучія. Мы только отъ того порочны, что мы

незнающи. Такъ какъ блуждающіе огни, которые заводятъ ночью путешественника на край глубокихъ пропастей, пороки, прельщая незнаніе наше своевольнымъ исполненіемъ нашихъ прихотей, повергаютъ насъ въ отчаяніе и предаютъ презрѣнію всего свѣта. Неумѣренный думаетъ найти удовольствіе въ пиршествахъ, въ роскоши, въ пьянствѣ; а находитъ немощь, бѣдность, поруганіе, смерть. Честолюбивый хочетъ свободныхъ людей сдѣлать рабами: онъ становится ужасомъ свѣта. Лукавый хочетъ лестію, лицемѣрствомъ, обманомъ овладѣть умами людей, и дѣлаетъ зло подъ личиною добродѣтели: онъ не можетъ обмануть себя, и между тѣмъ какъ всѣ почитаютъ его добродѣтельнымъ, собственное сердце, неумолимое, называетъ его злодѣемъ. Нѣтъ! онъ не можетъ быть щастливъ, и часто желаетъ всему свѣту исповѣдать вину свою. Тотъ напротивъ, который никому зла не желаетъ, никого не обманываетъ, никого не обижаетъ, почитаетъ въ другихъ самаго себя, стыдится сдѣлать что нибудь неблагопристойное, исполняетъ безпрестанно свои обязанности, слушается приказаній совѣсти своей и наслаждается чистымъ спокойствіемъ души. Пускай неправосудные от-

нимаютъ у него богатства; пусть отечество его неблагодарно будетъ; здоровье подвержено страданіямъ; въ заточеніи, въ темницѣ, подъ мечемъ мучителя, онъ еще щастливъ, ежели совѣсть его не обвиняетъ злымъ дѣломъ; между тѣмъ какъ порочный мучится на роскошной постелѣ и подъ великолѣпнымъ балдахиномъ. Изображать божественныя красоты добродѣтели и безобразіе порока, есть предметъ Нравоученія. Оно разсматриваетъ человѣка въ первой его дикости, въ обществѣ, въ повиновеніи законамъ и правленію. Оно старается привести разныя его склонности къ одному источнику и предписываетъ должности, которыми онъ обязанъ Богу, самому себѣ, ближнему, семейству, всему человѣческому роду. Нравоученіе имѣетъ великое вліяніе на Науку Правленія и знаніе законовъ. Между тѣмъ какъ Физика истолковываетъ намъ то, что внѣ насъ происходитъ, Нравоученіе открываетъ то, что бываетъ въ самомъ существѣ.

Внутреннее сознаніе, второй источникъ понятій.

Способность получать впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ *всѣми путями, на которыхъ они могутъ встрѣтиться,* очами, слухомъ, всею поверхностію нашею, даетъ разуму безчисленныя понятія окружающихъ насъ тѣлъ и явленій естественныхъ. Но сіе *животное чувство* или *пониманіе,* нижайшая степень разума (ежели бы дѣянія его не были неразлучны и единовременны), не есть единственный источникъ ощущеній. Внутри насъ самихъ и независимо отъ внѣшнихъ чувствъ, происходятъ понятія, соотвѣтственныя состоянію нашему. Чрезъ сіе мы дѣлаемся наблюдателями собственныхъ дѣйствій нашихъ. Мы чувствуемъ себя размышляющихъ, постигающихъ истину, вкушающихъ удовольствіе или прискорбіе, привлекаемыхъ или отвращаемыхъ какою нибудь вещію. *Сіе обращеніе на самаго себя или внутреннее сознаніе,* дѣйствуя различными способами, образуетъ понятія, полученныя чувствами. Оно соединяетъ между ими сродственныя, извлекаетъ различія, предпо-

лагаетъ нѣкоторый общій порядокъ, въ который составляются пріобрѣтаемыя знанія, по мѣрѣ присовокупленія ихъ. Призываются древнія понятія, и мечтанія иногда устремляютъ полетъ свой. Безъ всякаго труда, по большой части послѣдуя опыту, привычкѣ и общему смыслу, поступаетъ оно при обыкновенныхъ происшествіяхъ общежитія. Но будучи занято глубокими умствованіями или объято страстію, оно въ состояніи остановить на время дѣйствіе внѣшнихъ чувствъ. Человѣкъ, кажется, тогда заключенъ самъ въ себѣ, и отверстые глаза его не видятъ, что происходитъ передъ ними. Я повторю повѣсть объ Архимедѣ. Углубленный въ рѣшеніе Геометрической задачи, онъ не слыхалъ приступа Маркеллова, и умолялъ свирѣпаго воина продлить жизнь его только до рѣшенія. Часто видали Лафонтена, щастливаго слагателя басенъ, впадающаго въ глубокую задумчивость посреди недокончанной рѣчи: онъ сочинялъ свои прекрасныя басни! Такимъ образомъ вниманіе и охота влагаетъ новыя силы и преодолѣваетъ трудности; недостатокъ вниманія затмѣваетъ яснѣйшія понятія и наводитъ тяжелой сонъ унынія и скуки. Ибо ничто не способствуетъ столько къ благополучію че-

ловѣка, какъ умѣренное упражненіе способностей его. Тогда только время протекаетъ легко и быстро; самое наслажденіе становится живѣе: ибо тогда человѣкъ доволенъ самимъ собою. Важный и новый предметъ внутренняго сознанія, нравственное чувство! — Тою же самою силою, которою, соединяя понятія, видимъ мы приличность или неприличность дѣйствія и обозрѣвая послѣдствія, не смотря на пріятности настоящаго мгновенія, выбираемъ лучше отдаленное, но большее и существительнѣйшее благо. Сіе дѣйствіе принадлежитъ совершенно разуму, не дано животнымъ, и будучи орудіемъ добродѣтели, составляетъ одно изъ знаменитѣйшихъ отличій человѣка.

Пользы и затрудненія Государственнаго знанія (*).

Познаніе Отечества своего необходимо нужно Государственному человѣку. Во всемъ округѣ своемъ оно необъятно; а особливо въ такой землѣ, какова Россія, которая безмѣрнымъ пространствомъ предѣловъ своихъ, различностію климатовъ, нравовъ и обитателей дѣлаетъ самое описаніе свое отмѣнно труднымъ. Настоящіе способы къ пріобрѣтенію сего познанія суть: дѣйствительное участіе въ дѣлахъ государственныхъ, разсматриваніе природы и общежитія въ городахъ и селахъ. Достовѣрныя извѣстія любопытныхъ и вникательныхъ путешественниковъ могутъ быть полагаемы основаніями. Вразсужденіи описанія природы мы не имѣемъ въ нихъ недостатка. Нѣкоторые въ разныя времена коснулися изысканія древностей и нравовъ. Таковы были *Миллеръ* и *Фишеръ*. Сибирь, новая земля вразсужденіи Россіи, преимущественно привлекла вниманіе ихъ. Славные современники

(*) Сей отрывокъ, важный по своему содержанію, не принадлежитъ къ Тетради сочиненій въ Никольскомъ.

наши, *Палласъ, Лепехинъ, Георги* оставили достопамятные знаки любопытства своего въ отдаленныхъ земляхъ, которыя они обозрѣли. Но мы еще ожидаемъ руки, которая умѣла бы пользоваться сими извѣстіями и совершить полное изображеніе государственнаго состоянія Россіи. Академія Наукъ приступала къ сему общеполезному предпріятію и выдала начертаніе, объемлющее всѣ возможные предметы: Землеописаніе, Исторію природы и перемѣнъ гражданскихъ, Правленіе, Хозяйство, Промышленность, Торговлю. Другія упражненія отвратили сіе Ученое Общество отъ совершенія сего предпріятія. Таковыя изображенія не могутъ быть постоянно вѣрны, потому что Государство не остается всегда въ одинаковомъ положеніи. Нынѣшнее населеніе Россіи превышаетъ невѣроятнымъ образомъ то, которое означено первою ревизіею при Государѣ Петрѣ Великомъ. Но сличеніе таковыхъ изображеній, отъ времени до времени издаваемыхъ, подало бы намъ любопытныя свѣденія о причинахъ, умножающихъ государственное благосостояніе, и было бы училищемъ для тѣхъ, которые посвящаютъ себя различнымъ должностямъ правленія. Разсматривая въ близости особенныя части, изъ

которыхъ сложена огромная махина Государства, удобнѣе научаемся движенію ихъ — ученіе, весьма полезное для тѣхъ, которыхъ званіе опредѣляетъ къ управленію оной. Правитель, Министръ, всякой, кому будетъ нѣкогда ввѣрено важное отдѣленіе государственной власти, долженъ почитать обязанностію своею узнать точнѣйшимъ образомъ свойство Правленія, законы, пользы, способы, выгоды и неудобности земли своей. Государь Петръ Первый, будучи въ Парижской Академіи Наукъ, Своею рукою поправилъ погрѣшности, которыя при первомъ взглядѣ примѣтилъ на картѣ Каспійскаго моря (*). Сіе подробное знаніе земли своей способствовало Ему къ воспріятію дальновидныхъ и общеполезныхъ намѣреній. Такимъ образомъ соединилъ онъ Волгу съ Невою и даровалъ Петербургу неоцѣненную выгоду водянаго сообщенія, и предначерталъ соединеніе Волги съ Дономъ. Какимъ образомъ защищать Государство отъ нападеній непріятеля, когда не знаешь мѣстоположенія, границъ своихъ, путей проникнуть въ непрі-

(*) Сія карта хранится въ Парижской Имп., нынѣ Королевской, Библіотекѣ. Французы съ удовольствіемъ показывали ее Рускимъ Офицерамъ.

ятельскую землю, важныхъ *проходовъ*, которые, удержаны будучи, прикрываютъ цѣлыя общества? Неисчетны различныя примѣненія Землеописанія. Но еще важнѣе знаніе народной силы, богатства, потребностей, обычаевъ, просвѣщенія. Не въ однихъ городахъ долженствуетъ остановиться вниманіе наблюдателя, хотя и города заслуживаютъ оное зрѣлищемъ искусствъ, дѣятельностію общества и Правленія. Но иногда роскошь и ослѣпляющій блескъ городовъ означаютъ бѣдность полей: торговля и рукодѣлія могутъ быть противны выгодамъ земледѣльства. И сія первая нужда человѣческаго рода, занимающая руки большой части народа, должна удостоиться особеннаго поощренія и покровительства. Таковыя наблюденія частныхъ дѣлъ служатъ иногда основаніемъ важныхъ правилъ въ государственномъ хозяйствѣ. Такимъ образомъ славный политическій писатель, *Смитъ*, умѣетъ подтверждать настоящими дѣлами свою теорію, вмѣстѣ простую и глубокомысленную. Онъ слѣдуетъ повсюду за трудолюбіемъ народнымъ, и доказываетъ очевидно, какимъ образомъ, извлекая изъ нѣдра земли первыя начала богатства, придаетъ оно имъ новую цѣну отдѣлкою, и посредствомъ выдуманныхъ зна-

ковъ (денегъ), представляющихъ оныя, устремляетъ обращеніе ихъ во всѣхъ *протокахъ* общества; возбуждаетъ прилѣжность, и съ умноженіемъ населенія, умножаетъ сокровища и силы народныя; дѣлаетъ удобнѣе для каждаго существованіе его, необходимое и пріятное. Самое просвѣщеніе принадлежитъ къ сему послѣднему состоянію. Люди, озабоченные скуднымъ доставленіемъ себѣ ежедневнаго пропитанія, не чувствуютъ охоты теряться въ ощущеніяхъ нѣжныхъ и возвышенныхъ, которыя требуются для упражненія въ прекрасныхъ искусствахъ, или углубляться въ отвлеченныхъ размышленіяхъ, которыя предполагаются въ точныхъ Наукахъ и испытаніи Естества. Въ составѣ Государства, такъ какъ въ необъятномъ округѣ Природы, невидимая нить соединяетъ отдаленнѣйшія части онаго и изъ различныхъ состояній и упражненій составляетъ одно цѣлое. Такимъ образомъ Ученый служитъ Земледѣльцу и Земледѣлецъ Ученому. Богатый выдаетъ капиталъ свой, бѣдный продаетъ свою работу; каждой думаетъ, что онъ трудится для себя; но все общество наслаждается трудами ихъ. Надобно покровительствовать всѣмъ похвальнымъ упражненіямъ по мѣрѣ пользы,

которую приносятъ онѣ обществу. Нѣтъ ничего вреднѣе, какъ жертвовать одному состоянію уничиженіемъ всѣхъ другихъ. *Колбертъ*, благопріятствуя излишно системѣ купечества и рукодѣлій, отнялъ полезныя руки у земледѣлія. Цѣлой народъ ученыхъ или предводителей не можетъ существовать нигдѣ, кромѣ въ воображеніи. Ежели мудрость дана человѣку, такъ она должна представляться видимымъ образомъ въ Наукѣ Правленія. Вотъ для чего Маркъ-Аврелій долженъ быть предпочтенъ Сократу. Быть одушевлену любовію къ человѣчеству, посвятить пользѣ его и сохраненію употребленіе власти, соединить глубокое знаніе людей и своего государства съ ненарушимою благотворительностію, жертвовать жизнію и спокойствіемъ для общаго блага: таково, кажется, было обѣщаніе, которое положилъ въ сердцѣ своемъ *сей вѣнчанный Стоикъ*, достойный удивленія во всякомъ другомъ состояніи, но только на престолѣ истинно великій. При немъ Римъ не сожалѣлъ о потерѣ вольности: подъ властію Императора онъ наслаждался ею въ совершенной тишинѣ и безопасности. Рабы Тиверіевы не могли найти доступа къ Марку Аврелію; ему не было нужды въ подлости. Но чтобъ сдѣлать постоян-

нымъ и продолжительнымъ щастіе народовъ, почтеніе законовъ должно быть начертано въ глубинѣ сердецъ. Воспитаніе заблаговременно должно образовать нѣжные нравы юношества. Никакое сіяніе Государства не въ силахъ вознаградить потерю нравовъ. Развращеніе ихъ и разрушеніе Государствъ малѣйшимъ разстояніемъ отдалены другъ отъ друга. Всѣ сіи предметы принадлежатъ къ Наукѣ Правительства. Нравоученіе служитъ основаніемъ его. Исторія освѣщаетъ ее, показывая по всему земному шару происшедшія перемѣны и вліяніе пороковъ и добродѣтелей. Знаніе законовъ, существенно занимающее одно состояніе въ Государствѣ и необходимое всѣмъ другимъ, не можетъ быть разлучено съ градоправительствомъ. Наука о государственныхъ доходахъ, Наука торговли, рукодѣлій, внутренняго управленія и благочинія, Знаніе внѣшнихъ отношеній къ другимъ государствамъ, Искусство защищенія внѣшней безопасности и употребленія военныхъ силъ принадлежатъ къ Наукѣ Государственнаго человѣка. Древніе прилѣплялися въ ней болѣе къ общимъ правиламъ, ученію и образованію нравовъ, на которомъ образовали они благосостояніе общества. Многіе изъ нихъ начертали, какъ Пла-

тонъ, по изволенію, вымышленный образъ самаго лучшаго правленія. *Ликургъ* болѣе сдѣлалъ: онъ превратилъ гражданъ своихъ въ другой народъ, въ умствованіи созданный. Нынѣшнія государства суть тѣла, несравненно сложнѣйшія передъ древними. Искусства, торговля, союзы, арміи предписываютъ имъ совсѣмъ другое шествіе. Но обстоятельное знаніе всѣхъ сихъ предметовъ составляетъ Государственное знаніе.

Конецъ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Напечатано	*Читай*
Стр. 18 строка 19	
о другѣ	о другѣ,
Стр. 41 стр. 23	
исполнятся	исполняются
Стр. 46 стр. 13	
щастія	щастія,
Стр 90 стр. 3	
съ тобою,	съ тобою
Стр. 126 стр. послѣдняя	
прекрасное	прекрасное,
Стр. 129 стр. 6	
что какой	что, какой
Стр. 134 стр. 14	
выходить	доходить
Стр. 135 стр. 24	
находитъ,	находитъ
Стр. 148 стр. послѣдняя	
человѣческаго	человѣческаго рода,
Стр. 158 стр. 16	
подгорной	подгородной
Стр. 171 стр. 3	
Дитя	Дитя,
Стр. 174 стр. 2	
Тиберіи	Тиверіи
Стр. 188 стр. послѣдняя	
въ Никольскомъ.	въ Никольскомъ. *Изд.*
Стр. 190 стр. послѣдняя	
Офицерамъ.	Офицерамъ. *Изд.*

Напечатано	*Читай*
Стр. XIII стр. 24	
выводитъ	выводитъ на сцену
Стр. XIV стр. 16	
добрый между ими	добрый, между ими
Стр. XXVI стр. 10	
близъ	близь.

ЗАМѢЧАНІЕ.

Издатели не признаютъ другихъ экземпляровъ, кромѣ тѣхъ, при коихъ приложенъ виньетъ.

10

LIBRARY OF CONGRESS
0 005 872 430 0